

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

Баттулга Очир

**ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ХУННУ В МОНГОЛИИ**

Специальность 5.6.3. Археология (исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
С.Г. Боталов

Челябинск, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Начало исследований памятников Хунну Монголии в 20–50-е годы XX века	22
1.1. Первый этап исследований памятников Хунну в Монголии (20–50-е годы XX века)	22
1.2. Анализ материалов из первых раскопок памятников Хунну Монголии	26
ГЛАВА II. Исследование памятников Хунну Монголии в 1960–1990 годы	46
2.1. Раскопки хуннских погребальных и поселенческих памятников (1960–1990 гг.)	47
2.2. Анализ материалов исследований 1960–1990-х годов и некоторые точки зрения на исторические реконструкции культуры Хунну Монголии	61
ГЛАВА III. Исследования памятников Хунну Монголии в 1990 годы – по настоящее время	81
3.1. Исследование памятников Хунну в 1990–2000 гг.	81
3.2. Анализ материалов из раскопок памятников хуннов конца XX века и некоторые точки зрения на реконструкцию историко- культурных процессов	92
3.3. Исследование памятников монгольских хуннов в 2000–2010 годы	96
3.4. Анализ материалов из раскопок памятников Хунну начала 2000-х годов и некоторые точки зрения на реконструкцию историко- культурных процессов	120
3.5. Исследования памятников хуннов Монголии с 2011 года – до сегодняшнего дня	137
3.6. Анализ материалов из раскопок памятников хуннов последнего десятилетия и некоторые точки зрения на реконструкцию	

историко-культурных процессов	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	182
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	217
Сводная таблица хуннских рядовых курганов, исследованных в Монголии	219
ИЛЛЮСТРАЦИИ	228

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Археологические памятники времени Хунну были выявлены на территории Российской Федерации, Монголии и Китайской народной республики. Большинство исследователей признают, что большое количество хуннских комплексов находится на территории Монголии, поэтому современное состояние археологических исследований Хунну во многом определяется результатами работ, проведенными на монгольской земле. Масштаб и размах археологических исследований Хунну в Монголии постоянно растут, также растет и количество информации об обнаруженных и исследованных памятниках, пополняется банк отчетов и количество раскопанных памятников, создана и постоянно дополняется карта распространения и плотности археологических памятников Хунну по областям и регионам Монголии. Особенно активизировалась работа по изучению хуннской истории после 1990-х годов в связи с ростом совместных монгольских и международных экспедиций и заинтересованностью монгольских органов власти в раскопках археологических памятников и тщательной фиксации места обнаружения и результатов исследования. Сегодня как никогда становится актуальной проблема создания организованного банка данных по учету обнаруженных и исследованных памятников Хунну, выявлению и публикации всех имеющихся материалов. Проблема отсутствия организованной и систематической базы по истории изучения Хунну беспокоит и международных, и монгольских исследователей. Отсутствие строгого учета исследовательских работ и общего реестра открытых и исследованных памятников может привести к утрате уникальных материалов.

Без определения состояния археологических исследований Хунну на территории Монголии, где обнаружено и исследовано большее количество памятников Хунну, невозможно сделать объективных выводов не только в международных исследованиях Хунну, но и в исследовании кочевого способа ведения хозяйства ранних и поздних кочевников. На территории Монголии большая часть работ была проведена и проводится сегодня монгольскими

археологами, что отражено в научных отчетах и публикациях. Обобщение всех результатов даст возможность определить состояние археологических исследований Хунну в Монголии.

Степень изученности темы. С 1936 года было начато издание результатов археологических исследований Хунну в работах монгольских археологов и историков. Впервые Ж. Цэвээн, писал, что «исследования Хунну, проведенные в Монголии в основном опирались на материалы могильника Ноён-ула; в последнее время у горы Ноён-Уул найдено много инвентаря, связанного с историей так называемых монгольских Хунну, что свидетельствует о том, что две тысячи лет назад на монгольской земле вместе сосуществовали западная культура (влияние культур Средней Азии), южная или китайская культура (влияние культуры эпохи Хань), и культура кочевников Евразии. Инвентарь и изделия того времени были чудесными» (Цэвээн, 1936).

В 1957 году Х. Пэрлээ опубликовал статью «Краткое обозрение монгольских археологических исследований», в которой он напомнил, что экспедиция П.К. Козлова проводила раскопки в горах Ноён с 1924 по 1926 год, экспедиция под руководством Ц. Доржсурэна проводила раскопки в горах Ноён и в урочище Хунуй гол (Гол-мод Б.О.) с 1945 по 1956 год. Кроме того Х. Пэрлээ отметил, что были обнаружены хуннские городища и поселения в урочищах «Дөрвөлжин газар» (Тэрэлжийн дурбулжин Б.О.), «Гуа дов», «Хурээн дов», «Баруун дуруугийн хэрэм» вдоль реки Хэрлэн и Цэнхэрийн гол и Шувуут и поблизости Улаанбаатара в урочищах Хуандайн-ам, Сэлбэ и вдоль железной дороги Сухбаатар–Улаанбаатар обнаружено много хуннских погребений (Пэрлээ, 1957). Исследования монгольских историков и археологов по Хунну интенсифицировались и стали целенаправленными с 1950-х годов. Монгольские ученые Ц. Доржсурэн в 1961 году, Г. Сухбаатар в 1980 году, З. Батсайхан в 2002 году и Ц. Торбат в 2004 году не только подвели первоначальные итоги исследований, но и выявили сложнейшие проблемы в изучении Хунну, которые требовали продолжения исследований по генезису, внешней политике, экономике и духовной культуре хуннского общества.

Аналитические публикации посвящены в основном следующим темам: а) история становления и развития Хунну; б) «общие» исследования, содержащие историографический обзор; в) работы «по генезису», в которых рассматривались также проблемы родовых и культурных отношений в хуннском обществе; г) политическая история и государственный строй; д) хозяйственный уклад; е) духовная культура.

В 1960 годах выходит значительное количество публикаций об исследованиях Х. Пэрлээ, Ц. Доржсүрэна, в 1970-х – Н. Сэр-Оджава, Д. Наваана, Г. Сухбаатара, в которых анализируются археологические источники.

В 1961 году опубликована работа Ц. Доржсүрэна «Северные Хунну», который впервые приводит количество исследованных памятников Хунну «около 850 курганов (могил) были обнаружены в Хиагте СССР, у горы Ноён-Уул, в пади Бэлх сомона Батсүмбэр Центрального аймака, в месте Хуний гол сомона Хайрхан Архангаского аймака... из них 27 больших захоронений (курганов), 153 малых». В Хиагте были раскопаны Ю.Д. Талько-Гринцевичем были раскопаны 110 малых курганов, Ц. Доржсүрэном в горе Ноён-Уул – 15 курганов, в месте Хуний гол Архангай аймака 26 курганов, около горы Хайрхан Баянцогт сомона 2 кургана Г.Н. Боровкиным и другими» (Доржсүрэн, 1962). «Невозможно установить, – писал он, – что из обнаруженных более 800 курганов, сколько принадлежат знатым людям, из них только 14 было раскопано и изучено. В 1928–1929 годы было раскопано Г.П. Сосновским 2 кургана, П. Козловым 6 курганов в пади Сужигт и Журамт горы Ноён-Уул, в 1912 году Баллодом 1 курган ещё недокопан» (Доржсүрэн, 1962). Автором были рассмотрены археологические исследования Хунну на территории СССР и МНР и представлены материалы по результатам раскопок поселенических памятников «на территории СССР и МНР и выявлено более 10 развалин крепостей и городищ. Было раскопано 4 на территории Монголии, одно большое поселение на территории СССР» (Доржсүрэн, 1961).

В 1963 году издана статья Н. Сэр-Оджава «40-летие исследований и анализ древностей в МНР». Автор отмечает, что изучение Хунну началось с раскопок 1924 года у горы Ноён-уула, в 1954–1957 годы Ц. Доржсүрэном раскопаны малые

курганы в месте Хуний гол Архангай аймака, Х. Пэрлээм раскопаны в устье Хэрлэн подквадратная крепость Тэрэлж, крепость Бурх, Гуа дов, крепость Баруундороо и другие крепостные валы времени Хунну, найдены строительный инвентарь, украшения, сосуды из глины и многое другое (Сэр-Оджав, 1963).

В 1970-х годах Н. Сэр-Оджав отмечает, что «находки из простых погребений похожи между собой, часто встречаются костянные накладки лука, железные и бронзовые наконечники, железные ножи, керамические или бронзовые сосуды, котлы, тарелки, костяные палочки, половник, кулоны из жемчуга и драгоценных камней, каури, золотые украшения». Были произведены раскопки на 4 поселенческих памятниках из 10 (Сэр-Оджав, 1977).

Как сообщил Д. Наваан с 1960 по 1980 год на территории Монголии были исследованы 50 погребений. Принадлежность большинства из раскопанных погребений простым хуннам дает возможность исследовать их жизнь и быт (Наваан, 1980).

В 1980-е годы вышли в свет монографии Г. Сухбаатара и многочисленные статьи по археологии Д. Цэвээндоржа.

В 1987 году Д. Цэвээндорж в статье «Обзор монгольских археологических исследований» перечислил территории, где произведены раскопки погребальных комплексов Хунну, но не приводит точное количество исследованных памятников. Автор отмечает, что «разведка и археологические исследования были проведены Х. Пэрлээ на территории Тов, Хэнтый, Дорнод, Омногоби, Булган аймаков, выявлено, и исследовано более 10 поселений» (Цэвээндорж, 1987).

В том же году напечатана книга Н. Сэр-Оджавы «Монгольская археология» в соавторстве, где вторую главу написал Д. Цэвээндорж. Он писал: «обращали большое внимание на раскопки погребений, так как самые распространённые находки для изучения вопросов о хуннском обществе, экономике и культуре обнаруживаются при раскопках погребений простых хуннов. К сожалению, раскопки хуннских поселенческих памятников, которые производились непрерывно, стали прекращаться в последнее время» (Цэвээндорж, 1987). «Что касается петроглифов, существуют наскальные рисунки в урочище Ямаан усан

Ховдского аймака, но есть и другие петроглифы, которые относятся к хуннскому периоду и которые не исследованы детально до сих пор. Хуннский период занимает особое место в истории кочевников, необходимо обращать внимание на хуннскую археологию, так как она помогает исследовать причины создания племенных союзов, как результата распада первобытной общины, к префеодализму и их перехода к феодализму, минуя рабовладельческое общество» (Цэвээндорж, 1987). В данном издании был сделан вывод: «Современное состояние археологических исследований по хуннам не позволяет дать ответ на большинство поставленных вопросов. Необходимы широкомасштабные исследования хуннской истории и культуры с археологической точки зрения» (Цэвээндорж, 1987). В 1989 году Д. Наваан опубликовал статью «Вопросы исследований хуннов», в которой обзорно упомянул хуннские памятники в Забайкалье и определил цели археологических исследований. «В дальнейшем необходимо продолжать исследования по хуннам в долине Монгольского Алтая, особенно в Гоби за Алтаем. Так как в Гоби известны развалины Баянбулага в Номгоне и Худуо Сайрын балгас в Баян-овоо Южно-Гобийского аймака, там должны быть и погребения». «Погребения хуннских аристократов имеются в урочище Гол-модон в сомоне Хайрхан Архангайского аймака, необходимо оформить предложения о раскопках погребений, создать музей хуннских древностей для путешественников, учёных и любителей. Для этого необходима организация работы большой комплексной экспедиции. Мы уже опоздали с проведением археологических исследований на новом уровне и с проведением раскопок больших погребений аристократов» (Наваан, 1989). С начала 1990-х годов публикуются работы З. Батсайхана, а с 2000 годов ученых археологов Ц. Турбата, Д. Эрдэнэбаатара, С. Улзийбаяра, Г. Рэгзэна, Ч. Ероол-Эрдэнэ, Ч. Амартувшина и других, в которых исследователи представляют свое видение и доказательства по генезису Хунну и их влияния на последующие поколения.

В публикациях монгольских исследователей впервые предлагаются материалы по союзам хуннских племен, политическим связям Хунну, административно-территориальному делению, чиновничеству, имущественному

разделению хуннского общества и внешней политике. Несмотря на многочисленные исследования монгольскими археологами материальной культуры Хунну духовная жизнь, письменность и искусство почти не рассматривались.

В 1990 году была опубликована статья Д. Наваана «Современные исследования Хунну», где отмечено, что с 1920 по 1950 год исследования погребальных комплексов Хунну на территории страны проведены без соблюдения научных и методических требований. Была учтена критика Ц. Доржсурэна о несоответствии научным методикам предыдущих археологических раскопок. Также отмечено, что с 1970 по 1988 год. Монголо-Советская совместная археологическая и Монголо-Венгерская совместная экспедиции в течение 20 лет раскопали в Монголии десятки курганов Хунну. Эти раскопки проводились бессистемно и методически необоснованно, поэтому необходимо изменить методику исследований и перейти на организацию комплексных экспедиций на территориях, где известны многочисленные хуннские комплексы, дающие надежный археологический материал (Наваан, 1989).

В 2002 году З. Батсайхан опубликовал монографию «Хунну», в которой представил обзор археологических исследований хуннов, проводившихся в Монголии и в Российской Федерации. По его мнению на территории Монголии были проведены раскопки около 400 хуннских памятников, материалы более 170 опубликованы (Батсайхан, 2002).

В 2003 году Ц. Турбат в совместной работе «Археологические памятники Эгийн гол» написал главу о хуннах и отметил, что в долине Эгийн гол проведены раскопки 106 курганов хуннов, что составляет 25% от общего числа обнаруженных памятников Хунну в Монголии (Турбат, 2003). В 2004 году Ц. Турбат издал монографическое исследование «Курганные захоронения простых хуннов», где представил обзор исследованных погребений хуннов, которые проводились в Монголии, Российской Федерации и Китае. На это время в Монголии было зарегистрировано 70 территорий, где обнаружены 4000 курганов хуннов, из них почти на 400 велись исследовательские работы. Автор отметил,

что «несомненно, это только малая часть от общего числа, потому как археологические исследования не затронули всю территорию, где в дальнейшем найдется много памятников». Ц. Турбат в своём труде привёл сводную таблицу, где сравнил предметы погребального инвентаря, сакральные предметы, похоронный обряд, исследованные в 174 курганах простых хуннов (Турбат, 2004). В этом же году он вместе с Ч. Еруул-Эрдэнэ и с другими археологами опубликовал статью «Обзор исследования захоронений хуннов, найденных в Монголии и состояние исследований на данный момент», в которой отметил: «в настоящее время ведутся широкие археологические раскопки совместно с учеными Франции, Турции, Кореи, Бельгии и из других стран» (Турбат, 2004).

Д. Цэвээндорж в 2007 году в статье «Обзор исследования хуннских памятников» пишет, что «с 1994 года по сей год (2007 г.) производили раскопки 170 погребений, что равно половине всех раскопанных погребений. Это доказывает значительное увеличение археологических исследований в стране» (Цэвээндорж, 2014).

В 2011 году Д. Цэвээндорж в статье «Археологические исследования хуннов» в соавторстве с Эрэгзэном отмечает большое значение самостоятельных и совместных работ Д. Наваана (1960 г.), Д. Цэвээндоржа (1970 г.), З. Батсайхана, Д. Эрдэнэбаатара и Ц. Турбата (1990 г.), а также отчёты и публикации по крупным проектам, которые начались с 2000 года совместно с Монгольским национальным музеем, Монгольским государственным университетом, Улаанбаатарским государственным университетом и другими организациями. В эти годы в Монголии обнаружены 7 могильников с погребениями аристократов и 600 малыми погребениями, 4000 малых погребений в 60 разных территориях, а также 13 поселенческих памятников. Хуннские памятники зафиксированы в основном в центральных районах Монголии, 96 % погребений хуннских аристократов были монгольскими (Цэвээндорж и др., 2011).

В 2015 году Д. Эрдэнэбаатар опубликовал статью «Исследование захоронений хуннской знати в городище», в которой представил материалы раскопок погребального сооружения знатного хунна, расположенного на

территории Архангай аймака, а также об археологических исследованиях Хунну в Монголии и Российской Федерации, однако не указывая количества исследованных памятников и без подробного описания материалов раскопок (Эрдэнэбаатар и др., 2015).

В том же году Ч. Еруул-Эрдэнэ в монографии «Изучение погребальных памятников хуннских аристократов» делает обзор памятников хуннских аристократов в Монголии и в соседних странах, обнаруженных в восьми районах Монголии и в четырех районах РФ (Еруул-Эрдэнэ, 2015).

В 2016 году ученые из Института истории и археологии МАН опубликовали альбом фотографий (6 томов) «Наследие Монгольской археологии» с краткими комментариями. В части «Могилы времен Хунну» III тома «Древние монгольские могилы» отмечено, что в Монголии, Забайкалье и Туве РФ обнаружены погребения аристократов в 12 территориях (Монголын..., 2016), погребения простых хуннов – 300. Число простых погребений насчитывает более 10 тысяч. Информацию о погребениях аристократов в альбоме представлял Ч. Еруул-Эрдэнэ, а о погребениях простых хуннов – Г. Эрэгзэн.

Большинство публикаций монгольских ученых об исследовании памятников Хунну в Монголии содержат недостаточный анализ полученных материалов. Д. Наваан и другие в конце 1980-х годов, анализируя состояние археологических исследований Хунну, редко используют научные отчеты и полученный фактический материал. К 1987 году монгольские археологи сделали множество важных теоретических заключений в исследовании «Монгольская археология», но недостаточно обосновывают дальнейшие перспективы и планы по изучению Хунну.

Необходимо продолжить работу по сбору и обобщению истории археологических исследований хуннов в Монголии, где в основном сосредоточены хуннские памятники, проанализировать накопленные материалы и определить направления дальнейших исследований.

Территориальные рамки исследования археологических памятников Монголии охватывают все районы страны.

Хронологические рамки работы определяются сбором и анализом материалов, представляющих результаты проведенных исследований с 1924 года по настоящее время.

Объектом исследования являются археологические памятники хунну на территории Монголии.

Предметом исследования является история, процесс становления и развития научных знаний по археологическим памятникам хунну; научно-исследовательская деятельность археологов и научных организаций, на основе комплексного анализа архивных источников и научных публикаций.

Цель работы заключается в представлении современного состояния и анализа результатов археологических исследований памятников Хунну в Монголии.

Задачи работы:

Провести сбор и анализ научных публикаций и архивных материалов, посвященных исследованию археологических памятников периода хунну на территории Монголии.

Определить количество раскопок, произведенных монгольскими исследователями самостоятельно и совместно с иностранными учеными. Отразить результаты раскопок на археологической карте Монголии.

Определить основные этапы исследований истории Хунну. Проанализировать цели и задачи этапов исследования. Выявить особенности каждого этапа.

Оценить вклад учёных в археологические исследования истории Хунну.

Рассмотреть исследования по этногенезу, культуре, хозяйству, общественному строю, административному делению и внешним отношениям Хунну.

Рассмотреть современное состояние и организацию археологических исследований Хунну в Монголии. Определить современные актуальные проблемы хуннской археологии в Монголии.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы Института Истории и Археологии Монгольской Академии Наук, Монгольского Государственного Университета, Монгольского национального исторического музея, Международного Института исследования кочевой цивилизации, Монгольского научно-технологического государственного университета, Центра культурного наследия Монголии, Монгольского центрального государственного архива, научные отчеты по результатам археологических исследований, многочисленные публикации, археологические коллекции.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что впервые обобщаются данные археологических исследований хуннских памятников в Монголии; подробно рассматривается история открытий и организация работ археологических экспедиций; представляются мнения ученых об археологических исследованиях Хунну по темам: генезис, антропология, производство, хозяйство, оседлость, война и войско, административное деление, общество, культура, письменность и внешние взаимоотношения.

Впервые делается попытка разделить историю археологических исследований хуннов на этапы и показать отличительные особенности каждого периода. Впервые систематизированы и проанализированы по единой методике материалы, полученные в результате археологических исследований хуннских памятников, сделана попытка ввести в хуннский период памятники, которые, по мнению исследователей, были отнесены к другим этапам истории. Впервые были собраны материалы совместных, международных и отечественных экспедиций по исследованию памятников Хунну.

Теоретическая и практическая значимость данной работы состоит в обобщении материалов археологических исследований Хунну с первых случайных раскопок по настоящее время. Анализ полученных материалов позволит планировать продолжение научных исследований Хунну с использованием современных методик и научных открытий, а также предоставит новые материалы по исследованию кочевого способа ведения хозяйства и образа жизни.

Методология и методы исследования. Основой методологической базы исследования служат принципы современной исторической науки – историзма, системности и объективности. Одним из центральных методов в работе является метод источниковедческого анализа, позволивший проанализировать собранный корпус архивных источников (археологических материалов и отчетов археологических исследований из научных учреждений Монголии), и компаративный метод, подразумевающий анализ источников с точки зрения верификации содержащейся в них информации. Историко-генетический метод использован для анализа событий истории открытий и раскопок хуннских памятников в Монголии, а также выявления динамики развития научных учреждений и ход научно-исследовательской деятельности ученых, работавших в регионе. С помощью историко-сравнительного метода удалось определить и проанализировать подходы исследователей и археологов для культурно-хронологической интерпретации археологических памятников.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Первые исследования памятников Хунну в Монголии совершались как разрозненные и случайные раскопки российскими исследователями (Д.Д. Талько-Гринцевич, П.К. Козлов, А.Д. Симукович, С.В. Киселев). Этот этап первичного накопления материалов по истории монгольских Хунну продолжался с 20-х по 50-е годы прошлого столетия. На основе анализа материалов раскопок П.К. Козлова были сделаны первые попытки реконструкции культурогенеза Хунну и основных культурно-хозяйственных составляющих хуннского общества.

2. В 1960–1990-х годах начинается более масштабное накопление археологических материалов, что связано с организацией регулярных работ Советско-Монгольской историко-культурной и Монгольско-Венгерской экспедиций (руководители Д. Цэвэндорж и И. Эрдели). Этот период стал временем создания монгольской национальной археологической школы. Значительно расширилась зона разведочного обследования территории Монголии. Особое внимание уделялось раскопкам малых курганов в центре и на севере страны. Определены виды погребальных конструкций простых хуннов и

установлена типичность находок. Было сделано важнейшее заключение о том, что Хунну жили на этой территории объединено, имея общую материальную и духовную культуру. Получила дальнейшее развитие идея Ц. Доржсурэна о том, что хуннская культура восходит к памятникам «плиточных могил». Обоснована необходимость продолжения дальнейших исследований для доказательства близости хуннских захоронений погребениям монголов в средние века. Впервые выдвигается предположение, что часть Хунну откочевывала до европейских границ и распространила «полихромную» технику в изготовлении оружия и украшений в Восточной Европе.

3. Современный этап исследований Хунну начинается с 1990-х годов и продолжается по настоящее время. Распад социалистического лагеря, открытие границ МНР стало решающим в организации многочисленных международных экспедиций и увеличения масштабов археологических исследований.

На долгосрочной основе начинают работать Монголо-Корейская совместная экспедиция в восточных районах страны, Монголо-Американская экспедиция в западных районах. Проводятся плановые исследования по определенным направлениям – Монголо-Японская экспедиция по изучению печей для плавки железных руд и обжига керамических изделий.

Цели и задачи археологических исследований переходят от накопления материалов к тщательному анализу с использованием всех современных методик. К 2020 году в Монголии обнаружено более 12000 погребений и могильников и произведены раскопки 600. Однако опубликована не полная информация о памятниках, исследованных в 1960–1980 годы.

С 1990 годов начата большая работа по тщательному анализу и составлению сводных таблиц с привлечением материалов всех раскопок. Анализ огромного архива археологических источников в Монголии позволяет рассматривать материальную и духовную культуру, общественный строй и внешние связи Хунну на новом уровне, с привлечением материалов малых погребений. Современная наука признает, что на организацию погребений хуннской аристократии влияла Ханьская культура, однако необходимо выявить

характерные признаки и детали их различий. Расширилась база антропологических и палеогенетических исследований. На основе материалов из хуннских погребений в Монголии с 2000 года проводятся работы по определению антропологического типа и генетике Хунну. Первоначальные выводы показывают, что они были гетерогенами. Однако использовать результаты генетических анализов и делать обобщающие заключения преждевременно, так как большинство ученых сомневаются в грамотном отборе проб, поэтому требуется проведение более тщательной проверки данных.

Так как исследования поселенческих памятников Хунну имеют большое значение для реконструкции быта и особенностей оседлой жизни при кочевом способе ведения хозяйства, в последние десятилетия им уделяется особое внимание, и выдвигаются новые гипотезы по организации хозяйства и быта на поселениях и укрепленных городищах. Однако многие вопросы еще остаются нерешенными.

Результаты многочисленных исследований по выплавке и обработке металла, гончарстве и кустарным промыслам, развитию ремесел Хунну показали необходимость тщательных раскопок оседлых памятников, которые играли большую роль в хозяйственной жизни населения державы. В последние годы ученые стали обращать внимание на технологию изготовления орудий и организацию процесса их производства, особенно по обработке металлов. Можно говорить об определенных успехах в изучении технологии обработки железной руды. Найдены многочисленные инструменты, оружие, предметы конского снаряжения, быта и сакральные предметы, иллюстрирующие достижения в обработке железной руды. Процессы получения железа из руды уже исследованы, необходимо найти помещения, связанные с кузнечными работами, для этого важно развивать экспериментальную археологию.

Обозначенные направления исследований сегодня четко маркируют перспективный комплекс проблем хуннского этнокультурогенеза. Собранный материал позволяет определять планы исследований Хунну на ближайшие десятилетия.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

По теме диссертационного исследования автором опубликовано 15 научных работ, в том числе 4 статьи, опубликованы в рецензируемых журналах и изданиях в соответствии с требованиями ВАК и Министерства науки и высшего образования РФ; 2 раздела в коллективных монографиях; 9 статей в других изданиях. Основные положения диссертации также были представлены в виде очных докладов на конференциях международного уровня: «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии» (Улан-Уде, 2015), VIII Международная конференция «Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая» (Китай, Чаньчунь, 2016).

Несколько памятников, составивших источниковую базу, были исследованы под руководством или при непосредственном участии автора диссертации. Была предложена авторская хронологическая поэтапность исследования памятников Хунну в Монголии, были опубликованы архивные материалы и обработаны археологические коллекции в музеях Монголии.

Структура диссертации соответствует поставленным целям и задачам, состоит из введения, трех глав, заключения, приложения в виде иллюстраций и таблиц.

В первую главу включены исследования 1920–1950 гг., рассмотрен начальный этап археологических исследований памятников Хунну в Монголии. Глава состоит из двух параграфов. В параграфе 1.1 были рассмотрены раскопки и исследования «Монголо-Тибетской экспедиции» П. Козлова, который впервые в Монголии открыл и раскопал хуннские памятники. В параграфе 1.2 представлена работа археологических экспедиций под руководством Х. Пэрлээ и Ц. Доржсурэна в 1950-е годы и проведен анализ полученных материалов.

Вторая глава охватывает период с 1960 по 1990 год и имеет два параграфа. В параграфе 2.1 рассматривается работа Монголо-Советской, Монголо-Венгерской и других совместных экспедиций с социалистическими странами, проводивших раскопки хуннских погребальных и поселенческих памятников. В параграфе 2.2 проведен анализ полученных материалов, описываются регулярные

археологические исследования Хунну монгольскими учеными совместно с археологами из социалистических стран. Исследования проводились с соблюдением требований методик советской школы археологии.

В третью главу вошли исследования с 1990 года по наши дни и она состоит из 6 параграфов. Данный период отличается интенсификацией археологических исследований в Монголии. Глава разбита на три периода исследований памятников Хунну в Монголии. В параграфе 3.1 рассматриваются исследования с 1990 по 2000 год, в параграфе 3.3 – с 2000 по 2010 год и в параграфе 3.5 – с 2010 года по наши дни. В параграфах 3.2, 3.4 и 3.6 проведен анализ материалов раскопок и рассмотрены некоторые точки зрения на реконструкцию историко-культурных процессов в хуннском обществе. В последнем параграфе (3.6) кратко рассмотрена работа совместных археологических экспедиций на территории Монголии. Эта глава отличается тем, что в ней рассматривается период археологических исследований, в котором Монголия проводит открытую политику, организуются международные экспедиции, внедряются в Монгольскую археологию новые методы естественных и общественных наук.

В начале каждой главы представляются организации, которые проводили исследования. Часть о реализации проектов включают в себя информацию об инициаторах и целях исследований. В конце каждой главы представлена аналитическая справка по материалам исследованных комплексов.

Научные отчеты и археологические коллекции стали основным источником исследования. Однако следует отметить, что уровень отчетов и результаты обработки коллекций часто выполнены не на должном уровне.

Было проведено сравнение мнений исследователей археологов по следующим темам: антропология и генетика; происхождение материальной культуры; культурные связи Хунну с последующими поколениями монголов и их судьбы после распада Хуннской империи; производственная деятельность и скотоводство, земледелие, оседлость и ремесла; военное дело; территория и административное деление; хуннское общество и социальные структуры; тамги и письменность; внешние экономические и политические связи.

В конце каждой главы обобщаются особенности, достижения и уровень исследований на данном этапе. В заключении оценивается современное состояние археологических исследований по Хунну в Монголии и предлагаются актуальные проблемы дальнейших исследований.

Соответствие паспорту специальности. Положения диссертации соответствуют паспорту специальности 5.6.3. Археология (исторические науки).

Общие понятия об археологических памятниках хунну. Погребальные памятники. Погребальные памятники хуннов делятся на большие курганы с дромосом (погребение аристократа) и на малое погребение (курган с округлой каменной насыпью).

Большое погребение аристократа имеет форму прямоугольника размерами 14 x 25 м или форму трапеции, которая сужается в передней части, в которой находится дромос (известно погребение общей длиной 80 м, шириной 40 м). На глубине с 8 до 25 м внутри двойного деревянного сруба укладывался погребенный вместе с различными сакральными изделиями и пищей. Большие погребения аристократов отличаются разновидностями и числом находок, в том числе драгоценными камнями, золотыми и серебряными украшениями.

Простое погребение имеет круглую каменную насыпь диаметром 5–11 м. Известно погребение с насыпью диаметром 20 м. Глубина простого погребения от 1,4 до 4 м. Известно погребение глубиной 7 м. Диаметр насыпи и глубина погребений имеют прямую зависимость друг от друга. В простых погребениях обнаруживаются лук, стрелы, копьё, нож, конское снаряжение, бусы различных цветов, бронзовое зеркало, керамические и бронзовые сосуды, в редких случаях золотые серьги и украшения. Голова погребенного в хуннском простом захоронении ориентирована на север (северо-запад, север и северо-восток в зависимости от времени года), на спине, руки вдоль туловища. Кроме того внутри ямы у головы погребенного археологи находят кости крупного и мелкого скота, в редких случаях кости собаки и сосуды с остатками пищи из различных сортов зерен. Нередки находки костей диких животных. Иногда сакральные предметы укладывались в нишу в изголовье погребенного. Известны погребения

без инвентаря. Покойников хоронят внутри деревянного сруба, деревянного гроба, деревянного ящика, каменного сруба или просто в яме.

Поселенческие памятники. Обнаружено более 20 поселенческих памятников, из них 15 находятся на территории Монголии. Размеры их колеблются от 400 х 400 м до 250 х 200 м. Поселения прямоугольной формы и с земляной насыпью высотой 0,8–1,0 м. При раскопках обнаруживаются черепица, полуцилиндрические и концевые диски, которые часто похожи на некоторые декоративные детали периода Хань, но имеют свои особенности сочетания узоров и фигур. В поселенческих памятниках обнаруживаются керамические хозяйственные сосуды и кости домашних животных. На некоторых поселенческих памятниках зафиксированы жилища в виде полуземлянок. Керамическая посуда, кости домашних животных и орудия труда позволяют реконструировать способы ведения хозяйств и производства.

Производственные комплексы. По нашему мнению в число объектов хозяйства и производства входят остатки печи для плавки железных руд и печи для обжига керамических изделий. Такие находки малочисленны и им уделяется особое внимание.

Наскальные изображения (петроглифы). А.П. Окладников разделил петроглифы в Монголии на три группы: нарисованные, гравированные и резанные тонко по методу их создания и по содержанию, а также на охровые рисунки на «Сэлэнгинские», «Лесные» и «С косыми крестами» (Окладников, 1980; Окладников, 1981). Такое разделение стало большим вкладом в изучении наскальных рисунков в Монголии и стало методической основой для исследования этих памятников. Вообще вклад советских исследователей в изучение наскальных рисунков в 1970–1980 годы неоценим. Статья Д. Доржа «Изучение наскальных рисунков в Монголии», написанная в 1962 году является первой работой монгольских исследователей по изучению наскальных рисунков, и в ней была сделана попытка поделить петроглифы по периодам: 1 – петроглифы бронзового века (конец II тыс. – начало I тыс. до н.э.); 2 – скифо-сибирские формы (с VII в. до н.э. – I в. н.э.); петроглифы Тюркского и Монгольского

периода (VII–VIII вв.). Десять лет спустя на II Международной конференции монголоведов была представлена следующая периодизация: 1 – петроглифы, относящиеся к каменному веку, 2 – к бронзовому и раннему железному веку, 3 – к Тюркскому периоду (VII–VIII вв.), 4 – к киргизскому периоду (конец IX в.) и петроглифы, относящиеся к Монгольскому периоду (XIII–XIV вв.) в зависимости от развития петроглифов в Монголии (Дорж, 1972). Исследование Доржа «Петроглифы Монголии» напечатанная в 1975 году была первой большой монографией, написанной монгольским исследователем по петроглифам. Автор обогащает представленную периодизацию источниками и добавляет самостоятельный хуннский период (Дорж, 1975).

Наскальные изображения периода Хунну можно датировать по методу сравнительного анализа аналогично погребальным и поселенческим памятникам. Изображение наездников рядом с повозкой, обнаруженное в ущелье Ямаан ус, в Уенч сомон, Ховд аймака; изображение воинов с копьями, обнаруженное в Халиун сомон, Говь-Алтай аймаке; изображение людей и животных, обнаруженное на скале Цагаан элэг, Дэлгэрхаан уул, в Тубшинширээ сомон, Сухбаатар аймака; изображение экипажа на скалах в местности Баруун билуу, расположенной вблизи горы Дэл, в Улзийт сомон, Дундгов аймака; изображение в квадратной раме гигантской змеи с пестрой чешуей, раскрывающийся леопард в начале прыжка, обнаруженные на скале Хахуулийн гол, в Номгон сомон, Умнуговь аймака в Монголии исследователи датируют эпохой Хунну. Тем же временем датируют и изображение всадника и лошади на скале местности Сонгинот, Баянхонгор аймака.

Редкие находки наскальных рисунков, связанные с хуннским населением, исследователи объясняют следующим образом: «так как кочевники развивались и до занятий классическим скотоводством в конце бронзового и в начале железного века их верования также изменились. От поклонения силам природы и отдельным видам животных население стало проводить религиозные ритуалы в специальных местах и организовано» (Пэрлээ, 1961, с. 32; Сухбаатар, 2000, с. 150, 254; Батсайхан, 2002а, с. 185). Как считают исследователи, особенностью петроглифов

хуннского периода в Монголии, Горном Алтае и Туве являются реальность изображения, подвижность образов, сгибание одной передней ноги и выпрямление другой, длинное и тонкое туловище и втянутый живот (Батболд, 2011, с. 27–28).

ГЛАВА I. Начало исследований памятников Хунну Монголии в 20–50-е годы XX века

Исследование хуннской истории с историко-теоретической точки зрения началось в XVII веке в Европе. Впервые в XVII веке история китайских государств была переведена на французский язык. Далее учёные Э. Паркер, де Гроот, Н.Я. Бичурин и другие переводили источники на китайском языке на европейские языки, положив начало исследованиям кочевников Центральной Азии. Французский историк Ж. Дегин представил историю кочевников Центральной Азии как «История Хуннов, Тюрков, Монголов и других тартаров в периодах до н.э. и н.э.». До начала XX века исследования учёных по Хунну основывалось только на письменных источниках (Хунну, 2015, с. 8).

Для работ кочевниковедов-ориенталистов XVIII в.–первых десятилетий XX в. характерно отсутствие интереса к изучению социальной истории хуннского общества. Кроме вопросов политической истории номадов авторов этих работ интересовали этническая принадлежность Хунну и проблема их соотношения с европейскими гуннами. В исследованиях, где констатировалось наличие или отсутствие в хуннском обществе государственности, не было глубокого анализа этого вопроса (Крадин, 2001, с. 19).

Археологические памятники Хунну впервые были выявлены в конце XIX века Ю.Д. Талько-Гринцевичем, который открыл большинство известных сейчас в Забайкалье могильников Хунну.

1.1. Первый этап исследований памятников Хунну в Монголии (20–50-е годы XX века).

Техник общества «Монголор» А.Я. Баллод открыл погребения в горах Ноён случайно во время разведки золотых приисков. Он прорубил скважину, попавшую в погребение. Зимой 1913 года Баллод с группой рабочих обнаружил в долине Журамте древние ямы, которые принял за разработки рудокопов. Получив специальное разрешение на их изучение, он проник внутрь одной из ям, где обнаружил совершенно неожиданный для себя материал: фрагменты горелого

дерева, угли, обрывки тканей. Вскоре Баллод понял, что столкнулся с древними могилами (Сутягина, 2014, с. 258). В 1926 году в отчёте С.А. Теплоухов сухо сообщает, что в 1912 году Баллод заложил шурф в самом большом кургане, «добыл оттуда несколько вещей, часть которых поступила в Иркутский музей, а другая часть была куплена экспедицией П.К. Козлова у вдовы Баллода» (Теплоухов, 1925, с. 13). Баллод писал заведующему Иркутского музея Я.Н. Худокину письма о находках и посылал их рисунки. И в свою очередь Я.Н. Худокин писал письма в Санкт-Петербург. Из этих писем узнали о находках в Ноин-Уле в Российском географическом обществе, Академии наук, археологическом обществе Москвы. Вскоре Баллод умер, не дождавшись исследований в Ноин-Уле (Юсупова, 2010, с. 7). В 1923 году экспедиции из Москвы во главе с П.К. Козловым пришлось вернуться в Россию из Урго вследствие политических обстоятельств в Монголии, не давших им возможности продолжать раскопки в Хар хоте на юге Монголии в большой Гоби, а также провести географическое исследование в Цайдаме. Однако Козлов не выполнил приказ из центра и так как он уже не имел официального права продолжать работы П.К. Козлов начал собирать у местных жителей информацию о древних памятниках близ Урго, чтобы оправдать «надежду народа». В это время он встретился с И.Я. Ежо, который приехал из Польши и работал в обществе «Монголор». И.Я. Ежо говорил, что вблизи прииска в Ноин-Уле есть одна странная пещера, в которой люди нашли шелковые изделия, каменные тарелки, золотую пуговицу и даже скелет человека. Козлов направил туда Кондратьева вместе с Ежо. Кондратьев познакомился с А.А. Кузнецовым, который раньше работал в обществе «Монголор» и в данный момент был охранником имущества прииска, и узнал, что это была древняя могила. Ежо принес Кондратьеву остатки находок, которые были найдены в кладбище в Зурамте и сохранены у госпожи Баллод. П.К. Козлов решил рискнуть и начать внеплановые работы, то есть, раскопки в Ноин-Уле по своей инициативе, договорившись с представителями из Ученого комитета и его председателем Цэвэном Жамсрановым (Юсупова, 2010, с. 10–11). Экспедиция Козлова должна была зафиксировать раскопки Баллода,

курганные насыпи и провести дальнейшие исследования. Один из вышестоящих должностных лиц Горбунов хлопотал и получил у правительства в апреле 1924 года разрешение на работу Монгольско-Тибетской экспедиции в Монголии в следующем году. Кроме того для раскопок сначала нанимали русских рабочих, но так как с ними работать было сложно заменили их китайскими рабочими. П.К. Козлов писал об удивительных находках, что привело к повышенному вниманию центральных органов и были посланы археологи С.А. Теплоухова и Г.И. Боровка (Юсупова, 2010, с. 18). В публикации С.И. Руденко 1962 года, были представлены находки из 8 курганов: раскопанного Баллодом; кургана Теплоухова или № 24; кургана Андреева; кургана Кондратьева; кургана № 1 или «Мокрого»; кургана № 6 или «Верхнего»; курганов № 23 и № 25. Различия публикаций С.И. Руденко и Ц. Доржсурэна было в том, что у С.И. Руденко не были рассмотрены материалы кургана № 2, раскопанного С.А. Теплоуховым и Г.И. Боровкой в пади Суцзуктэ (Руденко, 1962).

В результате раскопок экспедиции П.К. Козлова в Ноин-Уле впервые была получена информация о внешней и внутренней организации больших погребений хуннских аристократов и о ритуалах хуннских похорон. Кроме того, впервые были обнаружены деревянные сооружения, лакированная пиала, костяные, бронзовые и железные наконечники стрел, костяные накладки лука, бытовые деревянные сосуды, бронзовые котлы, железные ножи, верхняя одежда, зимние и летние шапки, брюки, сапоги, косы, бронзовые и золотые аксессуары для одежды, бусы из драгоценных камней, бронзовые зеркала, конская упряжь – удила и псалии, шлеи, подпруги, седла, а также ковры с узорами – изображения лиц людей и животных, керамические сосуды разных форм, скелеты людей и животных. Находки стали ценными предметами при выяснении погребального обряда, антропологических особенностей погребенных, хозяйства, военного снаряжения, ремесла, искусства, внешних связей Хунну.

В 1925 году советским ученым Владимирцовым были произведены рекогносцировочные раскопки крепости Терелжа на левом берегу реки Терелж, а также на развалинах крепостного вала под названием «Ундер дов», обнаруженных

в местечке «Аяга-шанаг» между озерами Их-Гун и Бага-Гун вблизи реки Керулен на территории Эрдэнэ сомона Центрального аймака. В результате проведенных работ были найдены фрагменты глиняных изделий (возможно связанных со строительством крепости). Однако определить их культурную принадлежность и датировку не представлялось возможным. В дальнейшем, новые материалы по поселенческим комплексам позволили в 1949 году В.С. Киселеву установить принадлежность этих памятников Хунну.

После возвращения экспедиции П.К. Козлова А.Д. Симуков остался в Монголии, работал в Ученом комитете и проводил исследования по географии, а до 1954 года не было никакой информации о проведении каких-либо раскопок. Однако Ц. Доржсурэн обнаружил, что в Фонде ведомства исторических исследований Института высшего образования и науки (сейчас Монгольская Академия Наук) хранится предварительный рукописный и напечатанный на пишущей машинке отчет научного работника А.Д. Симукова (Доржсурэн, 1956а). Институт науки выделил Симукову 700₮ и он с марта по май 1927 года проводил в падах Суцзуктэ (курган № 5) и Журамт («Симуковский курган») раскопки курганов (Доржсурэн, 1956а, с. 56). Несмотря на то, что географ А.Д. Симуков не сумел провести детальные раскопки, он обнаружил лакированный сосуд, который дал возможность определить точную дату хуннского погребения и определить примерные даты других хуннских погребений. Надпись на сосуде расшифровал безымянный исследователь ученого комитета: «сделан в 5-ом году Цзяньпина». Основываясь на этом, Ц. Доржсурэн поддерживал мнение о том, что это погребение является погребением хуннского Ужюлья-жоди шаньюя (Доржсурэн, 1956а, с. 60–61). Чашка с китайским иероглифом, обнаруженная при раскопках Симуковым, была найдена в хуннском погребении в Ноин-Уле, что также является подтверждением, что исследованные памятники в Ноин-Уле принадлежат ко времени Хунну. Симуков впервые обнаружил череп человека в сохранности, который был важным предметом определения облика хуннов (к сожалению, эта ценная находка была повреждена полностью вследствие неправильного хранения).

Экспедиция П.К. Козлова проводила «раскопки 20 курганов в настоящий отчет вошли только материалы 12 погребений» (Доржсурэн, 1956б, с. 44). В монографии, изданной в 1961 году, Ц. Доржсурэн написал: «Хотя экспедиция Козлова проводила раскопки четырех курганов среднего размера и восьми курганов большого размера, в четырех небольших курганах не было найдено значительных предметов. Следовательно экспедиция не готовила документы для исследования» (Доржсурэн, 1961, с. 24). Автор опубликовал материалы по предметам, обнаруженным в восьми погребениях, раскопанных П.К. Козловым, одного кургана раскопок Баллода в 1912 году и материалы двух курганов, раскопанных А.Д. Симуковым в 1927 году, в итоге всего 11 курганов в горах Ноён. Кроме того, Ц. Доржсурэн добавил материалы двух погребений, раскопанных А.Д. Симуковым после возвращения экспедиции П.К. Козлова. Однако нужно подчеркнуть превосходство публикации С.И. Руденко по иллюстрациям и реконструкциям некоторых находок и по обработке материалов.

1.2. Анализ материалов из первых раскопок памятников Хунну Монголии.

А.Н. Бернштам опубликовал заключения на основе находок инвентаря из раскопок в Ноин-Уле экспедицией Козлова и в книге «Очерки истории Гуннов», дав историко-археологическую оценку этим находкам. Анализируя информацию по древним кочевникам из китайских и греческих источниках, сравнивая ее с историей хуннов, рассматривая источники по «Великому переселению народов» ученый предположил, что хунны в Центральной Азии и в Восточной Европе имеют общее происхождение. К этому выводу Бернштам приходит анализируя также их отношения между собой, обращая внимание на период обитания хуннов в Средней Азии (Бернштам, 1951).

Л.Н. Гумилев в 1960 году опубликовал монографию «Хунну». При описании в летописном виде хуннской истории с древнего периода по период, в котором хунны кочевали на запад после их распада, на основе письменных источников он использовал и археологические находки (Гумилев, 1960). Л.Н. Гумилев считал, что обнаружение погребения Хуннского хана в Ноин-уле

доказывает создание Хуннского государства в 209 году как одно из главных событий истории этого народа (Гумилев, 2011, с. 46–47).

В монографии С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», опубликованной в 1951 году представлено: «было создано первое государство в Центральной Азии, которое имело рабов и было основано на богатстве и силе через эксплуатацию членов племен. Затем была создана особая политическая система в истории Центральной Азии. Трофеи войны временно ослабляли противоречия в государстве Хунну. Однако она стала причиной распада этого государства. Вместе с тем, необходимая активизация войны и войска стала случайным условием расширения «Государства Шаньюйцев». Это утверждается интеграцией многих общественно-культурных районов. Так объясняются хуннская культура и образование, которые впитали в себя все лучшие восточные и западные успехи» (Киселев, 1951). Такое объединение хуннов привело к появлению нового общения в обществе и новых форм культуры как он считает. Кроме того, союз племен хуннов стал сталкиваться с Китаем, так как он использовал грабительскую войну в виде «общественных связей». Так как хунны углубляли разногласия в обществе за счет грабленного богатства, захваченные племена стали стремиться к свободе.

В 1962 году С.И. Руденко опубликовал книгу «Культура Хуннов и Ноинулинские курганы». В этом произведении были опубликованы фотографии всех находок из погребений Ноин-Ула, используя материалы археологических исследований, проведенных в Зайбайкалье, и игнорируя результаты археологических исследований, проведенных в МНР после раскопок погребений в Ноин-Уле, что является недостатком этой книги. Руденко основательно изучал историю материального производства, общественное развитие, интеллектуальную жизнь и вопросы об иностранных отношениях, используя погребальный инвентарь, источники по истории и исследовательские произведения. Кроме того он опубликовал полное описание раскопанных погребений в Ноин-Уле и в приложении вводил названия Ноин-Улинских находок, которые сохранились в Эрмитаже (Руденко, 1962). Наряду с исследованием, с точки зрения

обществоведения, Руденко просил у Н.В. Требинской сравнить около 120 кос с волосами современных славянов, финно-уйгуров, алтайцев, корейцев, бурятов и халхасских монголов (Руденко, 1962, с. 111).

Текстильные изделия, обнаруженные в погребениях в Ноин-Уле были разделены по технологии на два типа – китайские и греческие. Шелк с иероглифами, ковер с черепахами, рыбами и птицами и закрепленный на потолке погребения, которые были найдены в погребениях 1 и 6 (Perseval, 1926). На материях греко-бактрийской технологии шерстяными нитками были вышиты узоры, фигуры животных и людей, как предлагал Г.И. Боровка впервые. Он считал фигуру животного с крыльями, которое вцепилось в спину оленя, и животное похожее на тигра на ковре, наденные в погребениях № 6, идентичными с греческим грифоном (животное с туловищем льва и с рогами), а вязанное изделие с фигурами человека и птицы – изделиям греческих ремесленников, которые внедрились в скифов. Кроме того, он считал, что фигура дракона с крыльями, найденная в погребении № 23, относится к скифо-сибирскому типу по ее манере изображения. И он считал фигуру человека и коня, найденные в погребении 6 и два вязанных изделия с образами лица человека, связанными в персидской технике изображения и сделанными греческими ремесленниками (Боровка, 1925, с. 12).

Г.П. Сосновский, исследовав находки костяных деталей лука из хуннских погребений в могильнике в Ильмовой Пади в Забайкалье, высказал мнение, что хуннский лук «состоял из 7 костяных накладок (4 конечных и 3 средних) и достигал 1,4 м длины» (Сосновский, 1946, с. 62).

А.Н. Бернштам первым опубликовал большое исследование по археологическим находкам из хуннских погребений и пришел к выводу, что «классовая борьба стала основной причиной распада империи Хунну, существовавшей около 300 лет на северных и южных. Одна из этих частей стала основным ядром «варваров», которые были на краю Средней Азии, создав хуннское ответвление в Средней Азии. Эта часть также была разделена на две части. Одна часть из них объединила кочующие племена Восточной Европы и

создала независимое ответвление западных хуннов. Другая часть хуннов оказала влияние на создание государства «варваров» Эфталита, которое было предфеодальным государством в Средней Азии, сыграв решающую роль в генезисе народов Средней Азии (Бернштам, 1951, с. 214). Кроме того, это стало возможностью племен, которые объединились в племена в период Хунну на территории СССР (Енисей, Алтай, Казахстан, Средняя Азия и южная степь России) войти в историю мира. Нужно считать, что хунны уничтожили рабовладельческие и древние отношения в обществе и участвовали в создании феодализма как новой общественно-экономической формы (Бернштам, 1951, с. 216).

Монголо-Советская археолого-этнографическая экспедиция берет свое начало от контакта русского ученого С.Г. Киселева с маршалом МНР Чойбалсаном. Ученый убедил маршала, что археологические материалы важны для решения многих проблем истории Монголии в средние века и предложил провести раскопки в Хархорине – столице Монголии XIII века. Предложение советских ученых было поддержано монгольским правительством. С 1948 по 1949 год проводились раскопки развалин города Хархорин, что стало началом деятельности Монголо-Советских археолого-этнографических экспедиций (Наваан, 1984, с. 6–7).

В 1950-е годы монгольские археологи начали самостоятельные исследования и раскопки под девизом: «Святой обязанностью наших историков и археологов является полное и незамедлительное исследование, основных вопросов истории и развертывание нового производительного труда под управлением и эгидой нашей любимой партии с помощью братской поддержки передовой Советской науки на основе новых достижений и хороших примеров Советского Союза» (Пэрлээ, 1952, с. 40–44).

Кроме того, на основе неуклонного подтверждения классиками марксизма и ленинизма того, что основой существования общества является материальное производство, необходимо руководствоваться произведениями «Диалектический материализм» В.И. Сталина, «Семья, собственность и политическое

происхождение» Ф. Энгельса, «Вопросы языкознания и марксизм» И. Сталина (Пэрлээ, 1952, с. 40–41). Как утвердил К. Маркс, остатки трудовых средств человека (орудия труда Б.О.) важны для изучения исчезнувшей общественно-экономической формации, а трудовые средства являются не только критерием определения развития человеческой трудовой силы, но и показателем общественных отношений в трудовом процессе (Маркс, 1940, с. 187).

С начала 1950-х годов кафедра истории Монгольской академии наук стала организовывать экспедиции в поисках древних городов и поселений. Интенсификация таких исследований объяснялась еще и тем, что советский ученый-археолог профессор С.В. Киселев, который много лет проводил археологические исследования в Южной Сибири, на соседних с Монголией территориях, рекомендовал монгольским ученым еще раз тщательно изучить материалы, утверждающие, что монгольский феодализм является кочевым (Пэрлээ, 1954, с. 21).

Вдохновленный раскопками Хархорина С.Г. Киселевым с 1950 года (Наваан, 1991) монгольский учёный Х. Пэрлээ стал исследовать только поселенческие памятники. В 1952 году Х. Пэрлээ был раскопан фундамент древнего города под названием Гуа-дов, который расположен на правом берегу реки Керулен на территории сомона Нялга (нынешний Баянделгер). Раскопки были проведены на 12 участках и в конструкции, содержащей одно погребение. Первые раскопки были произведены на крепостном вале памятника «Гуа дов» (Пэрлээ, 1957а, с. 4–9). Также в 1952 году были произведены раскопки Х. Пэрлээ на 12 участках крепости Терелжи на территории сомона Менгенморт Центрального аймака. В результате было установлено, что крепость Терелжи имела четыре стены крепостного вала размерами 235 × 325 м, высота вала составляла 0,5–0,8 м, а ширина 10–15 м. За валом фиксировался ров шириной 3–6 м, глубиной 0,3–0,7 м. Внутри оборонительных сооружений располагались развалины двух больших жилищ размерами 25 × 30 м, 30 × 55 м и высотой соответственно 2,5–3 м и 1,3–1,6 м. Кроме двух больших построек были обнаружены развалины двух небольших, возможно примыкавших к ним,

размерами 15 × 17 м и 20 × 25 м, высотой 1,3–1,6 м. Было найдено более 1700 фрагментов черепицы и один обломок кирпича (Пэрлээ, 1957а, с. 10–11).

В этом же году Х. Пэрлээ были произведены раскопки на площади крепости Бурх, которая фиксировалась по остаткам невысокого крепостного вала. Памятник расположен на правом берегу реки Зуун-Бурх на территории сомона Менгенморт Центрального аймака. Крепость состоит из 4 валов (стен), внутри которых располагались 2 постройки. Вал размерами 180 × 180 м, постройки размерами 18 × 30 м и 28 × 29 м. По сравнению с крепостями Гуа-дова и Терелжи сохранность этого памятника плохая – восточная часть вала полностью размыта рекой Бурх. Было заложено 5 раскопов размерами 2 × 6 м, 2 × 18 м, 3 × 6 м, 2 × 2 м, 2 × 2 м, найдено большое количество фрагментов черепицы, подобной в крепостях Гуа-дова и Терелжи (Пэрлээ, 1957а, с. 12).

В результате раскопок было установлено, что Гуадов был сожжён, Тэрэлжийн дурволжин был разрушен и все три памятника принадлежат к хуннскому периоду (Пэрлээ, 1957а, с. 12). Результаты этих исследований стали новыми материалами для изучения хуннских общественно-экономических отношений и материальной культуры, а также стали началом изучения поселенческих памятников Центральной Азии.

В 1953 году Х. Пэрлээ и другие монгольские исследователи осмотрели крепостной вал «Баруун дороо», расположенный на территории Цагаан-Овоо сомона Чойбалсан аймака (нынешний Восточный аймак), описали состояние памятника по визуальному обследованию, а в 1955 году начали археологические раскопки. Крепостной вал подквадратной формы был сооружен из глины. Размеры вала: северная сторона – 3,45 м, западная – 3,35 м, восточная – 3,35 м, южная – 3,35 м. Вал в течение длительного времени разрушался и вытаптывался, ширина его на момент исследований составляла 4–5 м, высота 1–2 м. В северной и южной сторонах вала было зафиксировано несколько дверей. В северной части крепости имеются остатки 4 построек, в восточной – незначительный слой обожженной глины, следов, подтверждающих активное обживание крепости, не найдено. При раскопках в 2 местах на площади 28 × 20 м было обнаружено

немного глины, кусочки обожженного и остатки сгнившего дерева. Профиль раскопов показал, что там находились развалины большой постройки. Найденные предметы аналогичны находкам в крепостях Терелжи и Бурхи. Особенно интересным было обнаружение на глубине 1,25 м глиняной вазы, аналогичной вазе, найденной в могильнике Хунну на горе Нойн–Ула, что также подтвердило принадлежность памятника к периоду Хунну. На днище уникальной находки изображено тавро, напоминающее узоры (Доржсурэн, 2016а).

Географ О. Намнансурэн в 1953 году нашел скелет человека, обломки керамических сосудов и вазу в обрыве на берегу реки рядом с колхозом Ингэт-толгой Булганского аймака во время сборов экспонатов для местного музея (Намнандорж, 1954). Эти находки относятся к хуннскому периоду, как было определено А.П. Окладниковым.

После раскопок в горах Ноён до 1960 года исследование хуннских погребений проводилось только Ц. Доржсуреном (1923–1994 гг.). Двадцать семь лет спустя после раскопок А.Д. Симукова в горах Ноён монгольский археолог Ц. Доржсурэн начал проводить археологические исследования хуннских курганов и различных погребальных памятников в горах Ноён на севере Монголии и в урочище Гол-мод в центре Монголии. Ц. Доржсурэн поставил перед собой цель представить реальную картину состояния археологических изучений хуннских памятников. Под руководством ученого в горах Ноён в течение 3 лет с 1954 года были проведены археологические раскопки хуннских курганов. Во время раскопок Ц. Доржсурэн использовал методики и новейшие разработки археологической науки Советского Союза. Большие курганы исследовались аналогично раскопкам двух больших насыпей в Ноён-Ула археологами из СССР – Теплоуховым и Боровко с 1925 по 1926 год (Доржсурэн, 2016в, с. 90). Автор был убежден, что Хунну первыми создали государство среди кочевых и полуседлых племен Центральной Азии (Доржсурэн, 2016б, с. 81). Были начаты раскопки 2 курганов с дромосом, получили новые данные об организации погребального пространства. Кроме того, были произведены раскопки 4 земляных насыпей, в которых была найдена стеклянная банка 1937 года. Были произведены раскопки

4 курганов с каменными насыпями и в котлах обнаружили фрагменты глинянных сосудов, бронзовый колокольчик, удила с трензелями, лакированный сосуд, железная тарелка, бронзовая ваза с узором в виде льва и с ручкой, бронзовый котёл с костями домашних животных внутри (Доржсурэн, 1954).

Кроме того, в результате разведок были обнаружены курганные могильники. В 10 км севернее города Улаанбатара, около дома отдыха Сельбе, на седловине горы, покрытой лесом, был открыт хуннский могильник, состоящий из 11 курганных насыпей, в том числе четырех больших курганов с дромосом (Доржсурэн, 1957, с. 117).

В 1954 году Х. Пэрлээ обследовал крепостной вал, обнаруженный на левом берегу реки Шувуутай на территории сомона Бүрэгхангай Булганского аймака. Ученым был составлен топографический план памятника и сделано описание по результатам визуального обследования. Внутри вала фиксировались развалины большой постройки. Размеры вала: южная сторона – 225 м, западная – 193 м, восточная – 187 м, северная – 265 м. Самые большие остатки развалин составляли размеры 30 × 40 м, размер прохода 8 × 19 м. Было зафиксировано, что во всех сторонах вала имелись двери. Внутренняя площадка напоминает крепость Терелжи, что позволило отнести памятник ко времени Хунну (Пэрлээ, 1961, с. 37).

В 1955 году Х. Пэрлээ обследовал крепостной вал у реки Ценхер гола, обнаруженный на левой стороне дороги между сомонами Жаргалтхан и Делгерхан Хентийского аймака. Ученый описал результаты визуального обследования памятника. Внутри полуразрушенного вала были обнаружены развалины двух построек. Размеры вала 300 × 300 м, размеры построек 25 × 25 м. Памятник датируется временем Хунну (Пэрлээ, 1961, с. 36).

В 1955 году Ц. Доржсурэном были обнаружены на территории Хайрхан сомона Архангайского аймака, в бассейне реки Хуни-гол в лесистых падах Урт Шивертэй, Мухар Шивертей, Дээд Шивертей, Ихе-Халзан, Бага-Халзан, и Гол-Мод хуннские курганы, общее число которых составляло около 300. По визуальному описанию их можно разделить на 2 группы – квадратные в плане

насыпи с дромосом и рядовые курганы с округлыми насыпями (Доржсурэн, 1962, с. 41). Кроме того, раскопки одного погребения с дромосом, которые были начаты в предыдущем году, были закончены. Площадь этого погребения 16 x 16 м, оно имеет дромос длиной 8 м и глубину 10 м. Были обнаружены керамические сосуды, железные, золотые и каменные изделия, части повозки, окрашенные чёрным китайским лаком. Кроме того, произвели раскопки 3 углублений на юго-востоке от «Мокрого кургана» Козлова. Был зафиксирован пепел и части сожженных деревьев, предположительно трупаосожжение. Были произведены раскопки 5 погребений рядом с погребением № 6, исследованным Козловым. Эти 5 погребений имели каменные срубы. В них были обнаружены фрагменты керамики, бронзовый колокольчик, удила с трензелями и фрагменты железных и лакированных изделий. При раскопках одного погребения были найдены только кости домашних животных. Также были начаты раскопки большого кургана с дромосом длиной 8,9 м и 2,6–4 м шириной (Доржсурэн, 1957).

В том же году Ц. Доржсурэн обнаружил рисунок на скале Цагаан-гола. Река Цагаан гол течет по горным ущельям, берет начало в горах, которые являются продолжением Алтайского хребта. На севере у истока реки Цагаан гол находится высокая скала, на которой обнаружены изображения. Всего было зафиксировано около 300 рисунков, одинаковых по оформлению. Почти все изображения под ярким солнечным светом терялись и плохо выделялись на бурых скалах. Некоторое количество тамг, несколько изображений горных козлов, изображения двух–трех людей, видимо делались позднее и отличаются желтовато-серым цветом. Хотя изображения желтовато-серого цвета по оформлению и изобразительному ряду одинаковы с изображениями бурого цвета. Можно предположить, что они были оставлены одним населением в разное время (Доржсурэн, 1966, с. 17). Изображения на скале Цагаан гол делятся по темам и содержанию на следующие группы: изображения печатей (тамги), букв, людей и гужевого транспорта, домашних и диких животных, обряды освящения и преклонения. Изображения на печатях (тамги) человека с луком В.В. Волков и Э.А. Новгородова относят к эпохе Хунну (Доржсурэн, 1966; Новгородова, 1984, с.

110, рис. 1). Интересно, что среди наскальных изображений Цагаан гол множество изображений печатей (Доржсурэн, 1966, с. 17). Печать могла принадлежать к какому-либо роду или являлась личной печатью знатного человека. Рашид-Ад-Дин отмечал в своих произведениях, что каждый аристократ имел свою печать (Рашид-Ад-Дин, 1952, с. 87). В произведениях ученых, специально исследовавших хуннские памятники, в основном печати, выгравированные на скалах, отмечалось – чтобы не угас род, печать отца наследуют сыновья и внуки. Для отличия от печатей отцов и дедов делались незначительные дополнения (Кызласов, 1960, с. 109).

Памятники Гол мода Ц. Доржсурэн выявил в 1956–1957 годах во время раскопок в северных сомонах Архангайского аймака. При этом он провел раскопки в некоторых курганах эпохи бронзы и времени тюркского каганата (Доржсурэн, 1958, с. 109).

В урочище Гол-Мод в бассейне реки Хуни-гол с 1956 по 1957 год Ц. Доржсурэном были проведены раскопки 26 рядовых погребений Хунну – курганы № 1, 2, 3, 4. Было зафиксировано, что нижняя часть стен могильных ям облицована плитками из дикого камня. В центре ям в беспорядке лежали кости человека (Доржсурэн, 1962, с. 42–44). В результате раскопок в урочище Гол Мод и Ноин-Уле Доржсурен отмечает, что погребения простых хуннов отличаются от погребений аристократов с двойными срубам, Обнаруженные бронзовую вазу, светильники, зеркало с орнаментом TLV, стеклянный священный диск и лакированные предметы автор датировал I в. до н.э. – I в. н.э. (Доржсурэн, 1962, с. 44).

В 1957 году Х. Пэрлээ во время разведочного обследования территории Южнобийского аймака выявил остатки крепостного вала. В развалинах крепостной стены памятника были найдены бронзовый наконечник стрелы с железным черешком, фрагменты сосуда из глины, которые принадлежат к периоду Хунну. Также были обнаружены обожженные сосуды из глины, кузнечные предметы, шлак, фрагменты предметов из глины и металла. Размеры

площади, окруженной валом из отвердевшей глины, на момент обследования составляли 130–170 м, толщина – 5,7 м, высота – 1–1,6 м (Пэрлээ, 1962, с. 30).

В середине 1950-х годов Ц. Доржурэн считал состояние исследований хуннов недостаточным «необходимо опубликовать новые материалы, которые дополнят данные по хуннской истории» (Доржсурэн, 1956б, с. 40).

По результатам исследований поселенческих памятников в Монголии Х. Пэрлээ в 1961 году опубликовал монографию «Обзор поселенческих памятников раннего и среднего периодов в МНР», в которой одна глава была посвящена хуннским поселениям. Доржсурэном была опубликована монография «Северные хунну» в 1961 году, в которой были представлены археологические артефакты, собранные им в результате раскопок в Монголии и Забайкалье. Это издание выделяется тем, что оно является первой публикацией монгольского ученого по истории Хунну. Кроме того, в издании были рассмотрены предметы и результаты исследований 72 из 153 изученных хуннских погребений. Опубликованные материалы впервые представили картину организации хуннского погребального обряда и ритуалов его сопровождающих (Доржсурэн, 2004, с. 180). Доржсурэн широко использовал обнаруженные им археологические предметы при написании истории хунну, описании их быта и культуры (Бүгд, 1966, с. 79–95) в третьем томе «История МНР».

Изучая археологические памятники хунну, Ц. Доржсурэн пришел к основному выводу – «орнамент на глиняных вазах в основном одинаков и был нанесен в одной и той же технике. Это и другие данные позволяют заключить, что культура Хунну берет начало в культурах бронзового века» (Доржсурэн, 2004, с. 265). Он считал, что те, кто в китайских источниках V–IV вв. до н.э. упоминаются как могущественные и превосходящие другие племена, были хунну и «названия племен кочевников хунь-юй (сюнь-юй), хянь-юнь (сянь-юнь) являются названиями наших предков как хунну (сюнну)». В различных источниках и в разное время незначительные различия в написании имени Хунну объясняется ошибками произношения (Бүгд, 1966, с. 80). Ц. Доржсурэн придерживался

теории, по которой Хунну восходят к впервые упоминаемой в китайских источниках группе племен под именем Ху.

С 1950-х годов в результате интенсивных археологических исследований «были обнаружены древние погребения хуннов как продолжение “плиточных” погребений» (Пэрлээ, 1957в). Исследование изображений на текстиле, обнаруженном в кургане № 25 в горах Ноён, вызывало особенно большой интерес. Ц. Доржсурэн не поддержал пояснения российских ученых о том, что синие глазные яблоки у человека на текстиле указывают на его тюркское происхождение. Ученый объяснил эту синеву глазных яблок, как художественный прием сделать взгляд строгим и серьезным, а усы только над верхней губой чаще наблюдаются у мужчин монгольского происхождения. Изделие вне сомнений было произведено в хуннском обществе. Узоры на штанах, найденных в кургане № 6 в горах Ноён, аналогичны узорам на штанах человека, изображенного на текстиле вместе с конями (Доржсурэн, 2004. с. 201–202). Таким образом, рассмотрение этого изделия российскими исследователями как изделия с греко-бактрийским дизайном не было принято. Монгольские исследователи и Л.Н. Гумилев считали, что хунны в плиточных могилах относятся к ранней стадии хуннской культуры (Гумилев, 2011, с. 45).

Многочисленные исследования по историческому развитию государства Хунну сделали стереотипной идею о том, что множество хуннов иммигрировали на запад, дошли до Восточной Европы и были ассимилированы местным населением. Ц. Доржсурэн поддерживает идею, что в IV веке н.э. в Византии хуннов, кочевавших по северным берегам Черного моря, называли Хуни «хунны, которые кочевали на запад, по крайней мере, до IV века или до периода, когда они дошли до Черного моря, называли их собственным именем. А в письменных источниках других стран Европы их называли Гунны» (Доржсурэн, 2004, с. 171–172). С 1960-х годов в большинстве публикаций по истории эволюции Хунну было определено, что в I веке н.э. часть хунну, которые откочевали на запад и жили в Джунгарии, заняли во II веке степные пространства в устьях рек Волга и

Дон. При этом Хунну присоединили к себе множество племен кочевников, обитавших в этих местах (Бугд, 1966, с. 87).

Ц. Доржсурен признавал существование рабства в обществе древних хуннов, широко трактуя археологические данные. Он объяснил наличие косички в погребениях хунну «коса у покойника представляла жизнь какого-то слуги, которая будет служить «духу» покойника. Вместо убийства человека отрезали его косу и клали в погребение. Это свидетельствует о том, что в хуннской державе жизнь человека ценилась и рабов не убивали, а только использовали их силу. Рабовладение не сформировалось, а были только некоторые его элементы» (Доржсурэн, 2004, с. 249). Следовательно, хуннское государство имело некоторые признаки рабовладения. «Хуннская держава была дофеодальным государством с незаконченным формированием некоторых признаков рабовладения на начальных этапах» (Бугд, 1966, с. 92). При подведении итогов исследований хуннской археологической культуры по результатам раскопок курганов в горах Ноён Х. Сэр-Оджав считал, что «если среди ранних хуннов существовал развитый племенной строй и не сформировалось рабовладение окончательно, то со времени культуры хунну по материалам памятников в горах Ноён была установлена основа формирования раннего феодального государства Хунну во главе с шаньюем, который наследует этот титул» (Сэр-Оджав, 1979).

В начале 1950-х годов Х. Пэрлээ писал: «Древние племена в Центральной Азии создавали военно-племенные союзы и ханства с III в. до н.э. по XII в. н.э. и, как считает И.В. Сталин, эти союзы и ханства являются предфеодальными классовыми государствами, которые были созданы в результате непримиримых противоречий между угнетателями и угнетенными, эксплуататорами и эксплуатируемыми. Они были нерегулярными группами, которые объединялись и распадались в зависимости от побед и поражений завоевателей. Кроме того, у них не было единой экономической базы и роды и племена, находившие под их управлением, жили по их образам жизни» (Пэрлээ, 1952, с. 40–44).

Как Х. Пэрлээ считал, что сложно определить население, связанное с ремеслом, так как недостаточно изучены поселенческие памятники хуннов. Но у

хуннов были культовые памятники (молельни). Строительство их могло стать основой для строительства поселений (Пэрлээ, 1961, с. 27–28). Ученый отмечает, что поселения ремесленников были вблизи земледельческих поселений, поселения шаньюйцев и воинов были внутри крепостей и вблизи них, как например город-крепость на берегу реки Иволга (Пэрлээ, 1961, с. 27).

С 1950-х годов Х. Пэрлээ проводит исследования древних укрепленных крепостей и поселений и приходит к выводу о том, что «среди хуннов развивалось ремесло, появились специалисты, освоившие бронзовое литье, что стало важнейшим открытием в металлургии» (Пэрлээ, 1957в).

Кроме того, не только хунны занимались производством, но и пленные рабы (из Китая и других стран). Это доказывается тем, что черепицы для крыш, обнаруженные при раскопках поселенческих памятников хуннов, показывают влияние китайского производства. Хунны использовали пленных для организации земледельческих работ, развития скотоводства и ремел (Пэрлээ, 1957а. С. 13).

Ц. Доржсурэн опубликовал свои наблюдения о том, что на памятниках внутренней Монголии были обнаружены «хуннские керамические сосуды, которые использовались для хранения зерна (чуть выше дна на боку имелись отверстия диаметром 1см для проветривания зерна) (Ванчигдаш, 2014, с. 244), «они изготавливали глиняную посуду ручным способом, также использовали и гончарный круг» (Бугд, 1966, с. 90). Работы и публикации Ц. Доржсурэна стали первыми исследованиями по изучению хуннской глиняной посуды.

Ц. Доржсурэн в своих публикациях писал о том, что «стиль и структура шерстяных изделий, обнаруженных в хуннских погребениях, были изготовлены ручным способом, а также отмечалось использование примитивных ткацких станков. Хуннские ремесла – прядение и производство вязанных и текстильных вещей производилось в хуннском обществе» (Доржсурэн, 2004, с. 244).

Он отмечал, что так как основной вид хозяйства северных хунну «кочевое скотоводство было под полным влиянием природы и климата, упадок экономики у хуннов случался постоянно вследствие гололеда и засухи» (Бугд, 1966, с. 880. Отсюда, скотоводческий тип ведения хозяйства хуннов зависел от природных

условий. Экономика общества хунну росла при благоприятных условиях и приходила в упадок в засушливые годы, либо при ранних морозах и гололедах.

О роли земледелия в хуннском хозяйстве сделал заключение Ц. Доржсурэн: «было начало земледелия в хуннской державе, но им занимались в большинстве случаев пленники и беглецы и их урожаи не могли обеспечивать потребности даже аристократов» (Бугд, 1966. с. 89). В результате его исследований большинство монгольских ученых пришли к выводу о том, что «наряду со скотоводством, земледелием и охотой были и важнейшие отрасли – ремесла и торговля. Появились многочисленные поселения, а в больших поселениях выплавляли металл и плавил железную руду» (Доржсурэн, 2004, с. 247; Бугд, 1966, с. 89).

Х. Пэрлээ замечает, что крепости и укрепленные поселения периода Хунну в основном находились в верховьях реки Хэрлэн – «в исторических заметках китайцев были описаны в основном события, происходящие в центральной части хуннской державы, а события, происходящие в восточной части, были оставлены вне внимания и, следовательно, заметки о городищах и крепостях близ реки Хэрлэн отсутствуют» (Пэрлээ, 1960). Ц. Доржсурэн приходит к выводу, что «центральной частью державы управлял сам Маодун шаньюй, а левым и правым флангами управляли вожди, назначенные Маодуном. Ставка хана, то есть центр хуннской державы располагался в бассейнах рек Орхон и Туул» (Бугд, 1966, с. 83–84).

Ц. Доржсурэн определил, что при шаньюе Модуне территория Хунну доходила на юге до Великой Китайской стены и Ордоса, на севере – до озера Байкал, на западе – до реки Или, Тарбагатая и Синьцзяна, а на востоке – до Северной Кореи (Бугд, 1966. с. 83).

Ц. Доржсурэн считал головной убор, обнаруженный в 6 погребении Ноин-Ула шапкой шамана (Доржсурэн, 1961, с. 28). Исследователь по шаманизму О. Пурэв также подтвердил это (Сухбаатар, 2011, с. 89).

Ц. Доржсурэн особо подчеркивал важность изучения обнаруженных в хуннских погребениях в Забайкалье 14 разных тамг (печатей) «если

проговаривать их по произношению букв в Орхонском турецком алфавите, то можно выделить 14 звуков или букв» (Доржсурэн, 2004, с. 274). Некоторые из них совпадают с отдельными буквами алфавита Орхонской тюркской письменности. Эти тамги (печати) имеют важное значение в генезисе Орхонской тюркской письменности и в истории письменной культуры многих древних племен Центральной Азии (Бугд, 1966, с. 95). Это заключение привело к появлению теории об обладании хуннами письменностью в стиле руни. Автор детально рассмотрел информацию о том, что хунны послали в Китай посланника с письмом «хунны использовали китайскую письменность в государственных делах» (Бугд, 1966). Когда Х. Пэрлээ сравнивал эти 14 тамг (печатей) и знаков с наскальными изображениями, то все, кроме 4, совпадали и большинство из них были похожи на знаки (клеймо), которыми метили монгольский скот (Пэрлээ, 1976). Таким образом, эти клейма являются еще одним подтверждением преемственности в материальной и хозяйственной жизни между Хунну и Монголами. А. Дамдинсурэн определял эти 14 знаков как буквы хуннской письменности и сравнивал их с орхонско-енисейским письмом (Дамдинсурэн, 1972, с. 99–111). Сомнения у него вызывало то, что «6 из 14 знаков были обнаружены в памятниках Хакассии и таштыкской культуры, однако это может говорить о связях их с Хунну».

Таким образом, до конца 1927 года были проведены раскопки 11 курганов: в 1912 году Баллод проводил раскопки одного кургана, с 1924 по 1925 год экспедиция П.К. Козлова проводила раскопки 8 курганов, в 1927 году А.Д. Симуков проводил раскопки 2 курганов в горах Ноён. Источник информации Ц. Доржсурэна отмечает, что экспедиция Козлова проводила раскопки 20 курганов.

Экспедиция П.К. Козлова с конца 1924 года, вплоть до приезда археологов С.А. Теплоухова и Г.И. Боровки, просто прорубала скважины во всех насыпях. Однако, как было отмечено в публикациях С.И. Руденко, раскопки только кургана № 24 или «Погребения Теплоухова» были произведены по всей площади границ памятника и до глубины местонахождения срубов и гроба. А.Д. Симуков прорубал скважину в центре насыпи, как В.П. Козлов. В этот период научно

обоснованные и грамотно организованные раскопки были редкими. Ц. Доржсурэн относился к этому способу раскопок критично и делал попытки проводить археологические исследования с соблюдением методических и научных требований. Он собрал богатую коллекцию хуннских артефактов в процессе раскопок погребений в горах Ноён, чем сформировал основу для изучения хуннской материальной культуры.

Случайное открытие Ноин-Улы П.К. Козловым и сообщение об этом в центр стали началом изучения памятников Хунну и кочевой цивилизации на территории Монголии. Рассмотрение истории хуннов на основе письменных источников стало более реальным после раскопок в Ноин-Уле и обнаружением многочисленных материальных находок.

Датировка памятников и материалов раскопок П.К. Козлова были проведены поверхностно, так как не хватало материалов поселенческих комплексов.

В Ноин-Уле Ц. Доржсурэн проводил раскопки одного большого кургана хуннской знати и 15 небольших курганов с 1954 по 1955 год и обнаружил предметы аналогичные находкам, полученным в результате раскопок 1930 годов. В 1955 году он обнаружил могильник с многочисленными большими курганами в урочище Гол-мод Архангайского аймака и небольшой могильник с большими курганными насыпями в Бэлхийн ам, неподалеку от Улаанбаатара, доказывая, что хуннские курганы могут быть не только в горах Ноён, но и на других территориях Монголии.

После обнаружения хуннского погребения в Ноин-Уле были проведены раскопки в урочище Гол мод в долинах реки Хануй Архангайского аймака, в центре Монголии обнаружили большой могильник с погребениями хуннских аристократов. Раскопки Доржсурэна в Ноин-Уле на севере Монголии и Гол моде в центре Монголии в 1950 годы были первыми раскопками монгольских археологов. Исследование 3 больших погребений были прерваны вследствие обрушения почвы. С 1954 по 1957 год он проводил раскопки 26 небольших курганов в Гол-моде. Ученый проводил исследования некоторых курганов по всей

площади памятника, в некоторых – только по центру. В процессе раскопок больших погребений были обнаружены уникальные находки.

Суммируя данные исследований рядовых хуннских курганов, отметим, что на поверхности они обычно отмечены невысокой плоской конусообразной насыпью. В большинстве случаев покойника укладывали в простую грунтовую яму, нижняя часть стенок которой облицовывалась плитками из необработанного камня, а изредка сооружались специальные бревенчатые срубы в несколько венцов. Инвентарь сравнительно беден. Это обстоятельство и простая конструкция могил резко отличают рядовые погребения от грандиозных, с двойными погребальными камерами, курганов хуннской аристократии.

Кроме того, Ц. Доржсурэн впервые опубликовал результаты исследований погребений малого размера. В результате раскопок этих погребений он установил основное сходство погребений простых хуннов в Монголии с хуннскими погребениями в Забайкалье по погребальному обряду и компонентам находок. Ц. Доржсурэн напечатал монографическое исследование «Северные Хунну» в 1961 году, где представил результаты многолетних исследований.

В 1950-е годы монгольский археолог Х. Пэрлээ специализировался на исследовании древних городищ и поселений на территории Монголии и проводил многочисленные раскопки в местностях в Центральном аймаке. Исследователь датировал открытые крепости хуннским периодом. Кроме того, в это же время он обследовал крепости в Баруун дороо Дорнотского аймака; в Шувуутын голе Булганского аймака; в Цэнхэрийн голе Хэнтэйского аймака; развалины в Сантын ширээ Центрального аймака. Исследователь провел визуальное обследование памятников, составил топографические планы, произвел описания и датировал их хуннским периодом по организации и структуре, сравнивая полученный материал с ранее исследованными поселениями и городищами. Таким образом, он обнаружил и ввел в научный оборот 8 хуннских городищ и поселений, если не учитывать поселение в Тэрэлжийн Дурволжин.

Итак, с 1924 по 1957 год исследования хуннских погребальных памятников в Монголии, в горах Ноён, проводила «Монголо-Тибетская экспедиция» под

руководством П.К. Козлова, А.Д. Симукова и монгольских археологов Ц. Доржсурэна и Баллода. Ими были исследованы 12 больших курганов аристократов и 27 небольших курганных насыпей. Ц. Доржсурэн в Гол моде проводил раскопки 26 небольших насыпей в центре Монголии и оставил один не доисследованный комплекс погребения знатного хунна.

Исследование хуннских городищ и поселений в Монголии было начато в 1925 году Б.Я. Владимирцевым в урочище Тэрэлжийн Дурволжин. С 1952 года Х. Пэрлээ обнаружил 8 укрепленных городищ. С 1950 года Х. Пэрлээ обнаружил и изучил множество памятников, связанных с хуннским периодом в процессе одностороннего исследования развалин древних крепостей и поселений в Монголии. Именно он выдвинул идею об оседлом образе жизни хуннов и наличии других форм хозяйственного быта. На 4 памятниках Х. Пэрлээ проводил рекогносцировочные раскопки, в результате этих работ были обнаружены многочисленные фрагменты черепицы с узорами. На 5 памятниках было проведено только визуальное обследование, подъемные сборы с которых датирует эти комплексы хуннским временем. Кроме того, 9 поселенческих памятников относятся к хуннскому периоду. Их даты определяли по материалам выборочных разведок на развалинах стен, по находкам из рекогносцировочных раскопок, по их размерам, формам, сравнивая с уже обследованными памятниками. Исследования поселенческих памятников, проведенные Х. Пэрлээ, имеют большое значение в изучении истории развития общества Хунну, экономики и культуры древних кочевников.

С 1920 года по 1950 год на основе находок, обнаруженных при раскопках в Ноин-Уле, исследований поселенческих памятников, проведенные Х. Пэрлээ и материалов по погребениям Ц. Доржсурэна, сделаны важные заключения о хуннской истории, культуре, обществе, экономике и хозяйстве, но с марксистской точки зрения. У Хунну было создано классовое общество с угнетателями и угнетенными, хунны развивали скотоводство и вместе с тем занимались земледелием в незначительном объеме. Кроме того, были сделаны выводы, что впервые был создан уклад поселенческой жизни, появлению которого

способствовали не только сами хунны, но и соседние страны (Китай и другие). Ц. Доржсуреном была разработана идея о том, что культура хуннов восходит к культуре доплиточных могил. Кроме того на основе археологических находок была сделана первая попытка определить имели ли хунны письменность. Особенностью этого периода является то, что экспедиция Козлова впервые объявила всему научному миру об археологических находках хуннского периода, также были проведены первые исследования по поселенческим памятникам в Монголии. Монгольские археологи производили первые самостоятельные археологические раскопки.

Как видно из этого заключения у хуннов, которые занимаются кочевым скотоводством, не было возможности заниматься земледелием. Занятия земледелием были организованы силой рабов-пленников, но продукты этих занятий обеспечивали мизерную долю потребностей. Это стало, по мнению автора, причиной нападения на оседлые народы. Так как суждение автора о том, что земледелием занимались рабы-пленники, вызывает большой интерес и много вопросов, необходимо не ограничиваться недостатком археологических предметов и информации в письменных источниках, а продолжать археологические исследования.

ГЛАВА II. Исследование памятников Хунну Монголии в 1960–1990 годы

С 1960 года начались работы первых международных экспедиций по изучению хуннских погребений в Монголии. Монгольские ученые активно сотрудничали со странами социалистической системы, в том числе с Советским Союзом и Венгрией до 1990 года. В 1960 году по договору о сотрудничестве академии наук МНР и академии наук ВНР в Монголию прибыл председатель Венгерского общества по исследованию Азиатской культуры и начальник музея Азиатского искусства в Будапеште Тибер Хорват на месяц и выразил просьбу посетить Центральный государственный музей в Улаанбаатаре, археологический фонд в Институте истории, познакомиться с хуннскими погребениями и произвести раскопки некоторых памятников. Институт истории принял его просьбу, заключили договоры о сотрудничестве и начали раскопки хуннских погребений.

Новый период развития и организации совместных исследований в монгольской науке начался с 1969 года, когда был подписан договор о сотрудничестве МАН и РАН. Договор подписал президент МАН академик Базарын Ширэндэв с монгольской стороны и президент РАН академик Метислав Всеволодовичем Келдыш со стороны Советского Союза (Монгол, 2011, с. 142).

С 1969 года в МНР проводились полевые археологические исследования Советско-Монгольской историко-культурной экспедицией. Эти исследования имели комплексный характер. В соответствии с программой в ее состав, помимо трех археологических отрядов, входили антрополого-этнографические и эпиграфические отряды (Монгол-Оросын, 2016, с. 501). Во главе комплексной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции Академии наук СССР и МНР был академик А.П. Окладников. После его смерти в 1981 году экспедицию возглавил вначале В.В. Волков, а затем – А.П. Деревянко. МСИКЭ проводила исследования археологических памятников региона более 20 лет – до начала 1990-х годов. Основная цель экспедиции – изучение памятников древней и средневековой истории Монголии. Экспедиция была укомплектована отдельными

самостоятельными отрядами – отрядом по изучению каменного века; памятников ранних кочевников; средневековых памятников; отрядами этнографического и эпиграфического изучения (Пэрлээ, 2016, с. 22). Основным направлением было исследование памятников ранних кочевников и эпохи бронзы на территории Монголии. Эта работа СМИКЭ проводилась на протяжении всех полевых сезонов (Совместный, 2016, с. 234). Изучение бронзового и раннего железного веков было началом нового направления в исторической науке Монголии (Цэвээндорж, 2016б, с. 104).

2.1. Раскопки хуннских погребальных и поселенческих памятников (1960–1990 гг.)

В 1960 году Н. Сэр-Оджав, Ц. Доржсурэн, Д. Дорж, Д. Наваан вместе с венгерским археологом Тибером Хорватом проводили раскопки 3 курганов из 10 известных в пади Бэлхи в долине реки Сэлбэ, в окрестностях Улаанбаатара (МЦГА ф. 23. оп. 2 Ед.хр. 378; Эрдели, 1962). При раскопках были обнаружены глиняные сосуды, удила, железные пряжки, наконечники стрел и обломки железных предметов (Сэр-Оджав, 1963б, с. 36–38).

В 1961 году Ц. Доржсурэн совместно с венгерским археологом И. Эрдели исследовал 2 кургана в пади Хужирт в горах Ноён. Курганы имели округлые каменистые насыпи, были ограблены в древности. При раскопках обнаружены железные удила, железная пряжка, обломки керамики, железный гвоздь, трехлопастной черешковый наконечник стрелы и кусочки обожженного дерева (Сэр-Оджав, 1963а; Эрдели, Toth T, 1962). Венгерский антрополог Т.Тот проводил исследование находок из этих курганов (Toth T, 1962).

В 1961 году Монголо-Советской совместной экспедицией под руководством Ц. Доржсурэна и В. Волкова был обнаружен могильник хуннов в урочище Хаалгатын-завсар в сомоне Манхан Ховдосского аймака. Там же ими были раскопаны 2 небольших кургана, где были обнаружены костяная подпорка, шкура животного, фрагменты материи, железная пряжка подпруги, железный наконечник и шило. Погребенные были внутри каменного сруба (Волков, 1963).

В 1961, 1968 годах Х. Пэрлээ производил раскопки в крепости, окруженной валом под названием «Хурээт дов», расположенной в долине реки Баруун Байдлаг, которая впадает в реку Керулен в Центральном аймаке. Здесь найдены обломки кирпича с узорами и фрагменты черепицы, принадлежащие времени Хунну (Пэрлээ, 1973, с. 38).

В 1962 году археологом Ц. Доржсуреном были проведены раскопки на площади, так называемого центра золотых приисков «Бороо», который находится на правом берегу реки Бороо, в 30 км от центра госхоза «Борнуур». При раскопках в старых и новых выемках вдоль берегов реки было обнаружено множество фрагментов глиняных сосудов черного, серого и красного цветов, украшенных различным орнаментом. Также были найдены многочисленные кости животных. Судя по фрагментам днищ, туловищ и горловин сосудов они реконструируются как сосуды различных размеров, с широкой горловиной, но узким и вытянутым горлом, раздутым туловом. Поверхность сосудов украшалась орнаментом. Аналогичные фрагменты и целые сосуды известны по материалам исследований могильников времени Хунну. Внимательный осмотр береговой линии и многочисленных земляных трещин показал, что грунт на глубине 20–30 см насыщен фрагментами керамических сосудов, костями животных и остатками обгоревшего дерева. Все это располагается в слое почвы красного цвета, который протянулся на расстояние около 30 м (Доржсурэн, 1966, с. 76–77).

С 1963 по 1964 год в урочище Наймаа-толгой в долине реки Хануй монгольскими и венгерскими археологами были обнаружены 26 хуннских курганов и проведены раскопки 4. Погребения ограблены. При раскопках были найдены белое бронзовое зеркало, костяные накладки лука, костяная ложка, четыре костяных шила, таранные кости барана, обломки керамики и железные предметы – железные наконечники стрел, две железных пряжки, три железных кольца. В первых погребениях умершие были уложены на спину головой на юг. В ямах были обнаружены следы деревянных срубов (Эрдели, 1967, с. 363–368). Венгерский антрополог Т. Тот изучал палеоантропологическую находку из этих курганов и определил её европеоидом. Он считал, что европеоид похож на усуней

в Казахстане по морфологии, но наблюдаются и некоторые признаки монголоидности (Toth T, 1962). На основе этого заключения Т. Тот выдвинул гипотезу, что в Монголии жили монголоиды и европеоиды вместе (Toth T., 1962). В начале 1960 годов Монголо-Венгерская совместная экспедиция производила раскопки 3 погребений в урочище Гол-мод в долине реки Хунуй, Архангайского аймака. Погребения ограблены, были обнаружены украшение гроба в виде цветка, керамика, бронзовый котел и другие (Erdelyi, 1962, с. 352).

С 1960 по 1964 год Монголо-Венгерская совместная экспедиция обнаружила небольшие могильники в Бэлхийн аме около Улаанбаатара и в урочище Наймаа толгой Архангайского аймака, провела раскопки, которые стали важным достижением в изучении Хунну.

В 1968 году Х. Пэрлээ впервые осмотрел местность «Санширээт» на территории Баян сомона Центрального аймака. Ученый собрал здесь значительную коллекцию древних предметов и определил время их существования. Были найдены многочисленные фрагменты посуды из глины, украшенные орнаментом, фрагменты черепицы, многочисленные кости животных, остатки обгоревшего дерева. На местности «Санширээт» был найден фрагмент драгоценного камня с изображением птицы. Такой предмет был впервые обнаружен в культурном слое хуннского поселения (Пэрлээ, 1973, с. 38). Там же был исследован один курган (Цэвээндорж, 2014б, с. 592) и проведены раскопки на крепости Хурээт дов.

Осенью 1968 года экспедиция А.П. Окладникова, закончив летние полевые работы по пути в Улаанбаатар, около города Дархан обнаружила курганы, найденные во время земляных работ. Полученные материалы были посланы в Институт истории, которым было рекомендовано в дальнейшем провести раскопки. В 1968 году вблизи города Дархан были 6 погребений, разрушенных во время земляных работ, которые впоследствии были исследованы Х. Пэрлээ и Ю.С. Гришиным. Среди найденных в этих погребениях находок были маленькие деревянные и каменные дощечки неопределенного назначения. Н. Сэр-Оджав определил эти доски как знаки, выражающие статусы аристократов Хуннского

государства. Однако дальнейшие исследования и сравнения с другим инвентарем доказали, что эти дощечки являются каменными и деревянными украшениями для пряжек ремней. Экспедиция провела раскопки 5 курганов и зафиксировала помещение умерших в деревянные гробы. Были найдены новые артефакты – подвески из бирюзы и лазурита, различные кости животных и фрагменты керамических изделий (Наваан, 1984, с. 54).

Петроглифы Яман-ус, открытые в 1969 году, являются наиболее интересным памятником среди всех ранее известных. Это ущелье находится на территории Уенч сомона Гобиалтайского аймака. Каменистые склоны его сплошь покрыты высеченными рисунками, среди которых наибольший интерес представляют изображения колесниц, экипажей и надписей древнетюркской эпохи с иллюстрациями (Дорж, 1975, с. 7–8). К ним следует отнести профильные изображения кортежей, в центре которых повозки-экипажи. Они выбиты на верхнем ярусе горы Ханын хад рядом с более древними колесницами. Крытые повозки с красиво украшенными балдахинами на высоких восьмиспицовых колесах. В одну повозку впряжено 3 лошади, показанных в перспективе (видны лишь ноги, головы и хвосты второй и третьей лошади), в другую – одна. Трехмерность пространства передана также изображением второго колеса телеги, обод которого виднеется из-за первого. Экипаж сопровождают всадники, вооруженные колчанами и, возможно, луками, которые выбиты выступом за сутулой спиной наездника. Профильные изображения повозок, входящие в состав кортежей, почти не покрыты скальным загаром, они значительно светлее колесниц. Уже этот факт бесспорно свидетельствует в пользу их меньшей древности (I в. до н.э – I–II в. н.э. (Дорж, 1975, с. 4).

В 1969 году «Трехречный отряд» под руководством Д. Наваана раскопал 3 курган из 42 на местности Цаган-чулут в Гурванзагал сомоне Дорнодского аймака и 5 курганов у Дуулга горы в сомоне Жаргалтхаан Хэнтэйского аймака. В 1969 году заведующий музеем Хэнтэйского аймака Жугдэржав показал ученому некоторые погребения в местности Шанд на горе Шанд. В составе этой экспедиции работал Д. Наваан вместе со студентами из МоГУ (Наваан, 1980).

Была найдена чашка с надписью (Erdelyi, 2000, с. 161), находки были переданы краеведческому музею Хэнтэйского аймака (Наваан, 1984, с. 53; Цэвээндорж, 2014б, с. 592–593).

В 1971 году экспедиция по изучению памятников бронзового и раннего железного веков МСИКЭ исследовала 2 из 10 известных курганов на горе Хутугуул в сомоне Хашаат Архангайского аймака и 2 кургана на горе Тэвш-уул Богд-сомона в Убурхангайском аймаке (Цэвээндорж, 2016а, с. 320).

Монголо-Венгерской археологической экспедицией в 1971 году были раскопаны 5 курганов у Дуулга горы в сомоне Жаргалтхаан Хэнтэйского аймака (Цэвээндорж, 1987б, с. 10). Антропологический анализ одного черепа показал, что умерший был монголоидного типа (Тумэн, 2002, с. 44). В погребении № 7 был обнаружен фрагмент стремени, железная пила и другие находки, которые не встречались ранее. В том же году были раскопан 1 курган на горе Тэвш-уул Богд-сомона в Убурхангайском аймаке.

В 1972 году Монголо-Советская экспедиция проводила раскопки 4 курганов на могильнике из 21 небольшой насыпи рядовых хуннов на горе Тэвш-уул в сомоне Богд Убурхангайского аймака (Цэвээндорж, 1985, с. 55; Цэвээндорж, 2016а, с. 318). В погребениях были найдены находки, характерные для хуннских погребений. Однако были и уникальные предметы – деревянная расческа из погребения № 7, деревянное корыто из погребения № 8 и береста в виде стельки в погребении № 20. Кроме того умершие в погребениях 7 и 8 были закутаны в материю красного и зеленого цветов. Были найдены также 2 лопатки собаки. Все погребенные были в деревянных гробах. Гробы в погребениях 7, 8 и 16 были закрыты жердями вдоль или поперек (Цэвээндорж, 1987а, с. 60–62).

С 1972 по 1974 год экспедиция МСИКЭ по изучению памятников бронзового и раннего железного веков у горы Чандмань на территории сомона Чандмань Убсаннуурского аймака обнаружила около 60 курганных насыпей, основная часть которых датируется ранним железным веком. Проведены исследования 5 курганов (№ 28, 30, 44, 50, 51) хуннского времени (Цэвээндорж, 1985, с. 60).

В 1973 году отряд по изучению памятников эпохи палеолита в составе экспедиции МСИКЭ под руководством А.П. Окладникова и Д. Доржа проводил раскопки 4 погребений разного времени в 40 км на восток от города Чойбалсан Дорнотского аймака на берегу реки Хэрлэн. Одно из погребений было отнесено к хуннскому времени. Обнаружены железные наконечники стрел, две бронзовые пряжки, керамический сосуд с волнистыми узорами и остатки железных изделий. Погребение было совершено в каменном срубе и ограблено в древности (Асеев, 2016, с. 287–292).

Монголо-Венгерская совместная археологическая экспедиция во главе с И. Эрдели и Д. Цэвээндоржем в 1974 году проводила раскопки 6 курганов из 26 известных в урочище Наймаа толгой в долине реки Хануй в сомоне Эрдэнэмандал Архангайского аймака. Могильник в урочище Наймаа-толгой расположен в долине реки Хануй, на северном ее берегу, на расстоянии 2 км на северо-восток от одноименного озера, у южного склона холма (Цэвээндорж, 1990б, с. 62; 339).

В 1975 году Монголо-Советской экспедицией были проведены раскопки 3 курганов в пади Нухт в сомоне Галт в Хубсугульского аймака. Нухтийн-ам находится в долине реки Идэр на северном берегу, на второй надпойменной террасе. Памятник состоит из 100 различных по величине округлых каменистых насыпей. Во время полевых работ в 1975 году был составлен общий план могильника и проведены раскопки 3 курганов (№ 21–23) (Цэвээндорж, 1985, с. 59). В одном из погребений умерший был уложен головой на восток (Цэвээндорж, 1987а, с. 66).

В 1975 году В.В. Волков, В.В. Свинин и Д. Баяр провели раскопки одного кургана на горе Дуулга (Баяр, 1977, с. 60). В том же году Н. Сэр-Оджав, и В.В. Свинин обнаружили 1 курган на Унгерте, в долине реки Туул (Цэвээндорж, 1985, с. 54). В 1977 году были исследованы 4 кургана на горе Тэбш сомона Богд Убурхангайского аймака (Цэвээндорж, 1985, с. 57).

В 1976 году Д. Наваан производил экспериментальные раскопки на остатках крепостного вала «Баянбулаг», ранее Х. Пэрлээ обследовал, описал и дал культурно-историческую оценку данного памятника. Именно здесь была найдена

монета у-шу, фрагменты керамики и бронзовый предмет неизвестного назначения (Цэвээндорж, 1994а, с. 77).

В 1977 году Монголо-Советская экспедиция проводила раскопки 4 курганов в могильнике насыпи рядовых хуннов на горе Тэбш-уул в сомоне Богд Убурхангайского аймака (Цэвээндорж, 2014а, с. 593). Внутренняя часть погребения № 1 была покрыта глиной зелёно-серого цвета. В погребении была найдена голова собаки (Цэвээндорж, 1987а, с. 62–64). Там же было обнаружено маленькое золотое ювелирное изделие, Д. Цэвээндорж считал, что оно похоже на золотые и серебрянные изделия, которые были сделаны по технике композиции разных цветов, которой обладали хунны, пришедшие в Европу в III–IV веках (Цэвээндорж, 1987а, с. 71). Кроме того, в одном из погребений были обнаружены зерна черного цвета – просо и его оболочки (Цэвээндорж, 1994б).

В 1977 году Д. Наваан и Т. Санжмятав исследовали 4 кургана, обнаруженных во время земляных работ на железнодорожной станции Салхит, в 50 км от города Дархан. В собранной коллекции около 10 интересных находок – 2 коня, белое бронзовое зеркало, бронзовые плоские изделия с каменными вставками и 4 монеты, датирующиеся временем Хунну (Наваан, 1984, с. 55). Кроме того, Д. Наваан обнаружил редкие артефакты, проведя раскопки 7 курганов у госхоза Хонгор, рядом с городом Дархан в 1980 году (Наваан, 1984, с. 56).

В 1977 году МСИКЭ по изучению раннего железного периода во главе с Д. Навааном обнаружила в развалинах Сайрын булаг в сомоне Баян-Овоо, Южногобийского аймака бронзовый наконечник с железной основой, осколки хуннской вазы. В развалинах Баянбулага они нашли более 600 находок, в том числе бронзовый наконечник, керамическую вазу и железные изделия (Цэвээндорж, 2014б, с. 595).

В 1978 году МСИКЭ по изучению памятников из бронзового и железного орудий проводила раскопки в 8 погребениях Шивэртийн ам в сомоне Батцэнгэл Архангайского аймака и обнаружила бронзовую пряжку пояса, железный нож, железный наконечник, фрагменты керамики. Кроме того, члены этой экспедиции

нашли лакированные деревянные изделия, керамику и позолоченную пластинку (Цэвээндорж, 2014б, с. 595).

В 1980 году Д. Наваан производил раскопки в 7 погребениях из 8 на горе Буурал в госхозе Хонгор Селенгийского аймака, 6 хуннских погребений в урочище Ээзгийтийн хужир, в госхозе Батцэнгэл Архангайского аймака, где были обнаружены 2 бронзовые лошадки и ваза без дна (Цэвээндорж, 2014б, с. 595).

В период с 1980 по 1981 год МСИКЭ во главе с Д. Навааном, В. Волковым и П.Б. Коноваловым были проведены раскопки 3 курганов на горе Солби-уул, 6 курганов в урочище Ээзгийтийн-хужир и 10 курганов из 141, известных на холме Худгийн-толгой сомона Батцэнгэл Архангайского аймака (Наваан, 1984, с. 47; Цэвээндорж, 2016г, с. 292, 294, 295, 299).

В 1981 году МСИКЭ производила раскопки 2 хуннских погребений в урочище Чандмань-Ула Увсанурского аймака, где были обнаружены 3 берестяных футляра для стрел. Хотя футляры были раздробленными, некоторые части можно было собрать и склеить. На них имеются изображения, нанесенные острым предметом (Цэвээндорж, 1987а, с. 67). Эти рисунки описала дочь Д. Цэвээндоржа Ц. Эгиймаа в своей статье «Графический памятник хуннов (Хүннүгийн зураасан зургийн дурсгал)» (Эгиймаа, 2003).

В 1982 году МСИКЭ под руководством Д. Наваана и П.Б. Коновалова производила раскопки 6 погребений в урочище Баруун хайрхан горы Сонгино, бассейне реки Туул в сомоне Алтанбулаг Центрального аймака, а также 1 погребения в урочище Зуун богинын ам, в Богд –Уле на юге Улаанбаатара, 2 погребений в урочище Морин толгой, в сомоне Алтанбулаг Центрального аймака в 1983 году, 1 погребения на горе Алтанцэцэг и 1 погребения в горе Гурван модот ула, в сомоне Батцэнгэл Архангайского аймака (Цэвээндорж, 2014б, с. 596). В погребении в урочище Гурван модот Ула были обнаружены фрагменты керамики и бронзовая пряжка от пояса (Цэвээндорж, 1994в).

В 1982 году отрядом по изучению палеолитических памятников в составе МСИКЭ были произведены раскопки 1 погребения в урочище Сул толгой в сомоне Их-Уул Хубсугульского аймака. На глубине 1,4 м был обнаружен

погребенный, уложенный на спину, головой на северо-восток. Захоронение было ограблено в древности, из предметов были найдены немногочисленные фрагменты керамики, осколки черной лакированной чашки с красными узорами, бронзовые украшения, фрагменты бронзового котла, железные удила с костяными кольцами, накладки из оленьего рога, бронзовые и железные наконечники стрел, кости животных (Цэвээндорж, 2016е, с. 249; Асеев, 1987, с. 126–128).

В 1983 году был раскопан один курган Д. Навааном Убгунт в сомоне Бурэгхангай Булганского аймака. Здесь были найдены костяки двух лошадей с конской упряжью (грызло, трензель и стремяна), трензель имел форму S. Кроме того была найдена золотая монета с буквами руни и образом человека. Датировка комплекса была проведена в Ленинграде по радиоуглеродному анализу органических веществ, найденных в этом погребении (30 г. н.э.). Д. Наваан и другие считали, что эти находки принадлежат к хуннскому времени (Наваан, 2018б). Д. Наваан опубликовал монографию «Важный памятник письменности исконного монгольского языка (Өвөг Монгол хэл, бичгийн чухаг дурсгал)», в которой отметил: «Материалы из Бурэгхангайского погребения являются новыми, не встречающимися прежде в Монголии, они являются уникальной находкой, которая должна входить в состав ценных и редких памятников цивилизации народов Центральной Азии» (Наваан, 2018б). На самом деле эти находки и ритуал погребения показывают, что это памятник древнетюркского времени. Вероятнее всего при проведении радиоуглеродного анализа была допущена ошибка. Там же в 1983 году Д. Цэвээндорж проводил раскопки 2 из 46 курганов в урочище. Захоронения были ограблены в древности. В одном кургане погребенный был захоронен в деревянном гробу, вытянуто на спине, головой на север. В погребении были обнаружены черепа животных разных видов, фрагменты железных предметов, обломки бронзового зеркала и обломки черной лакированной чашки с красными узорами (Цэвээндорж, 2016ё, с. 398–399). Также были зафиксированы косточки ягод дикого миндаля (Цэвээндорж, 1994б).

С 1984 года экспедициями Исторического Института истории МАН были произведены исследования на территории Ховдосского аймака. Так как в то время

специальное изучение хуннских памятников в районах Алтайских хребтов в Западной Монголии отсутствовало, в 1980-е годы была поставлена цель провести археологические разведки с целью обнаружения новых памятников хуннского времени на территории Хобдосского аймака (Наваан, 1997, с. 57). В публикациях экспедиция называется «Ховдосская экспедиция». Д. Навааном были произведены раскопки 4 курганов в Халзан-хошуу в сомоне Муст Ховдосского аймака (Турбат, 2015а, с. 297) и 3 погребений хуннов. В 2 погребениях были погребены мужчины, в одном – женщины. Был обнаружен уникальный погребальный инвентарь без керамики и костей животных. По мнению автора раскопок эти погребения (Тахилтын хотгор) принадлежат простым людям (Наваан, 1997, с. 58). В том же году Д. Наваан провел исследование 1 кургана на горе Майхан-уул на территории сомона Алтанбулаг Центрального аймака (Цэвээндорж, 2016д, с. 385).

В 1986 году Д. Цэвээндоржем были проведены раскопки 5 курганов из 97 известных в Хиргист-Хоолой в сомоне Цогт Гоби-Алтайского аймака (Пэрлээ, 1957в). Местность Хиргист-хоолой находится в 3 км к северо-востоку от центра сомона Цогт. Курганы имеют округлые каменистые насыпи с углублением в центре. Раскопки производились, охватывая всю насыпь. Здесь были найдены полные элементы хуннского лука (Цэвээндорж, 1990б). Л. Билэгт исследовал 5 черепов, найденных здесь, и пришел к выводу, что погребенные были монголоидами Северной Азии (Билэгт, 1989). В том же году Д. Цэвээндоржем были проведены раскопки 1 кургана из 17 известных на Оньюлте сомона Уянга Убурхангайского аймака. Перед отрядом по изучению хуннских памятников во главе с Цэвээндоржем, который проводил раскопки в Хиргист хоолой и Оньюлте, была поставлена задача – собирать материалы для большого проекта «Хуннская археология» в рамках темы «Монгольская археология», что было составной частью выполнения основных задач VIII пятилетки и были необходимы для составления «Археологической карты Монголии». Отряд проводил разведки на южных и западных склонах Алтайских гор и в Гоби за Алтаем, регистрируя археологические памятники, выявляя археологические памятники хуннского периода (Цэвээндорж, 2016в, с. 78).

В 1987 году отряд по изучению памятников бронзового и раннего железного веков в составе МСИКЭ проводил раскопки 2 погребений в урочище на севере от бригады Хантай в сомоне Хутуг-Ундур Булганского аймака. Были обнаружены изделия из оленьего рога, фрагменты керамики, кости крупного рогатого скота. Одно из погребений было обнаружено на глубине 1,9 м. Археологическими исследованиями руководили В.В. Волков, Т. Санжмятав и Д. Наваан (Санжмятав, 2016, с. 352, 355).

В 1987 году Монголо-Венгерская совместная экспедиция во главе с И. Эрдели и Д. Цэвээндоржем раскопала 2 курган из 306 курганных насыпей. Худгийн-толгой на расстоянии 30 км к западу от сомона Батцэнгэл. Курганы находятся в долине реки Тамир, в 7 км к северу от реки. Они имеют округлые каменистые насыпи диаметрами 3–25 м и впадины в центре. Раскопки производились по всей площади памятников (Цэвээндорж, 1990а, с. 105–107).

Были проведены раскопки 2 памятников у горы Солби уул на расстоянии в 5 км к западу от сомона Батцэнгэл Архангайского аймака. В погребении № 1 были обнаружены 6 монет чеканки XIV века н.э., нанизанные на нить. Около горы Солби в пади Баруун-ам (западном) были обнаружены 141 курган. Они имеют округлые каменистые насыпи диаметрами 6–20 м и с углублениями в центре (Цэвээндорж, 1990а, с. 107). В пади Зуун-ам (восточном) у горы Солби были исследованы 2 из 57 известных курганных насыпей и раскопаны 11 курганов из 35 известных в Наймаа толгой в долине реки Хануй (Цэвээндорж, 1990а, с. 110). Также были раскопаны 5 курганов из 17 обнаруженных на горе Зараа Баян сомона Центрального аймака (Цэвээндорж, 1994в, с. 22). Были найдены тамга и печати на керамике и на костянной накладке в одном погребении на севере от колодца в урочище Наймаа толгой и Худгийн толгой. (Цэвээндорж, 1990а).

В 1987 году Д. Цэвээндорж в составе археологической экспедиции провел дополнительные обследования крепости «Бороо», в ходе которых был собран значительный подъемный материал, а также предпринята попытка расчистить развалины 2 сооружений внутри крепостной стены (вала). Эти раскопки были произведены в рамках плановых работ совместно Монгольской и Венгерской

академиями наук с целью изучения хуннских могильников и разведочного обследования древних памятников хуннского и тюркского периодов в аймаках Архангай и Булган (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 38).

В 1987, 1988, 1990 годы Д. Навааном были исследованы нескольких хуннских курганов в Тахилте (Хаалгатын завсар, Тахилтын хотгор) в сомоне Манхан Хобдосского аймака. С 1987 по 1988 год были произведены раскопки 4 небольших курганных насыпей погребений рядовых хунну и один большой курган погребения представителя хуннской знати (Наваан, 1989а, с. 68–70). Могила № 2 имеет размеры 15 х 20 м. В центре кургана на глубине 5 м было зафиксировано захоронение. В изголовье была обнаружена керамика, две палочки, осколки зеркала из белой бронзы времен Ханьского государства с иероглифами и другие предметы. Погребенный был уложен головой на север. Также было расчищено погребение подростка (13–14 лет). В погребении было найдено 60 таранных костей, на 9 из них были отверстия. Здесь же были найдены костяные накладки на лук. Раскопки большого кургана хуннского аристократа в 1987 году были остановлены из-за обрушения грунта (Наваан, 1997, с. 55–67). В 1988 году работы были возобновлены в технике «Монгольская манера». Эта техника заключается в том, что «безопасная зона» определяется на север от погребения, грунт выбирается до уровня погребальной камеры. Устанавливается «безопасная зона» шириной 12 м. Д. Наваан в 1988 году получил Авторское право № 1000 на эту технику от министра юстиции (Наваан, 1999). Исследуемый памятник размерами 12 х 16 м, раскопки продолжались до глубины 12 м. Погребение было ограблено, однако были сделаны уникальные находки – бронзовый скифский котел с вертикальными ручками, бронзовая тарелка, 12 фигурок коней, железные гвозди, железные грызла, трензели, железный нож, сабля, большие керамические сосуды, две золотые бусины четок, каменные бусы, золотые украшения гробницы в виде цветков с четырьмя лепестками, детали телеги и многие другие уникальные находки (Наваан, 1997, с. 55–67). В 1990 году Д. Навааном были проведены исследования кургана № 2, который называется «Курганом Принцессы», он имел насыпь размером 13 × 24 м с дромосом, на

глубине была выявлена погребальная камера. В погребальной камере умерший был зафиксирован в анатомическом порядке. Здесь же были обнаружены золотая серьга, бронзовый чайник, 5 черепов лошадей, 2 красные бусины, деревянные предметы с золотыми покрытиями, деревянные предметы с орнаментом, бронзовые булавы, костяные предметы с отверстиями, остатки колесницы и другие (Наваан, 1999, с. 26–28). О значении этих раскопок Д. Наваан говорил: «Обнаружение богатых новых материалов по цивилизации Хунну в Алтайском крае Западной Монголии спустя более 60 лет после раскопок П.К. Козлова стало новой страницей истории культуры кочевников в Центральной Азии» (Наваан, 1997).

В 1988 году Монголо-Венгерская совместная экспедиция производила раскопки 5 курганов у горы Дуулга-уул в сомоне Жаргалтхаан Хэнтэйского аймака. Были обнаружены бронзовый котел, железный инвентарь, железные удила, керамические сосуды (Наваан, 1988а). В 1988 году эта экспедиция провела раскопки 6 курганов на горе Зараа в сомоне Баян Центрального аймака (Цэвээндорж, 2016г). Некоторые из исследованных захоронений датируются средними веками.

В 1989 году Монголо-Венгерская совместная экспедиция проводила раскопки 4 курганов из 24 известных на Морин-толгой в сомоне Алтанбулаг Центрального аймака в 130 км к западу от Улаанбаатара. Курганы имеют округлые каменные насыпи диаметром 6–8 м и углубление в центре насыпи (Цэвээндорж, 1990а, с. 72). В 1989 году проводили раскопки в урочище Бага-газрын-чулуу в сомоне Дэлгэрцогт Середно-гобийского аймака (Цэвээндорж, 2000, с. 35).

В 1989 году Д. Цэвээндоржем были раскопаны 2 кургана из 67 известных в урочище Тарвагатай в сомоне Зуйл Убурхангайского аймака в 20 км к западу от центра сомона Зуйл. Курганы, которые находятся на юго-восточном склоне горы Тарвагатай, они имеют округлые насыпи с диаметрами 3–7 м и углубления в центре насыпи (Цэвээндорж, 2000, с. 37).

В 1989 году были проведены археологические исследования 1 кургана из 23 известных на Хуушийн хутул в сомоне Хужирт Убурхангайского аймака, в 20 км к северо-востоку от центра сомона и в 5 км в бригаде Шанх (Цэвээндорж, 2000, с. 41). Погребения имеют округлые каменистые насыпи диаметрами 4–6 м и углубления в центре.

В 1989 году Монголо-Венгерская экспедиция провела регистрацию 10 курганов на горе Майхан и 3 курганов на горе Алтанцэцэг в сомоне Алтанбулаг Центрального аймака, 19 курганов в урочище, обогатив базу данных о хуннских могильниках (Цэвээндорж, 2016д, с. 386).

В 1990 году были раскопаны 2 хуннских кургана в урочище Баруун-хайрхан на территории сомона Алтанбулаг Центрального аймака, на западном склоне горы Сонгино, в 30 км к западу от города Улаанбаатар, здесь была найдена целая железная сабля (Цэвээндорж, 2000, с. 41). В одном погребении были найдены косточки дикого миндаля (Цэвээндорж, 1994б).

В 1990 году были проведены плановые раскопки Монгольской, Венгерской и Российской академиями наук хуннских могильников, поселений и городищ в аймаках Тов, Оворхангай, Гоби-Алтай и Ховд. Монголо-Венгерская совместная экспедиция проводила раскопки развалин Баянбулака в селе Бороо, которые также датируются хуннским временем (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 43). Монголо-Венгерская совместная экспедиция во главе с Д. Цэвээндоржем и И. Эрдели впервые производила раскопки на памятнике «Бороо», там были обнаружены остатки хуннских жилищ. В заложенных 2 рекогносцировочных раскопах были обнаружены многочисленные кости животных и фрагменты глиняных сосудов, инструмент из лопатки мелкого рогатого скота для выравнивания горловины керамических сосудов (Турбат, 2005, с. 6; Цэвээндорж, 1994г, с. 252). Такой костяной инструмент был найден в Иволгинском поселении, исследователи определили, что этот инструмент используется как скребок при выделывании шкуры (Давыдова, 1985, с. 43, рис. 9, 32). В экспедиции с монгольской стороны принимал участие З. Батсайхан.

В 1990 году Монголо-Венгерская экспедиция производила раскопки на 2 участках крепости «Баянбулаг», которая расположена в более 30 км от центра сомона «Номгон» Южногобийского аймака. Развалины памятника пострадали от времени и активного выпаса скота, относительно целой фиксировалась только северная стена. За возвышением были отмечены 2 насыпи, связанные между собой. Х. Пэрлээ посчитал их свалкой. Крепостной вал сооружен из затвердевшей глины. Длина северной стены 180 м, ширина 10–16 м, длина западной стены 110 м. 2 насыпи, находящиеся на севере, высотой около 2 м (Цэвээндорж, 1994а, с. 78–79).

В том же году Д. Навааном были раскопаны 3 кургана из 10 на горе Ац, Баян-Унжул сомона Центрального аймака (Наваан, 2018в; 272, с. 596).

В 1990 году Д. Навааном были раскопан 1 хуннский курган в Зуйл сомоне Өвөрхангайского аймака. Краниологические исследования находок из этого погребения Тумэном и другими в начале 2000 годов показали, что погребенный был монголоидом (Тумэн, 2002, с. 44). Д. Наваан отмечал, что «кроме того, были произведены раскопки вместе с директором музея Мунхбаяр в 50 погребениях в бассейне реки Онги и на горе Замбага в сомоне Сайхан Овоо, Среднегобийского аймака. В восточном Богинын ам вблизи Улаанбаатара были произведены раскопки 1 погребения вместе с П.К. Коноваловым. Зафиксированы около 20 захоронений в урочищах Наран толгой и Барзан в сомонах Есунзүйл и Улзийт Убурхангайского аймака. В 5 из них были произведены раскопки и найдена керамика с надписью. Отмечена и группа погребений в пади Галуут в сомоне Улзийт Убурхангайского аймака, но я не определил их число» (Наваан, 2018в).

2.2. Анализ материалов исследований 1960–1990-х годов и некоторые точки зрения на исторические реконструкции культуры Хунну Монголии

В начале 1960-х годов значение раскопок П.К. Козлова было еще в силе. В 1962 году С.И. Руденко опубликовал исследование «Культура Хуннов и Ноинулинские курганы». В это время учёные из Монголии, СССР и других социалистических стран работали по единым советским методикам археологических исследований. Об этом Д. Наваан писал: «плодотворное

сотрудничество с учёными из СССР и других социалистических стран бесспорно занимает особое место в решении многих нерешенных вопросов древней истории Монголии» (Наваан, 1980).

В 1967 году В.В. Волков опубликовал монографию «Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии», в которой, говоря о скифо-сибирском зверном стиле подчеркивает его связь с культурой Хунну.

Н. Сэр-Оджав посвятил одну главу истории Хунну в своем труде «История древней Монголии», где выдвинул несколько новых направлений будущих исследований (Сэр-Оджав, 1977). Кроме того в 1975 году Д. Наваан опубликовал работу «Бронзовый век Восточной Монголии» и в 1980 году «Исторические памятники древней Монголии», в которых дал объяснения и доказательства того, что хунны восходят к периоду «плиточных могил». В публикации «Исторические памятники древней Монголии» археологические исследования по истории хуннов, исследованные памятники археологии были кратко описаны и приведена внешняя и внутренняя организация погребений, находки и погребальный обряд (Наваан, 1980). В 1980 году Г. Сухбаатар опубликовал монографию «Древние предки монголов (хозяйство хуннов, общественная структура и генезис), в которой сделал попытку теоретически доказать, что хунны являются предками монголов на основе археологических находок и письменных источников, используя «системный анализ», который широко применяется в естественных и технических науках (Сухбаатар, 2011).

Череп, обнаруженный в погребении в урочище Хужиртын ам Ноин-Ула при раскопках Монголо-Венгерской совместной экспедиции в начале 1960 годов под руководством венгерского антрополога Т. Тота, принадлежал мужчине и относился к большому монголоидному типу палеосибирской разновидности (Toth T., 1962, с. 251).

В 1965 году чехословацкий ученый Влчек написал: «хуннские аристократы имели облик монголов без примеси европеоидов, похожие на северных китайцев. Так как Ноин-улинская культура является памятником аристократов Хунну, это

культура может иметь большое значение при определении коренной хуннской культуры» (Vlček, 1965, с. 189–199).

Н.Н. Маманова определила черепа, обнаруженные в 1979 году в Черемуховской пади Забайкалья, городе Дархан и аймаке Сухбаатар, палеосибирскими, которые являются разновидностью большого монголоидного типа (Маманова, 1979, с. 204–210).

В 1967 году В.В. Волков на основе раскопок плиточных погребений в МНР и Бурятии СССР утвердил, что культура «плиточных могил» является частью создания культуры северных хуннов (Волков, 1967).

Д. Наваан на основе анализа большой коллекции археологических предметов, собранных им в процессе раскопок многочисленных плиточных погребений приходит к выводу – «большинство исследуемых памятников времени плиточных погребений были среди хунну, погребальный обряд и погребальные конструкции практически одинаковы. Различия начинают отмечаться только со временем» (Наваан, 1975, с. 127). Основываясь на типичности внутренней и внешней организации погребений, находок и ритуалов в них Наваан сделал вывод: «государство Хунну состояло из племен Центральной Азии и отличается особенностями материальной и духовной культуры» (Наваан 1980).

Н. Сэр-Оджав также рассматривал генезис хунну «если считать, что основным ядром Хунну были племена, говорящие на монгольском языке, то генезис монголов нужно искать в культуре плиточных погребений» (Сэр-Оджав, 1977, с. 50). Хуннская культура Монголии продолжала традиции культуры «плиточных могил» и была связана с искусством изображения образов животных, которое широко распространено на огромных пространствах Евразии (Сэр-Оджав, 1979).

На основе исследований «плиточных могил» в Монголии и Забайкалье Г. Сухбаатар писал: «исследования Я. Прушека, Н. Сэр-Оджавы, Д. Наваана, В.В. Волкова, Л.Н. Гумилева, А.П. Окладникова и других ученых «доказывают», что

«культура плиточных могил» является одним из источников формирования культуры северных хуннов» (Сухбаатар, 2000, с. 163–164).

Г. Сухбаатар писал: «в погребальном обряде хунну и могильных конструкциях отмечаются значительные различия от тюрков, особенно от Орхонских тюрков, а сходство с ритуалами и погребальными конструкциями монголов XIII века имеются» (Сухбаатар, 2000, с. 140). Действительно, в его исследованиях были уточнены вопросы генезиса и культуры Хунну «были детально рассмотрены источники, связанные с историей хунну; изучены хуннские слова, в том числе этнонимы, имена людей, топонимы, слова, называвшие должности и было доказано, что Хунну являются монголоязычным населением. Г. Сухбаатар доказал, что Хунну были монголоязычными монгольскими племенами» (Монгол, 2003, с. 187). Многочисленные аргументы Г. Сухбаатара, что хунну являются древними монголоязычными племенами, постоянно дополняются новыми исследованиями. Его заключения о том, что хунны связаны с монголами по основным признакам материальной культуры ежегодно дополняются новыми результатами археологических исследований.

Руденко об искусстве Хунну писал, что «прежде всего следует отметить исключительное преобладание в хуннском искусстве изображений животных, что роднит их с искусством других евразийских скотовоческих народов данной и более ранней поры. Что касается видов животных, то в искусстве хуннов в основном были представители местной фауны, в значительно меньшем количестве домашние животные. Наиболее близкие связи устанавливаются между изобразительным искусством хуннов и племенами Западной Сибири и Алтая. Характерно, что хуннами были восприняты от западносибирских и горноалтайских (скифо-юэчжыйских) племен только те художественные мотивы и композиции, которые идеологические были им родственны. Изображения львов, львиных и орлиных грифонов были им чужды, равно как и стилистические приемы подчеркивания форм тела животных такими значками, как точка, запятая и скобка. Значки эти на теле животных, столь характерные для некоторых произведений искусства V–IV вв. до н.э. южносибирского, в том числе

горноалтайского, среднеазиатского и отчасти переднеазиатского искусства, чрезвычайно редки на изображениях животных у хуннов, и если они там и встречаются, то в крайне видоизмененном виде» (Руденко, 1962, с. 113).

В начале 1970-х годов Л. Сономцэрэн считал рисунки птиц из черного, желтого, зеленого, красного и коричневого лаков на гробу в погребении № 1 в Ноин-Уле дарурскими журавлями и отметил, что «хунны четко изображали проекцию с помощью линий. При хуннах линии в рисунках стали реальными. Однако цвет рисунков не реальным. Хунны сумели внедрить приемы линейной графики в их искусство. Эти приемы сохранялись в монгольской живописи в течение многих лет» (Сономцэрэн, 1972, с. 122–123).

Н. Сэр-Оджав отметил: «Своеобразная культура империи Хунну определяется его погребениями, находками, обнаруженными при раскопках погребений и поселений, петроглифами и письменными источниками. Среди них находки, найденные при раскопках погребений в Ноин-Уле являются классическими примерами удивительной культуры, оставленной хуннами» и выдвинул предложение рассмотреть хуннскую культуру в целостности под названием «Ноён-Улинская культура» (Сэр-Оджав, 1977). Кроме того, Сэр-Оджав первым из монгольских ученых отметил о полихромном приеме в золотых изделиях с камнями разных цветов и считал их главными памятниками хуннов, которые были распространены на Западе. Как показывают исследования некоторых исследователей СССР и Венгрии (Мацулевич, Бернштам, Кадырбаев и Нандор) родиной этого приема (полихромного) может быть местность близ Черного моря или восточный Казахстан, но во всяком случае хунны передавали его на запад (Сэр-Оджав, 1977).

Кроме того, Д. Цэвээндорж считал, что бронзовые и золотые изделия с каменными оправами, обнаруженные в хуннских погребениях были сделаны полихромным приемом, точнее «техникой зерна» (Цэвээндорж, 1978).

При специализированном изучении юрты кочевников Д. Майдар и Л. Дарьсурэн пришли к выводу о том, что уже у хуннского населения сформировалась традиция использования юрт со стенами и юрт на телеге, которая

позднее передалась кочевникам Монголии следующих поколений (Майдар, 1976, с. 80).

Г. Сухбаатар писал: «конечно, нельзя игнорировать влияния китайцев на этот зафиксированный стиль градостроения, который практиковали хунну. Эти поселения влияли на формирование и развитие последующих городов и очагов оседлости» (Сухбаатар, 2000, с. 39).

Руденко считал, «в хозяйстве хуннов лошадь, вне всякого сомнения, играла первостепенную роль. Она была необходима не только как средство передвижения, но и для охраны стад, для облавных охот и военных предприятий. При скотоводческом хозяйстве, когда на зимнее время не заготавливались корма для скота, лошадь имела еще и то преимущество, что она могла тебеневать, то есть в течение круглого года находиться на подножных кормах. Судя по костям, находимым в хуннских погребениях, лошади в массе были типичными монгольскими табунными» (Руденко, 1962, с. 24). Кроме того, как писали С.И. Руденко и другие в погребении № 6 были найдены 2 луки упряжи, которые соединяются между собой 4 палочками. С.И. Руденко считал это седло предназначенное для грузов (Руденко, 1962, с. 49–50). А Ц. Доржсурэн считал, это седло аналогично современному монгольскому седлу с дырками для кожаных веревок, подпруги и других (Доржсурэн, 1961, с. 29). Г. Сухбаатар утверждал наличие твердого седла из древесины при хунну, что подтверждается находками, обнаруженными при раскопках погребений в горах Ноён то, что «такое седло стало предварительным условием для создания стремян» (Батсайхан, 2002а, с. 93).

Несмотря на отсутствие единого окончательного мнения о формировании железных стремян, было мнение о том, что железные стремяна были созданы в более позднее время на основе информации о том, что византийцы узнали о стремянах у аварцев в V–VI веках н.э. Первое железное стремя было найдено в корейском погребении IV–V вв. н.э. Однако, Д. Наваан и другие археологи обнаружили части железного стремени с шириной основания 4 см в хуннском погребении на горе Дуулга в сомоне Жаргалтхаан Хэнтэйского аймака. С обнаружения этой находки начался спор об изобретении стремян. Г. Сухбаатар

считал, что это подтверждает использование хуннами железных стремян «так как у них были слова, связанные с лошастью – «тахи», «чихтий» у хуннов должно быть слово «дороо», называющее стремя». Теоретически стремяна должны быть связаны с седлом, сделанным из твердого материала. А у хуннов было седло из твердого материала. Вначале были стремяна из кожи или веревки, а потом появились стремяна из железа (Сухбаатар, 2000, с. 24).

Руденко считал «при раскопках хуннских погребений кости барана (*Ovis aries*) находились так же часто, как и кости быка. Судя по войлочным и другим шерстяным изделиям, у хуннов, как и у племен Алтая скифского времени, одновременно разводились как грубошерстные, так и весьма тонкорунные овцы, толщина пуха которых достигла 10 микрон в диаметре» (Руденко, 1962, с. 24). Также он писал, что крупный рогатый скот хуннов «состоял преимущественно из быков, но у них были и яки, или сарлыки. Кости быка, в значительном количестве обнаруженные в могилах, наибольшее сходство имеют с породами степных быков, в частности калмыцких. Костей и шерсти яков в хуннских погребениях пока не найдено, но одна из костей этого животного обнаружена на Иволгинском городище. К тому же изображения яков в ряде произведений искусства хуннов является подтверждением наличия в их стадах и яков» (Руденко, 1962, с. 24).

Руденко считал, что у хуннов были, по видимому, два типа колесных экипажей – легкие двухколесные китайские повозочки и массивные, вероятно четырехколесные, телеги (Руденко, 1962, с. 51).

Кроме того, Руденко обобщил результаты химических анализов 23 хуннских бронзовых изделий и сделал вывод, что «за исключением китайского зеркала, у нас нет пока оснований для выделения по химическому составу среди найденных в хуннских погребениях бронзовых импортных китайских вещей» (Руденко, 1962, с. 62), а также «у хуннов были сложные луки до 140 см длиной и укрепленные 7 роговыми накладками» (Руденко, 1962, с. 25).

Г. Сухбаатар писал, что границы державы Хунну дошли до западной части Пиньюана, области Ляодун на востоке, до южной части горы Тэнгэр и Китайской белой стены на юге и до озера Байкал на севере (Сухбаатар, 2000, с. 56). В

результате исследований монгольских ученых о хуннской духовной культуре общепризнанным является мнение, что Хунну были исходным началом распространения степной скотоводческой культуры. «Кочевники Монголии обогащали культуру кочевых сообществ соседей и распространяли ее на огромных территориях» (Сухбаатар, 2000, с. 255).

Н. Сэр-Оджав рассмотрел Хунну и Сяньби вместе и отметил: «так как они жили в период углубления распада родовой структуры, старая родовая структура была еще сильной. Общественно-экономическое развитие было не одинаковым в различных районах. Это было объединение родов и племен, собранных силой армии» (Сэр-Оджав, 1977). Кроме того в своем труде, опубликованном в 1977 году он отметил, что «Империя Хунну существовала в промежуточном времени формирования государства с классовым обществом из военной демократии (Сэр-Оджав, 1977, с. 120). Несмотря на то, что был уклад рабовладения, у ранних хуннов господствовала развитая родовая структура в течение продолжительного времени. Однако при Ноин-Улинской культуре была создана основа раннего феодального государства и создано хуннское государство шаньюейцев, которые унаследовали право быть главами государства» (Сэр-Оджав, 1977, с. 116).

В своей статье «Письменные памятники хуннов, обнаруженные при археологических исследованиях» А. Дамдинсүрэн сравнивал 14 печатей, найденных Ц. Доржсүрэнгом, 39 различных печатей на ножах, обнаруженных в урочище Чэндэ на севере КНР с 1932 по 1941 год, в общем 53 фигуры с буквами алфавита руни. Он сделал вывод: «хунны имели свою письменность с определенной собственной фонетикой, которая стала началом орхонско-енисейской рунической графики древнего тюркского государства, которое процветало позже» (Дамдинсүрэн А., 1972. С. 99–11). 14 тамг (печатей) и 3 знака, обнаруженные в орнаментации сосудов из хуннских погребений, совпадают с тюркскими буквами «к, р, ч». Сухбаатар считал, что они могут быть связаны с орхоно-енисейской письменностью (Дамдинсүрэн, 1972, с. 118). Однако есть вероятность заимствований у парфян, тохар и юэчжи и затем передачи тюркам.

Греко-бактрийское текстильное изделие было обнаружено в кургане № 25 в Ноин-Уле. Руденко о пути торговом писал: «из Китая на Запад шел севером через Хами, Турфан и Урумчи, на Иссык-Куль в Фергану, Согдиану-Бактрию через Мевр, Хамадан, к Дюра-Геранк, Пальмиру и далее на запад. Этим же путем в Китай и к хуннам могли проникнуть и малоазийские, и античные ткани» (Руденко, 1962, с. 110). Наряду с тем, вязанные изделия с фигурами животных, обнаруженные в Ноин-Уле он относил к скифо-сибирскому искусству. Фигура человека и коня на вязанном изделии из погребения № 6, два вязаных изделия с фигурами человека из погребения № 25 принадлежат к греко-бактрийскому стилю. Кроме того, аналогичные находки из погребений могут доказывать приход греческих ремесленников в Хунну, или эти изделия были привезены сюда через страны Средней Азии (Руденко, 1962, с. 105–110).

В конце 1980-х годов Д. Наваан опубликовал статьи и очерки по изучению Хунну «Исследование по Хунну в наше время. Наука и Жизнь. 1989, № 3; «Новости Академии Наук». № 3. 1989; «Исследования по Хунну должны быть развернуты (Газета «Труд». 1988, 12.03. № 134), в которых отметил необходимость проведения исследований хуннских памятников в Западной Монголии, на Алтае и в зонах Гоби. Необходимо производить раскопки больших курганов, создавать музеи для публики, привлекая учёных из СССР и других стран. Ученый отмечает, что археологические исследования хуннских памятников «необходимо производить регулярно и долговременно на одном комплексе, с привлечением естественно-научных современных методов. Для этого требуются значительные средства и силы. Необходимо привлекать материалы редких и уникальных памятников народов Центральной Азии» (Наваан, 1988б).

Как считает Д. Цэвээндорж, хуннские археологические памятники подразделяются на 3 группы – погребения, поселенческие памятники и петроглифы. Погребения наиболее многочисленны и содержат богатый материал для изучения проблем организации общества, развития хозяйства экономических и духовных отношений в обществе Хунну (Цэвээндорж, 1987а, с. 58).

В результате антропологического анализа, проведенного Д. Тумэном, в одном случае антропологический облик черепа со средними параметрами (мезокранный, индекс 75–79.9) являлся монголоидом с характерными чертами жителей Монголии. По своим параметрами он абсолютно не отличается от средневекового и современного населения Монголии. Установление такой связи Хунну с поздним монголоязычным населением свидетельствует о тесной их связи (Тумэн Д., 1985, с. 341–345).

Факты и заключения в исследовании Л. Билэгт 1989 года доказывают обоснованность заключения Д. Тумэна о том, что один антропологический облик стал доминирующим в Монголии хуннского периода. Изучив пять черепов, найденных в урочище Хиргист хоолой в 1987 году, он сделал заключение, что на территории МНР доминировали монголоиды Северной Азии при Хунну, а вероятность участия в этническом процессе после распада Хунну тех европейцев, скелеты которых были найдены в урочище Наймаа толгой Архангайского аймаке, не определяется и почти отсутствует (Билэгт, 1989, с. 101, 108).

В 1980 годах Д. Цэвээндорж, поддержал мнение Ц. Доржсурена о принадлежности плиточных могил к древним формам погребений хуннов. Кроме того он отметил, что ритуал захоронения умерших тюрками, которые жили на территории Монголии с VI по X век, значительно отличается от ритуалов хуннов (Цэвээндорж, 1987а, с. 7–76). В погребении хунна на горе Тэвш, над гробом с погребенным были выставлены детали телеги. В середине 20 века халхасцы в погребальном обряде ставили колеса повозки, на которой привезли умершего. Были найдены рога оленя в погребении хуннов в Наймаа-толгой, а халхасцы отмечают место погребения рогами оленя. Все это может доказывать, что обычаи хуннов сохранились до наших дней фактически без изменений (Цэвээндорж, 1987а, с. 75) . Д. Цэвээнжав отметил: «географически место обнаружения хуннских погребений (на южном склоне горы под солнцем), общий вид и погребальный обряд (гроб из досок на дне могильной ямы, каменная ограда или насыпь на поверхности), похоронный ритуал (умерший на спине, головой на север, выпрямленные руки и ноги) и сопроводительный инвентарь идентичны

погребениям монголов в средние века и погребальному обряду монголов в наше время. Следовательно, хунны и монголы имеют единый генезис, что доказывают многочисленные археологические материалы» (Цэвээндорж, 1987а, с. 77).

Д. Цэвээндорж, анализируя многочисленные находки из курганов Хунну, изготовленных в технике «цветной композиции», сделал вывод, что «технология изготовления золотых изделий в технике сочетания различных цветов населением, проживающим на территории Монголии до Хунну, была передана дальше через них» (Цэвээндорж, 1987а, с. 71–72). Д. Цэвээндорж неоднократно затрагивал проблему того, что многие исследователи считали декоративное искусство хуннов развитием европейского стиля (Цэвээндорж, 1987а, с. 71). Ученый считал, что 2 золотые заколки в виде фигурок дикого барана со вставками из бирюзы являются примером «цветовой гаммы» как вида искусства, который «сформировался в Монголии еще до Хунну – в бронзовом веке» и затем был унаследован хуннами. Сегодня большинство исследователей считают изобразительное искусство Хунну скифо-сибирским, в котором изображения животных и другие компоненты культуры хуннского общества восходят к эпохе бронзы.

Д. Цэвээндорж, исследуя хозяйство хуннского общества, осветил многие проблемы на основе анализа археологических данных «хунну имели классическое кочевое скотоводство в течение более 2 тысяч лет» (Цэвээндорж, 1988). Действительно, те, кто занимались кочевым скотоводством, достигшим высочайшего уровня развития, могли сконструировать идеальную упряжь. В рассмотрении этой проблемы приняли участие все ученые-археологи Монголии. Например, Г. Сухбаатар утверждал наличие твердого седла из древесины у Хунну, что подтверждается находками из погребений в горах Ноён «такое седло стало предварительным условием для создания стремян» (Батсайхан, 2002а, с. 93).

Губная гармошка из кости была обнаружена в 1989 году в кургане Морин толгой в сомоне Алтанбулаг Центрального аймака и считается исследователями одним из древнейших музыкальных инструментов «она может быть самым древним музыкальным инструментом в настоящее время и вне сомнений

относится к двухтысячелетней древности» (Цэвээндорж, 1990в). Именно, эту находку Н. Ишжамц считал фактом, утверждающим в китайских источниках информацию о хуннском музыкальном инструменте (Монгол, 2003, с. 240).

В 1987 году полные материалы хуннского лука были выявлены Д. Цэвээндоржем. В то время о хуннском луке высказывались Г.П. Сосновский, С.И. Руденко и П.Б. Коновалов. Иначе представил форму хуннского лука П.Б. Коновалов. На основании изучения материалов раскопок хуннских могильников Ильмовая падь и Черемуховая падь в Забайкалье он заключил, что «хуннский лук состоял из 10 накладок – 4 концевых, 4 промечутожных и 2 средних. Они располагались попарно» (Коновалов, 1976, с. 178). По результатам раскопок хуннских памятников местности Хиргист-хоолой Гоби-Алтайского аймака в Монголии Д. Цэвээндорж сделал вывод о том, что «хуннский лук состоял из 11 накладок: 4 концевых, 4 промежуточных, 2 средних и 1 центральной» (Цэвээндорж, 1990б, с. 126–132; 245).

Д. Цэвээндорж добавил к 14 печатям вновь обнаруженные знаки, в итоге известно 25 различных знаков. Исследователь делает вывод: «представление некоторыми исследователями этих знаков буквами письменности являются неверными. Такие знаки встречаются, как правило, по одному, в редких случаях по два. Наличие у хуннов письменности или ее отсутствие является проблемой дальнейших исследований» (Цэвээндорж, 1990а).

Д. Цэвээндорж, анализируя многочисленные источники, приходит к следующим выводам: «период Хунну занимает особое место в истории кочевников, дает возможность устанавливать причины достижений племенных союзов дофеодалного этапа в результате распада первобытной общины и перехода к феодализму, минуя рабовладельческое общество, благодаря археологическим исследованиям. Современное состояние археологических исследований не соответствует современным требованиям» (Цэвээндорж, 1987а, с. 79).

В 1987–1990 годах Монголо-Венгерская экспедиция во главе с Д. Цэвээндоржем и И. Эрдели провела археологическую разведку и

рекогносцировочные раскопки на развалинах крепостей Бороо и Баянбулага, где были найдены монета у-шу, бронзовый наконечник стрелы, фрагменты различных глиняных сосудов, железный нож, железные и бронзовые предметы вооружения. Это позволило обосновать отнесение укрепленных крепостей к хуннскому времени. При раскопках крепости Бороо, проведенных Д. Цэвээндоржем и другими исследователями, были найдены уникальные предметы, которые позволяют дополнить сведения о хозяйстве хуннского общества.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать заключение, что в период 1960–1990 гг. при проведении археологических раскопок большое внимание уделялось исследованию малых погребений. Этот тип погребальных памятников в большом количестве был обнаружен в центральных и северных районах страны. Были определены виды погребений простых хуннов, типичность находок и сделано заключение о том, что хунны на этой территории имели общую культуру и были едиными. Ц. Доржсурэн доказывает, что хуннская культура восходит к «плиточным могилам», развивается во времени и близка материалам из памятников поздних и средних веков.

Впервые выдвигается идея, что некоторая часть Хунну распространила «полихромную» технику до Восточной Европы или кочевала до европейских территорий. Впервые были проведены палеоантропологические исследования скелетов из погребений хуннов и сделано заключение о том, что хунны принадлежат к монголоидам, точнее к палеосибирской их разновидности. Начинается изучение поселенческих памятников. В 1962 году Ц. Доржсурэн обнаружил поселение Бороо, которое автор отнес к хуннскому периоду на основе сравнительного анализа орнаментации и формы найденных глиняных сосудов. После этого, в 1976 году Д. Наваан организовал разведочное обследование и рекогносцировочные раскопки поселения в Баянбулаге. Исследования Иволгинского поселения в Забайкалье внесли значительный вклад в изучение хозяйственного уклада хуннского общества. Была обоснована необходимость продолжения демографических исследований.

С 1980 по 1990 год наблюдается сокращение деятельности МСИКЭ по изучению хуннских памятников. Советские и монгольские ученые начинают работать в монгольских и венгерских экспедициях. Самостоятельные раскопки монгольских исследователей становятся более интенсивными и производятся в различных районах Монголии. В 1980 году «Хобдсская экспедиция» была организована под руководством Д. Наваана, работы были организованы в районах Западной Монголии и Алтая. Впервые произвели раскопки большого погребения аристократа в урочище Тахилтын хотгор в районе Алтая, зафиксировав многочисленные уникальные находки. В конце 1980-х годов Д. Цэвээндорж обнаружил хуннское погребение и произвел раскопки в урочище Хиргист хоолой или в районе за Гоби, где был обнаружен лук с деталями в хорошей сохранности. Были проведены антропологические исследования, определен антропологический облик погребенных. Гармонь, обнаруженная Д. Цэвээндоржем в погребении, в урочище Морин толгой стала одним из сенсационных открытий. По мере проведения археологических исследований и накопления палеоантропологических материалов были достигнуты большие успехи в исследовании антропологического образа хуннов. Вклад Д. Тумэна в этом направлении имеет большое значение. В результате его исследований было сделано заключение о том, что Хунну были разновидностью монголоидов Центральной Азии. Антропологический тип монголов был сформирован при Хунну, которые стали ядром генезиса современных монголов. Из недостатков исследований этого времени следует отметить неверную датировку и определение назначения некоторых находок.

В конце 1980 годов монгольские исследователи стали отмечать, что необходимо расширять круг археологических исследований в западной Монголии, Алтае и Гобийском районе, исследовать крупные погребения хуннских аристократов, проводя регулярные полные многолетние исследования в одном комплексе вместо разовых разбросанных раскопок в разных районах. Кроме того, осознали необходимость создания на местах музеев и экспозиции с археологическими находками.

С 1960 по 1990 год особое внимание уделялось раскопкам погребальных памятников. В основном производили раскопки малых погребений простых хуннов. К 1990 году обнаружили и зарегистрировали 2000 погребений в 36 некрополях, из которых исследовали около 200 погребений. Однако до сих пор материалы многих раскопок не опубликованы. Например, нет ни одного сообщения о находках из раскопок в 7 урочищах (Номгон Южногобияского аймака, Эрдэнэцагаан Сухбаатарского аймака, Галуут Баянхонгорского аймака, Дэлгэр Гоби-Алтайского аймака, Хулунбуйр Дорнотского аймака, Алтай Гоби-Алтайского аймака, Ачтанбулаг Центрального аймака из 17 урочищ), где Д. Тумэн сделал уникальные находки (Тумэн 2011. С. 88–106). Тумен участвовал во многих экспедициях МСИКЭ с 1970 по 1980 годы, многие исследователи передавали Тумену археологические находки, обнаруженные ими в хуннских погребениях. Д. Наваан, Д. Цэвээндорж и другие исследователи проводили выборочные рекогносцировочные раскопки на 11 поселенических памятниках, в ходе которых был собран значительный материал по хуннскому времени. Незначительные по площади раскопы этих лет стали основой для проведения широких исследований в последующее время.

Археологические исследования в Монголии в советский период проводились по методическим разработкам, принятым советскими учеными. Совместные исследования по хуннской археологии в Монголии были организованы только с СССР, Венгерской Республикой и другими странами социалистического лагеря, а профессиональные археологи Монголии – Н. Сэр-Оджав, Д. Наваан и Д. Цэвээндорж были подготовлены в СССР.

Исторический период существования державы Хунну совпадает с периодом классического рабовладения, которое было распространено в некоторых странах Европы и в Восточных странах. Следовательно, в исследовании Хунну требуется рассматривать вопрос рабовладения. В советское время большинство ученых считали, что хуннский период является особым в истории кочевников, изучение этого периода дает возможность показать как племенные союзы, созданные в результате распада первобытной общины, перешли к феодализму, минуя этап

рабовладения. Однако археологические исследования того времени были не в состоянии предоставить достаточные доказательства таким выводам.

Монголо-Венгерская совместная экспедиция начала работу с 1960 года и стала первой международной археологической экспедицией по Хунну, которую возглавил с монгольской стороны Н. Сэр-Оджав, а с венгерской стороны Тибер Хорват. Экспедиция обнаружила небольшие могильники в Бэлхийн ам недалеко от Улаанбаатара и провела раскопки 2 небольших курганов. В 1961 году совместная экспедиция во главе с Ц. Доржсурэном с монгольской стороны и с И. Эрдели с венгерской стороны проводила раскопки 2 малых курганов в Хужиртын аме в горах Ноён. С 1961 по 1964 год экспедицией во главе с Д. Навааном с монгольской стороны и И. Эрдели с венгерской стороны обнаружены могильники в Наймаа толгой в сомоне Эрдэнэмандал Архангайского аймака и проведены раскопки 4 курганов. Обнаружение небольших хуннских могильников в Бэлхийн аме около Улаанбаатара и в Наймаа толгой в сомоне Эрдэнэмандал Архангайского аймака совместной экспедицией и раскопки курганов были важным достижением того времени. В 1970–1980 годах Д. Цэвээндорж и И. Эрдели продолжили раскопки в Наймаа толгой и провели исследования 17 хуннских курганов. С 1987 по 1990 год Д. Цэвээндорж и И. Эрдели провели раскопки в урочище Худгийн толгой и на горе Солби в сомоне Батцэнгэл Архангайского аймака, на горе Дуулга в сомоне Жаргалтхаан Хэнтэйского аймака, на горе Зараа в сомоне Баян Центрального аймака, в Бага газрын чулуу в сомоне Дэлгэрцогт Среднегобийского аймака, в урочище Тарвагатай в сомоне Зуйл и в Хуушийн хутул в сомоне Хужирт Убурхангайского аймака, в местностях Баруун хайрхан и Морин толгой в сомоне Алтанбулаг Центрального аймака. Совместной экспедицией были раскопаны 45 хуннских курганов в 14 могильниках в 9 сомонах 4 аймаков в 1960–1990 годы.

В методической части программы совместного археологического исследования 1986 года с венгерскими исследователями было указано «обнаружить погребения хуннов и другие памятники в результате разведок по

археологической методике, соблюдаемой исследователями Монголии, Советского союза, Венгрии и других стран» (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 38).

Результаты этих раскопок были опубликованы в изданиях в соавторстве монгольских археологов Н. Сэр-Оджав, Д. Доржсүрэн, Д. Наваан, Д. Цэвээндорж и венгерского археолога И. Эрдели.

Результаты археологических раскопок совместной экспедиции позволили аргументированно описать организацию и структуру хуннских погребений, погребальный обряд, изучить и сравнить погребальный инвентарь и другие детали погребального обряда. Вышеупомянутые хуннские курганы были аналогичны другим хуннским памятникам в Забайкалье. Совместные Монголо-Венгерские работы обогатили комплекс материалов по изучению хунну и хуннских погребальных памятников, дополнили хуннскую коллекцию артефактов и создали надежные источники для изучения быта хуннского населения. Основной целью совместной Монголо-Венгерской экспедиции были раскопки археологических памятников Хунну, обнаруженные артефакты стали результатом проведения плановых работ.

Монголо-Советской совместной экспедицией во главе с Ц. Доржсүрэнгом и В.В. Волковым с 1961 года обнаружены могильники с большими курганами хуннской аристократии и небольшими курганами рядовых соплеменников в урочище Хаалгатын завсар в сомоне Манхан Ховдосского аймака и проведены раскопки 2 небольших курганов. С 1969 по 1982 год в МСИКЭ участвовали Д. Наваан и Д. Цэвээндорж с монгольской стороны в качестве руководителей. В некоторых раскопках приняли участие Н. Сэр-Оджав, Х. Пэрлээ и Д. Баяр. Со стороны Советского Союза экспедицию возглавлял В.В. Волков, а также в раскопках принимали участие Ю.С. Гришин, В.В. Свинин, И.В. Асеев, Ю.С. Худяков и П.Б. Коновалов. Согласно «Методическим рекомендациям организации работы экспедиции» в директивах для отряда по изучению памятников бронзового и железного веков в 1976 году в МСИКЭ должна была применяться «методика, используемая советскими учеными» (Цэвээндорж, 2016е, с. 238). Отряд МСИКЭ по изучению памятников бронзового и раннего железного

веков проводил плановые раскопки хуннских могильников. Исследуя палеолитические памятники, отряд под руководством А.П. Окладникова и Д. Дорж часто проводил раскопки хуннских погребений вблизи города Чойбалсан в 1973 году. Д. Цэвээндорж и Р.С. Василевский исследовали хуннские погребения в урочище Сул-толгой в Хубсугульском аймаке в 1983 году.

В 1984 году научный секретарь и заведующий сектором археологии и этнографии института истории Д. Дорж писал в части о хуннах в очерке «Монголо-Советская историко-культурная экспедиция: результаты и цели»: «Восстановление исследования хуннских городов, поселений и могил, особенно погребений простых хуннов из памятников древних государств, которые находились на территории Монголии является ценностью при выявлении особенностей ранних племен и патриархально-феодальных отношений» (Дорж, 1984).

Изучением хуннских памятников, как правило, руководил Д. Цэвээндорж. Есть информация о том, что МСИКЭ проводила раскопки 64 курганных насыпей, но опубликованы материалы только 17 курганов – результаты раскопок курганов на горе Тэвш Убурхангайского аймака, в горах Чандмань Убсанурского, в урочище Нухтийн-ам в сомоне Галт и Сул-толгой в сомоне Их-Уул Хубсугулского аймака. В этих работах Д. Цэвээндорж участвовал с 1972 по 1982 год. Кроме того, в 1961 году Ц. Доржсурэн опубликовал результаты исследований материалов курганов погребений в Хаалгатын-завсар, в 1975 году Д. Баяр – материалы 1 кургана на горе Дуулга. Всего были опубликованы материалы 20 исследованных памятников. В книге Д. Наваана, напечатанной в 1984 году была дана краткая и неполная информация о раскопках МСИКЭ, которые невозможно использовать в научных построениях.

Началом самостоятельной работы *монгольской экспедиции* можно считать 1977 год, когда Д. Наваан и другие монгольские исследователи проводили аварийные раскопки 5 хуннских курганов на железнодорожной станции Салхит. В 1980 начинаются постоянные академические раскопки хуннских памятников монгольскими учеными. В 1980–1990 годах Д. Наваан проводил раскопки на горе

Буурал недалеко от госхоза Хонгор Сэлэнгийнского аймака; на горе Майхан в сомоне Алтанбулаг Центрального аймака; в урочище Халзан хошуу в сомоне Муст; в урочище Хаалгатын завсар (Тахилтын хотгор) и Тарбагатай в сомоне Манхан Ховдосского аймака. Исследовал 21 небольших курганных насыпей и 2 больших кургана хуннской знати в Хаалгатын завсар. Д. Цэвээндорж проводил раскопки 6 курганов рядовых хуннов в урочище Хиргист хоолой Гоби-алтайского аймака и в урочище Оньтолт Убурхангайского аймака. В социалистическую эпоху монгольские археологи самостоятельно проводили раскопки 2 больших курганов хуннской знати, 32 кургана рядовых хуннов в местностях 7 сомонов 5 аймаков. Д. Цэвээндорж опубликовал материалы, найденные в 6 курганах. Д. Наваан в своих публикациях заново подробно представил материалы «Кургана принцессы», то есть кургана № 2 в урочище Хаалгатын завсар и переосмыслил материалы исследований других погребений. Д. Цэвээндорж обнаружил целые накладки на лук в погребении в урочище Хиргист хоолой и сделал вывод о том, что у хуннского лука не 7–9 накладок, а 11, и он имеет более сложную конструкцию, чем это представлялось ранее. В самостоятельной методике раскопок монгольскими археологами в «методической» части программы «Отряда по изучению хуннских археологических памятников» в 1986 году было прописано: «проводить разведки и раскопки погребений, а также делать зарисовки, снимки и детальные заметки по археологической методике, соблюдаемой современными монголо-советскими учеными» (Цэвээндорж, 2016в, с. 78–79).

Раскопки погребения аристократов в Хаалгатын завсаре были успешной попыткой монгольских ученых проводить раскопки погребений гуннской знати после 30 лет перерыва, когда в 1956 году Ц. Доржсурэн проводил исследования погребения хуннского аристократа в Гол моде. Раскопки подобных памятников в горах Ноён были проведены только спустя 60 лет. При раскопках кургана знатного хунна в Хаалгатын завсаре Д. Наваан использовал новый способ археологических раскопок, который он назвал, «способом монгольского менталитета». Вокруг насыпи убирают грунт до материка, создавая «безопасную

зону». Например, эта безопасная зона должна иметь радиус 6 м для погребения с дромосом шириной 2 м. Это дает возможность исследователям быть защищенными при обрушении стен с двух сторон (Наваан, 2018а, с. 88).

ГЛАВА III. Исследования памятников Хунну Монголии в 1990 годы – по настоящее время

В начале 1990-х годов возрастает интерес западных и восточных археологов к монгольской археологии и возможностям проведения совместных археологических экспедиций на территории Монголии. Были организованы Монголо-Французская, Монголо-Американская, Монголо-Корейская и Монголо-Российская совместные экспедиции, проводились многочисленные целенаправленные раскопки хуннских комплексов, а Монголо-Японская, Монголо-Бельгийская, Монголо-Германская, Монголо-Монакская и Монголо-Китайская совместные экспедиции проводили раскопки хуннских курганов в процессе изучения других памятников.

С конца 1990-х годов начали готовить отечественных археологов в Монголии, создавая возможность организовать самостоятельные экспедиции, опираясь на университеты и отечественные кадры. С этого времени Институт истории и археологии Монгольской академии наук, кафедра антропологии и археологии Монгольского государственного университета, Улаанбаатарского государственного университета, Монгольского национального музея истории, Государственного университета образования, Монгольского государственного университета науки и технологии и другие общественные организации начали проводить самостоятельные археологические исследования древних памятников.

В связи с интенсивным развитием горно-шахтных работ с начала 2000 годов в Монголии, вышеупомянутые организации стали проводить аварийные раскопки на лицензированных площадях хозяйственных единиц для спасения исторических и культурных памятников. Самостоятельные раскопки монгольских археологов после 1990 года можно разделить на академические и аварийные исследования.

3.1. Исследование памятников Хунну в 1990–2000 гг. С 1990 года в Монголии начинают развиваться новые общественные, экономические и политические отношения, археологическая наука отреагировала на это более активным сотрудничеством с разными странами. В начале рыночной экономики

Институт истории МАН не только продолжал фундаментальные исследования древней истории, но и развивал многочисленные внешние проекты с различными странами. С 1992 года Институт истории Монголии получил право реализовать проекты с привлечением зарубежных средств, а с 1993 года приступил к проведению фундаментальных исследований на основе реализации внешних проектов (Монгол, 2011, с. 254).

Первым международным проектом стал совместный Монголо-Японский проект «Гурван гол» по поиску погребения Чингис хана, который реализовывался с 1990 по 1992 год (Монгол, 2011, с. 255). В 1991 году были составлены топографические планы могильников хуннского периода в местности Бор булаг в сомоне Биндэр и местности Дуурлиг нарс Хэнтийского аймака. Совместная экспедиция зарегистрировала 198 насыпей в Дуурлиг нарс, большая часть которых была представлена большими курганами хуннских аристократов. Почти все курганы были окаймлены камнями в виде квадратов и имели дромосы. Экспедиция проекта «Гурван гол» исследовала 10 погребений в Дуурлиг нарс и провела на них геофизические наблюдения (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 60, с. 179). Кроме того было зарегистрировано 5 хуннских погребений в местности Зуун байдлаг и 4 погребения в горах Номгон в сомоне Мунгонморьт Центрального аймака (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 56, с. 51, 67), 17 погребений в урочище Сууж в долине реки Цэнхэр Хэнтийского аймака (Kato, 1994). Эта экспедиция обнаружили 765 хуннских погребений и из них 140 были в урочище Бор булаг и 200 – Дуурлиг нарсан (Kato, 1994). Экспедиция обнаружил в июле 1990 года в урочище Зуун байдлаг печь для обжига керамических изделий (Цэвээндорж, 1991). А.Д. Кубарев и А.Д. Журавлева также нашли печь для обжига керамики хуннского периода (Кубарев, 1986, с. 101–109).

С 1998 года отдел археологии Института истории МАН стал центром археологических исследований Института истории МАН. Доктор Д. Цэвээндорж – директор этого центра, в который входили 15 научных сотрудников. Центр археологических исследований Института истории МАН стал Институтом археологии МАН, так как он проводил фундаментальные исследования в области

археологии, расширяя внешние контакты. Институт археологии МАН реализовал совместные проекты с исследователями различных стран по использованию новых технологий, расширял объекты и материальную базу исследований, укреплял штатный состав отечественных ученых и достиг определенных результатов. По постановлению № 159 правительства Монголии, утвержденного 9 августа 2002 года первым директором института был назначен профессор Д. Цэвээндорж и научным секретарем – Б. Цогтбаатар, в институте работали 33 научных сотрудника.

В связи с намеченной постройкой гидроэлектростанции в местности Баянгол в дельте рек Эг и Селенга в 1991 году научные сотрудники Института истории Г. Мэнэс, З. Батсайхан и Д. Эрдэнэбаатар проводили предварительное разведочное обследование данной территории, регистрируя памятники и проводя подъемные сборы. В 1992 году научные сотрудники Института истории З. Батсайхан и Д. Эрдэнэбаатар проводили раскопки 4 погребений хуннского времени и эпохи бронзы при помощи бойцов военной части 026 Монгольской народной армии и при поддержке Музея монгольского войска.

Археолог З. Батсайхан руководил раскопками 4 хуннских курганов (Турбат Ц, 2003, с. 6), что привело к продолжению работ в местности Бурхан толгой в 1993 году «Сэлэнгийской экспедицией» под руководством научного сотрудника Института истории МАН З. Батсайханом (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 67). В состав экспедиции вошли научный сотрудник Я. Цэрэндагва и студенты Монгольского государственного университета во главе с У. Эрдэнэбатом, Ц. Турбатом, Ч. Амартувшином и С. Анударь, раскопав 6 хуннских курганов (Турбат Ц, 2003, с. 7). «Сэлэнгийская экспедиция» проводила археологические раскопки в рамках проекта «Древняя цивилизация монголов», основной целью этих работ были организация археологических раскопок в Булганском, Сэлэнгийском и Центральном аймаках, создание базы новых источников для сравнительного анализа и поиск новых объектов. Руководил проектом Д. Цэвээндорж, организовывали экспедиции З. Батсайхан и Д. Эрдэнэбаатар (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 69).

С 1991 по 2000 год З. Батсайханом были проведены раскопки 12 курганов на горе Дэлгэрхаан территории сомона Тубшинширээ в Сухбаатарском аймаке. В первом исследованном кургане был обнаружен гроб внутри каменных конструкций, во втором кургане сруб с деревянными плахами и в третьем кургане простая каменная конструкция. Во всех курганах было зафиксировано положение черепов и отдельных частей скелетов животных в головных частях могильных ям (Батсайхан, 2002а, с. 37).

В 1992 году гражданин Франции ученый-историк доктор П.Х. Жискар (Pierre Henri Giscard) познакомился в Монголии в рамках международного научно-исследовательского путешествия «Шелковая дорога кочевников», организованном ЮНЕСКО с монгольскими учеными и был привлечен в археологические исследования в местности Эгийн гол. Уже в июне 1994 года начала свою работу Монголо-Французская совместная археологическая экспедиция, которая была организована благодаря финансовой помощи ЮНЕСКО и правительства Франции. В состав этой экспедиции вошли с монгольской стороны глава З. Батсайхан, научные сотрудники Д. Эрдэнэбаатар, Я. Цэрэндагва, У. Эрдэнэбат, помощники-студенты кафедры истории Монгольского государственного университета Ц. Торбат и Ч. Амартувшин, с французской стороны генеральный секретарь университета пустыни в Париже доктор П.Х. Жискар, доцент университета Бордо Эрик Крюбезы (Eric Crubezy) и топограф-инженер Ж.П. Вердьер (Jean Pierre Verdier) (Турбат Ц, 2003, с. 8).

С 1994 по 1999 год Монголо-Французская археологическая экспедиция проводила раскопки 1 кургана на холме Бурхан-толгой в долине реки Эг в сомоне Хутаг-Ундур Булганского аймака (в 1994 году), 1 кургана в 1995 году, 18 курганов в 1996 году, 36 курганов в 1998 году, 27 курганов в 1999 году (Турбат Ц, 2003, с. 7–9). В урочище Эгийн гол Монголо-Французская, Монголо-Американская и самостоятельная монгольская экспедиции в общей сумме провели исследовательские работы на 106 хуннских памятниках, предварительные результаты исследований были представлены в совместных

публикациях. Раскопки большинства памятников, (84) были проведены Монголо-Французской совместной экспедицией.

В мае 1994 года впервые американец – любитель археологии В. Ханичёрч нашел финансирование и начал археологические исследования в долине реки Эг. С монгольской стороны эту экспедицию возглавлял З. Батсайхан, были проведены раскопки 4 хуннских курганов в Бурхан толгое. В 1996 году Монголо-Американская совместная экспедиция в рамках проекта «Северная Монголия» начала работу по инициативе университета Беркли. В состав экспедиции вошли с монгольской стороны старший археолог Л. Билэгт, научные сотрудники З. Батсайхан и Ч. Амартувшин, а с американской стороны – доктор М. Холл (Mark E. Hall) и В. Ханичёрч (Турбат Ц., 2003, с. 8).

В долине реки Эг в урочище Бурхан толгой, в сомоне Хутаг-Ундур Булганского аймака были обнаружены и исследованы 103 кургана, на поляне Холтост –1 курган, у скалы Хана –1 курган, в долине Хунхэр –1 курган. Обнаруженные предметы и погребальный обряд в исследованных г практически не отличаются от аналогичных комплексов из погребений, исследованных в Забайкалье и на юго-востоке Китая. После расчистки верхнего слоя насыпи в курганах в центре фиксировалось углубление и каменное покрытие округлой формы. На отдельных памятниках отмечалась курганная насыпь подквадратной формы. Было зафиксировано, что в северной части насыпи, как правило, меньше камней, чем в южной. Вероятнее всего объяснение этому – ограбление погребальных комплексов хунну и проникновение грабителей в склепы через северную часть насыпи. Диаметр насыпи курганов колеблется от 3 до 11 большинство насыпей 5–7 м. В исследованных комплексах было отмечено, что погребенные ориентированы головой по двум направлениям – на север (наиболее распространенная ориентировка) и редко встречающаяся – на восток. Погребения с северной ориентировкой (северо-восток и северо-запад), составляют 83–88 % от общего числа исследованных. Погребения, ориентированные на восток (юго-восток), составляют 17–18 %. Памятники с восточной ориентацией были обнаружены в основном в южной части некрополя и содержали большое

количество погребального инвентаря. Кроме того, в одном из погребений с восточной ориентировкой, под насыпью было обнаружено два захоронения. Погребения хуннов у реки Эг совершались на большой глубине, как и в памятниках Монголии и Прибайкалья. Захоронения детей до 15 лет совершались в неглубоких (курган № 83а на глубине 0,3 м; курган № 36 на глубине 3,0 м) ямах (Турбат Ц., 2003, с. 71–72).

Под земляной насыпью кургана, как правило, фиксировалось несколько слоев заполнения из камней, среди которых часто встречаются многочисленные кости животных, кости скелета человека, обломки керамики и фрагменты различных изделий, что говорит об ограблении. На глубине 2,0–2,7 м фиксировался уровень совершения захоронения. Погребения хуннов у реки Эг имеют сложные внутренние конструкции – по периметру стен каменная кладка, внутри которой 2–4 дощатых сруба, внутри которых гроб из досок. В стене, на которую ориентирован покойник, выкопан подбой (9 погребений). В некоторых могилах была только каменная обкладка стен, не было деревянных конструкций, а умершего заворачивали в бересту или укладывали на берестяную подстилку. В Бурхан толгое были обнаружены 10 курганов без внутренних конструкций. Из 106 курганов хуннов были обнаружены кости человека (121 особь). В большинстве курганов хуннов было захоронено по одному умершему (96 могил), а также зафиксированы курганы, в которых были захоронены взрослый вместе с ребенком (11 могил). Большинство погребальных комплексов хунну разграблено. В большинстве курганов были найдены кости животных. В 20 курганах Бурхан толгой костей животных обнаружено не было. Кости животных находились внутри ямы, обычно в центре заполнения насыпи или могильной ямы (вследствие ограбления). Кости мелкого и крупного скота – черепа, челюсти, позвонки, ребра, копыта, позвонки хвостов часто находились в подбое, были завернуты в определенном порядке в шкуру животного. Внутри дощатого сруба, за гробом в головной части находились ребра, кости позвоночника, тазовые кости (Турбат Ц., 2003, с. 72).

В могильной яме, кроме скелета умершего и костей животных часто находились и различные предметы. Это, прежде всего, оружие, конская упряжь, предметы быта, украшения, одежда и различные сакральные вещи. Предметы вооружения, комплексы луков были найдены в 32 курганах, боевое снаряжение из железа (91ед.) в 28 курганах, наконечники стрел из кости в 10 курганах, наконечник из железа в 1 кургане. Из конской упряжи: кольца узды из кости; узда из железа в 13 курганах; кольца узды из железа (24 ед.) в 17 курганах; бронзовые предметы узды (7 ед.) в одном кургане; бронзовый колокольчик узды в 1 кургане. Из предметов быта: глиняная посуда – (42 ед.) в 40 курганах; бронзовые котлы в 2; железный котел в 1; посуда из бересты в 9; лакированная посуда в 12; нож из железа в 9; палочки для еды из кости в 33 (40 ед.); палочки для еды с головкой (ложки) в 4; палочки для еды с головкой курительной трубки в 3; коробки для игл в 2; большая железная игла с деревянной ручкой в 1; деревянная чашка в 1. Из предметов украшений и одежды: различные бусы в 14 курганах (77 ед.), золотые серьги в 1; бронзовая пуговица в 1; бронзовое зеркало в 10, каменная подвеска в 1; каменное изделие в форме кубика в 1; железные пластинки пояса в 7; бронзовая пластинка пояса в 1; железная пряжа в 16; подвеска на пояс в 1; крючок пояса в 1; тесёмка на пояс в 1; золотое украшение пояса в 1 (4 ед.). Из сакральных изделий: железное украшение в форме цветка в 6 (38 ед.); украшение из бересты в форме цветка в 10; гвозди из железа в 5; железные изделия в форме солнца и луны в 7; бронзовое изделия в форме луны в 1. Кроме этих изделий найдены предметы из железа неопределимой формы в 42 курганах; из кости в 6; из бересты в 10. В погребениях мужчин в гроб клали предметы вооружения, посуду, упряжь коня и скота, палочки для еды, бронзовые зеркала, в редких случаях бусы. В погребениях женщин – различные украшения, посуду, конскую упряжь; упряжь для другого скота; палочки для еды; в редких случаях предметы вооружения. В погребениях детей в гроб клали глиняную посуду и предметы украшений. В погребениях подростков в гроб клали такой же набор предметов, что и взрослым (Турбат Ц., 2003, с. 73).

Результатом исследований Монголо-Американской экспедиции в долине реки Эг было датирование памятников не только по сравнению типологии керамических изделий, но и по радиоуглеродному методу (William Honeychurch, 2006, с. 118). Радиоуглеродный анализ зерен пшеницы, найденных у объекта, похожего на печь для обжига керамических изделий, показал дату (390 г.– 185 г. до н.э.). Датировка сожженного дерева, найденного среди фрагментов керамики внутри ямы для отходов (№ EGS 486) определилась (170 г. до н.э.–230 г. н.э.). Уголь, найденный в 2 от этого дерева, датировался (110 г. до н.э. –70 г. н.э.).

В бассейне реки Эг большинство некрополей имело по 4–6 погребений. Однако могильник в урочище Бурхан толгой имел более 100 погребений. Кроме того, по результатам радиоуглеродного анализа было установлено, что памятное место EGS 131 датируется (100. до н.э. –100 г. н.э.) и в нем были обнаружены осколки бронзового зеркала периода государства Хань (William Honeychurch, 2006, с. 121–122).

DNA анализ более 49 антропологических находок, обнаруженных в Бурхан толгой, был проведен французами. Памятник был большим погребальным полем, где хунны хоронили умерших в течение многих лет. Некоторые погребения принадлежали родственникам, погребенным в разные годы. Кроме того были обнаружены A, B4b, C, D4, D5 или D5a, or F1b гаплогрупп. 89%, обнаруживаются у азиатов и U2, U5a1a и J1 гаплогрупп приблизительно 11%, которые свойственны европейцам. Как показал DNA анализ хунны и современные монголов по mtDNA, которое унаследуются по линии матери, были похожи у 9 гаплогрупп и SNP – у 27 гаплогрупп (Christine, 2006, с. 131).

Исследователи из Америки сделали попытку регистрации исторических памятников Монголии всех периодов, сравнивая места их нахождения по природно-географическим особенностям. Были исследованы все бассейны больших и малых рек и пади, чтобы проследить общие особенности заселения страны при Хунну и в другие периоды (William Honeychurch, 2006).

Раскопки проводились по всей площади памятников по слоям, расположение памятников и погребенных фиксировалось с помощью GPS, что

было абсолютно новым в монгольской археологии. Часть находок была отправлена в лаборатории Франции для проведения реставрационных работ и радиоуглеродного анализа для датировки памятников. Впервые в Монголии скелеты погребенных были отправлены для проведения палеогенетического анализа.

В 1997 году Ц. Баттулга на скалах в местности Баруун билуу, расположенной вблизи горы Дэл, в Улзийт сомон, Дундгов аймака обнаружил несколько наскальных изображений с колесницей и предметы с рунической письменностью (Баттулга, 1998, с. 114). Большинство ученых-хунноведов относят эти изображения к эпохе Хунну.

Во второй половине 1990-х годов Монголо-русско-американская экспедиция «Каменный век Монголии» работала в нескольких районах страны, производила раскопки погребений каменного века и разведки по обнаружению петроглифов. В результате были обнаружены петроглифы в аймаке Баянхонгор. Петроглиф в урочище Сонгинот в сомоне Шинэжинст Баянхонгорского аймака был отнесен к хуннскому времени (Цэвээндорж, 2005, с. 56). Изображения всадника и лошади, которые Н. Батболд отнес к хуннскому времени по особенностям рисунка – реальность и подвижность изображения, стиб одной передней ноги и выпрямление другой (Батболд, 2011, с. 27).

Монгольско-Корейский совместный «Мон-Сол» между Институтом истории и археологии и Национальным музеем Монголии и Национальным музеем Южной Кореи (Фонд ЦКН . Мон-Сол) реализуется с 1997 года и является самым долгосрочным и стабильным. Целью проекта стало совместное изучение археологических памятников в Монголии и развитие научных связей ученых двух стран.

Во время организации археологической практики студентов МоГУ в 1997 году были обнаружены захоронения хуннов на горе Дэлгэрхаан в сомоне Тувшинширээ Сухбаатарского аймака, то есть, на востоке Монголии (Батсайхан, 2005а, с. 1). В рамках археологической практики студентов кафедры Антропологии и Археологии МоГУ в 1998 году под руководством З. Батсайхана

были произведены раскопки 3 погребений на горе Дэлгэрхаан в сомоне Тувшинширээ Сухбаатарского аймака. В начале 2000 годов Тумен организовал антропологический анализ черепов, найденных при этих раскопках. Было установлено, что 2 из них монголоидного типа и 1 –промежуточно-европоидного. В том же году под руководством Д. Наваана, З. Батсайхана были произведены раскопки в погребениях на горе Дуулга в сомоне Жаргалтхаан Хэнтэйского аймака (Тумэн, 2002, с. 440).

Во второй половине 1990 годов З. Батсайханом были выявлены хуннские наскальные изображения на скале Цагаан элэг, также незначительное количество наскальных изображений были найдены в восточных районах Монголии. Возле скалы с сакральными изображениями (50 рисунков) были зафиксированы 200 курганов Хунну, около 100 подквадратных склепов и другие памятники разного времени (Батсайхан, 1998, с. 267). Изображения людей, животных и печатей, в том числе изображений человека – 8; горного козла – 6; собаки, коня, коровы – 5, хищники семейства кошачьих – 3; дикий баран, волк, птица – по одному; печати (тамги) – 3. При нанесении изображений был применен древний способ гравировки монет. Большинство изображений людей и животных выгравированы тонкой линией. Второй способ (резная гравировка) нанесения использовался для изображений животных, чтобы подчеркнуть особенности их внешних очертаний. Изображение человека по содержанию и смыслу имело особое значение. Чтобы отличить пол, изображали человека с распростертыми руками и с широко расставленными ногами. На скале Цагаан элэг горный козел изображен с 2 кривыми рогами, хвост немного закручен. Горных козлов изображали гравировкой тонкой линией, которой покрывалось все туловище животного. В изображении 2 сплетенных между собой горных козлов у 1 были подчеркнуты признаки пола. Собаки и лошади изображены с 4 ногами. В изображении 2 сплетенных лошадей шея одной выгравирована длинной, стройной и более реально, 2 ноги изображены в движении. Собака с 4 лапами изображена с длинной мордой, хвост похож на хвост горного козла, изображение волка похоже на собаку, но с длинным хвостом. Интересно изображение 5 коров, с высокими

холками, с суживающимися животами и соединенными концами рогов. В этих изображениях общий размер рогов характеризует половую принадлежность животного. Хищники семейства кошачьих – подкрадывающийся за добычей леопард, в другом изображении леопард, спасающийся бегством как правило, изображены нападающими на других животных. Наибольший интерес привлекает изображение 3 драконов. Драконы с длинными хвостами, крученным туловищем, с длинными рогами и ухом, похожи на изображения на золотой пластине Хунну. На наибольшей высоте скалы изображен волк. В наскальных изображениях пернатым также отводится важная роль. Головы всех изображенных направлены или повернуты на юг, а голова хищника семейства кошачьих, изображенная поверх птицы, направлена в противоположную сторону. Для определения даты создания изображений ключевую роль играет одна общая черта в культуре хунну – рисунок схватки животных. Одной из причин, чтобы отнести эти рисунки к хуннскому периоду, являются фигуры борющихся животных. В этом рисунке 2 диких козла стоят напротив 2 коней, и 2 диких козла в позе нападения. Однако вследствие особенностей нанесения рисунков на скале фигуры не изображали в сплетенных и запутанных позах (Батсайхан, 1998, с. 270–274).

Впервые совместная Монголо-Японская экспедиция «Гурван гол» нашла печь для обжигания керамики, которая относится к хуннскому периоду на правом берегу реки Зуунбайдлаг в сомоне Мунгонморт Центрального аймака (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 56, с. 106). В 1999 году были проведены экспериментальные раскопки остатков печей, в которых обжигали глиняные изделия. Работы проводились совместной Монголо-Корейской экспедицией. Там же были обнаружены две разные печи, служившие для обжига глиняной посуды и черепицы. Установить полностью конструктивные особенности печей не удалось, но при раскопках были обнаружены кирпичи и фрагменты черепицы. В результате радиоуглеродных исследований была определена датировка печи (125 г. н.э.) (Морин, 2001, с. 89).

В том же году Монголо-Корейской археологической экспедицией был раскопан 1 курган у холма Морин-толгой Центрального аймака, в 120 км к юго-

западу от Улаанбаатара в долине реки Туул (Юнь Хёнвонь, 2002, с. 121; 86). Погребение имело радиус 14 м и глубину 5 м, были обнаружены скелет человека, осколки бронзового зеркала, обернутого в шелк, деревянная тарелка и палочки из кости. По размерам и погребальному инвентарю этот памятник считается погребением аристократа (Юнь Хёнвонь, 2002).

3.2. Анализ материалов из раскопок памятников Хуннов конца XX века и некоторые точки зрения на реконструкцию историко-культурных процессов. После 1990 года монгольские археологи начинают активно участвовать в конференциях за рубежом. Представлялись доклады и статьи об археологическом исследовании Хунну Д. Цэвээндоржем – «Вопросы о погребальных памятниках хуннов и их генезис», «Об изделиях животного происхождения и зернах, обнаруженных в хуннских погребениях», «Некоторые приемы приготовления блюд и возникновение котла» в Корее и других странах.

В конце 1980 – начале 1990 года выходит несколько статей З. Батсайхана. Результатом изучения 100 керамических ваз, которые хранились в лаборатории института истории, была подготовлена совместная публикация. Также ученый опубликовал материалы о письменности хуннов: «Письменность Кему при Сюнну и его значение», о петроглифах хуннского периода, которые были обнаружены только в 2 местах: «Петроглиф на скале Цагаан элэг».

Возможность изучения богатых материалами погребальных памятников Монголии западными исследователями после 1990-х годов открыла новую страницу в историографии Хунну. Монголо-Французская совместная археологическая экспедиция проводила первые в Монголии полномасштабные раскопки большого хуннского могильника в урочище Бурхан толгой в сомоне Хутаг-Ундор Булганского аймака (1994–1998 гг.). Результаты этих исследований были представлены в многочисленных публикациях («Исследование хуннских погребений в урочище Бурхан толгой», 1998; «Новые находки по Хунну», 1999; «Археологические исследования по Хунну», 2000). Д. Цэвээндорж отмечает, что в начале 1990-х годов были обнаружены более 2500 хуннских курганов и более 10 поселений (Цэвээндорж, 1994, с. 252).

З. Батсайхан считал, что новые методы датировки памятников и усовершенствование методик исследований в экспедициях станут большим толчком для изучения истории Хунну (Батсайхан, 1993).

В начале 1990 годов З. Батсайхан предлагает разделить историю хуннов на историю империи Хунну и на историю государства Хунну на основе сопоставления двух бронзовых зеркала, обнаруженных во втором погребении в урочище Худгийн толгой, в погребении № 20 в урочище Наймаа толгой, датирующихся (206–220 г. н.э.) (Батсайхан, 1993).

Ж. Батсуурь в своей статье «Исследования хуннского генезиса и территории расселения монголов при проведении генетических исследований» сделал вывод, что очаг генофонда монголов совпадает с территорией державы Хунну и ее политическим центром, современные монголы несомненно являются прямыми потомками хуннов (Батсуурь, 1992).

На основе анализа археологических источников, результатов археологических исследований за последние 100 лет Д. Цэвээндорж установил поразительное сходство Хунну и монголов в организации погребального обряда, в конструктивных особенностях погребальных конструкций, которые значительно отличаются от погребального обряда тюрок (Цэвээндорж, 1993, с. 214). Схожи и основные виды сопровождающего инвентаря». Таким же оставался погребальный обряд у монгольского населения в средние века и остается в настоящее время (Цэвээндорж, 2002, с. 160–161). Еще одним доказательством этого стало сравнение решетчатых украшений из железа и золота украшающих гробы хуннского времени с тем, что в средние века монголы обертывали умершего тканью внутри решетчатой стены юрты и хоронили между скал (Цэвээндорж, 1993, с. 2130. В конце 1990 годов Д. Эрдэнэбаатар и другие ученые отмечали, что прямоугольная насыпь погребений хуннских аристократов является доказательством дальнейшего развития хуннами внешней организации плиточных могил, при сохранении элементов погребального ритуала (Эрдэнэбаатар, 1998, с. 94–95). Однако исследователи из России считают, что погребения хуннских аристократов были заимствованы у земледельцев на юге, так как у хуннов не

было традиции строить погребальные сооружения такой формы (Амоголонов, 1998).

В 1994 году было опубликовано исследование Д. Цэвээндоржа и З. Батсайхана по результатам специального изучения керамических изделий (Цэвээндорж, 1994а). Авторы изучили 110 глиняных сосудов, подразделили их на 5 типов по форме и особенностям использования. Были выделены сосуды для хранения зерна и пришли к выводу, что «на безграничных просторах страны, где жили хунны, форма, размеры и орнаментация на керамической посуде были одинаковыми в разных районах. Использование новых технологий отмечается со временем и это отчетливо фиксируется в обнаруженных материалах». З. Батсайхан предположил, что керамическая посуда из курганов на склонах гор Ноён была изготовлена в поселении Бороо, расположенного поблизости. Исследователь подчеркивает, что «инструменты из рога и костей животных, найденные в жилищах Иволгинского поселения имели только одно назначение – использовались для изготовления керамических изделий. В Хунну была группа квалифицированных гончаров» (Батсайхан, 2002а, с. 99).

В начале 1990-х годов в рамках сотрудничества с венгерскими учёными в лаборатории института археологии были проведены анализы тканей одежды, лоскутков материи и зерен из хуннских погребений. Наряду со скотоводством хунны-кочевники занимались охотой, в незначительной степени земледелием и собирательством зерен и корнеплодов как второстепенными занятиями (Цэвээндорж, 1994б).

З. Батсайхан предложил новое видение границ расположения центральной части под владением шаньюя на основе распространения археологических памятников. «Много раз пишут, что в хребтах Хангай и в бассейне реки Орхон была ставка хана и это место является центром, но никто не изучал тщательным образом. Все цитируют китайские источники о существовании ставки шаньюя Лунчэн в бассейне реки Орхон и у хребтов Хангай» (Батсайхан, 2002а, с. 146–147). Монгольский ученый подчеркивает, что «владения, где была ставка шаньюя,

есть в горах Их Хэнтэй и верховьях рек Туул и Хэрлэн, что подтверждается археологическими исследованиями».

В 1980 годах Наваан отметил, что находки инвентаря в хуннских незначительны. В обществе хуннов различия погребального обряда высших и низших слоев были огромными как день и ночь (Наваан, 1997, с. 58). Кроме того он писал: «Во II–I тыс. до н.э. кочевое скотоводство сформировалось на обширных территориях Центральной Азии, углублялся распад общины, а производительность труда увеличивалась в результате использования железных инструментов».

З. Батсайхан, предположил, что у хуннов была письменность «кему» на основе транскрипции китайских источников. Он учел 14 знаков, изученных Ц. Доржсурэном (Батсайхан, 1994). Поддерживая мнение Г. Сухбаатара и других о том, что хуннская письменность была заимствованием согдийской и арамейской письменностей, в более поздних работах автор изменил это мнение. Хунны пользовались кистью, чернилами, шелком и бумагой, которые были достижениями мировой культуры, а также умели производить их, вероятнее всего они имели собственную письменность (Батсайхан, 2002а, с. 227). Если учесть, что хунны имели клеймообразные буквы, то число таких букв «достигает 27» и особенно важным становится правильное калькирование с оригинала. Когда два одинаково отшлифованных тонких плоских камня с черными пятнами на краях, которые были найдены в погребениях № 26 и № 28 в Бурхан толгой у реки Эг сдали на анализ, то было установлено, что они были нанесены краской из Китая (Эрдэнэбаатар, 1999). Д. Цэвээндорж нашел 2 чернильницы в погребении в урочище Бурхан толгой и при анализе в лаборатории Луврского музея чернила обнаружилась в них, что является косвенным доказательством того, что хунны писали черными чернилами и кистью (Цэвээндорж, 2000, с. 47).

Ученые начинают искать аналогии редким предметам, обнаруженным в хуннских погребениях, и устанавливать их иностранное происхождение. Д. Эрдэнэбаатар выразил сомнение изготовления в Монголии находки в виде ложки, известной у монгольских монахов, и находки в виде трубки, которые часто

обнаруживаются в хуннских погребениях. Он объясняет назначение этого предмета аналогично с корейскими биню (длинная заколка в причёске) для женских волос, который используется со времен «трех стран» до нашего времени (Эрдэнэбаатар, 2000). Одно керамическое изделие, найденное в хуннском погребении в Бурхан толгой, автор считает символической печкой, которые жители державы Хань делали для покойников. Этот распространенный обычай мог быть организован для гражданина державы Хань или поклонника ее культуры.

К 2000 году в Монголии были обнаружены в 60 урочищах более 3000 погребальных памятников и были произведены раскопки 400 курганов. Среди числа исследованных погребений главный процент занимают 100 погребений в урочище Бурхан толгой. К 11 поселенческим памятникам добавился один в бассейне реки Эг, где было обнаружено еще 14 малых поселений.

С 2000 годов Монголия начинает проводить археологические исследования с западными и азиатскими странами, начинают активно внедряться методы естественных наук (поиск погребения Чингис хана в урочище Эгийн гол в 1991 году; геофизические исследования в рамках проекта «Гурван гол» и создание базы данных GIS с помощью прибора GPS и др.). Совместные работы станут организовывать на крупных комплексах на протяжении длительного времени с использованием геофизических методов. Следует отметить значительный вклад в эти исследования заведующего Центром археологических исследований МАН Д. Цэвээндоржа. Ученый принимает активное участие в международных конференциях, представляя археологические исследования в Монголии в мире.

3.3. Исследование памятников монгольских хуннов в 2000–2010 годы. В 2002 году были утверждены постановление Правительства № 12, представленное собранием президиума МАН, и постановление Министерства образования, культуры и науки № 304 от 24.10. 2002 года в которых были определены структура, организация и деятельность археологического института. По постановлению № 01 от 14.01.2009 года на совещании президиума МАН была утверждена новая структура Института археологии (Монгол, 2011, с. 218).

Выделенный сектор хуннской археологии должен был планомерно заниматься исследованием археологических памятников Хунну. До 2015 года в Институте археологии были сектор изучения каменного века, бронзового века и эпохи металлов; раннего железного века; археологии средних веков и антропологии, а также археолого-антропологическая лаборатория, музей, библиотека и фонд рукописей (Эрдэнэбат, 2008б).

С 2000 года в Монголии проводятся масштабные горные работы, в ходе которых ведутся также многочисленные аварийные археологические раскопки для спасения исторических и культурных памятников на лицензионных площадях хозяйственных единиц.

В законе «О включении дополнения к закону защиты культурных наследий», утвержденном Великим Хуралом Монголии 16 апреля 2004 года было указано, что центральная государственная администрация дает разрешение проводить разведки, раскопки и исследования в историко-культурных местах на основе предложений профессионального совета. Состав профессионального совета утверждается членами правительства и ответственным по вопросам культуры и науки. По постановлению № 57 от 17.02.2005 года, утвержденным министром образования, культуры и науки, «Закона о защите культурного наследия» был создан профессиональный совет с обязанностью давать разрешение проводить археологические разведки и раскопки на территории Монголии, контролировать археологические исследования, их выполнение, отчеты, хранение археологических находок, найденных при раскопках.

В 2000–2001 годах Монголо-Французская экспедиция во главе с Д. Эрдэнэбаатаром и А. Франсисом исследовала большой курган в Гол-мод в долине реки Хунуй в сомоне Хайрхан Архангайского аймака, раскопки которого Ц. Доржсүрэн прекратил в 1956–1957 годах. Общая площадь памятника 20 × 20 м, с дромосом длиной 38 м, могильная яма глубиной 15 м. На дне ямы был обнаружен гроб с шелковой обивкой, в котором были найдены золотые украшения. В кургане была зафиксирована двойная конструкция из дерева. Уникальный комплекс был разграблен, были обнаружены бронзовый сосуд,

обломки глиняных сосудов, ось и другие части колесницы (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 116, с. 20–28).

С 2000 по 2002 год в рамках производственной практики студентов Монгольского государственного университета З. Батсайхан организовал раскопки 14 хуннских курганов в урочище Тамирын Улаан хошуу в сомоне Ундур-Улаан Архангайского аймака (Батсайхан, 2002б, с. 25). Проведение археологической практики для студентов-историков различных высших учебных заведений не только пополняет базу данных и количество изученных объектов, но и дает возможность будущим исследователям знакомиться с новыми материалами (РФ КАА МоГУ. 2009). Они обнаружили Талын-гурван-хэрэм (3 крепости в степи) в сомоне Угийн нуур, ызуально обследовали памятник, сняли топографический план, еще одна крепость была обнаружена в урочище Ар-хүрэн-шанд (Батсайхан, 2002а, с. 36–38).

Антропологический анализ 3 черепов из раскопок З. Батсайхана в 2000 году показал, что 2 погребенных были монголоидами, а один имел и монголоидные и европеоидные признаки (Тумэн, 2002, с. 44–46).

В 2001 году в рамках экспедиционной практики студентов факультета Антропологии и Археологии МоГУ, Д. Наваан и З. Батсайхан произвели раскопки нескольких погребений в урочище Эмээл толгой в сомоне Батцэнгэл Архангайского аймака. Были обнаружены уникальные предметы – бронзовая голова дракона, лампада в виде вазы, бронзовый скифский котёл и ваза с надписью (Наваан, 2002, с. 29). Антропологический анализ черепов 2 взрослых погребенных, проведенный Д. Туменом, показал, что 1 был монголоидным, а другой имел и монголоидные и европеоидные признаки (Тумэн, 2002, с. 45). В погребении № 3 была погребена пара (мужчина и женщина) и ребро домашнего животного с резьбой, изображающей животных и растения (Наваан, 2002, с. 28–30). Кроме того найден бронзовый котел с узором на тулове, внутри которого были найдены кости домашних животных (Наваан, 2018). З. Батсайхан также исследовал погребение пожилого человека в урочище Сонгиохайрхан

Центрального аймака, антропологический анализ показал, что погребенный был монголоидом (Тумэн, 2002, с. 46).

В 2001 году под руководством Ц. Турбата в рамках производственной практики студентов в районе Тамирын-улаан-хошуу, в 24 км к северу от сомона Угин-нор было проведено исследование 2 курганов из 370 известных по результатам археологических разведок (Турбат, 2003).

В 2001 году в местности Дуурлиг нарс в рамках производственной практики студентов кафедры Антропологии и археологии Монгольского государственного университета была сделана расчистка верхнего слоя погребения с дромосом (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 144, с. 9).

В 2001 году Монголо-Корейскими экспедициями был составлен план могильника в Худгийн-толгой, Солби-уул, а также проведены раскопки 4 курганов у холма Худгийн-толгой. Большие курганы имели округлую каменистую насыпь диаметром 20–25 м, высотой до 1 м, были обнаружены и исследованы небольшие курганы с округлой невысокой насыпью из камней, диаметром 3–5 м (Эрэгзэн, 2002, с. 155–160). В погребении № 1 были обнаружены уникальные предметы – деревянный футляр для стрел, бронзовый колокольчик, железная пила, косточки ягод и другие. Анализ проб из 4 участков в лаборатории Сэульского университета определили дату захоронений (60 г. до н.э.; 80 г. н.э.; 35 г. н.э.; 80 г. н.э.) (Эрэгзэн, 2002).

Летом 2001 года преподаватель Монгольского Государственного Университета З. Батсайхан во время студенческой полевой практики впервые выявил крепостной вал, называемый «Галын-гурван хэрэм», который расположен в 20 км от центра сомона Егийнуур Архангайского аймака. Проведено визуальное обследование памятника, установлены размеры, зафиксирована структура сооружений и установлено, что крепостной вал состоит из 3 валов, протянувшихся с запада на восток. Вал правой стороны памятника размерами 400 × 452 м, выходы с территории крепости на 3 стороны – север, запад и восток. Ширина входов 10 м. На площадке, окруженной валом, был обнаружен фундамент большой постройки, а на его правой стороне платформы (довжоо) из 4 насыпей.

Средний вал находится на расстоянии 150 м, его размеры 430 × 290 м, дверь видимо выходила на южную сторону. Ширина двери 10 м, довжоо, расположенная внутри вала, выше, чем у вала правой стороны размерами 25 × 35 м. На южной стороне и правее от него 3 насыпи, около стены левой стороны еще одна насыпь. Вал левой стороны низкий, почти невидимый, находится на расстоянии 270 м от среднего вала, выход из него только на правую сторону. В правой стороне, расположенной от платформы, размерами 25 × 20 м также были отмечены 3 насыпи. (Батсайхан, 2002в, с. 36).

В 2001 году Монголо-Бельгийской экспедицией были проведены раскопки 4 курганов в урочище Увгунт в сомоне Бурэгхангай Булганского аймака (Турбат, 2004, с. 189). К сожалению полученные материалы не были опубликованы.

В 2001, 2004–2005 годах совместной Монголо-Французской экспедицией был исследован большой курган. В 2004 году были закончены раскопки большого кургана, начатые Ц. Доржсурэном, проведены исследования кургана с дромосом среднего размера и были исследованы 9 небольших курганных насыпей. Целью экспедиции 2004 года были раскопки большого кургана № 20 хуннского аристократа и 2–3 небольших курганов. В состав экспедиции входили с монгольской стороны научный сотрудник, археолог Ч. Еруул-Эрдэнэ, Ж. Гантулга, с французской стороны руководитель Ж.П. Дерош, а также археологи и антропологи Ж. Магай, Г. Андрей и другие. По результатам работ был собран большой архив документов – чертежи, дневники, топографические планы (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 116; Еруул-Эрдэнэ, 2008).

В 2002 году члены Монголо-Корейского совместного проекта «Мон-Сол» сделали планы могильников в урочище Дуурлиг нарс, в сомоне Баян-Адарга и в урочище Борбулагийн ам в сомоне Биндэр Хэнтийского аймака, провели описания и снимки находок в фондах института археологии МАН и Монгольском Национальном музее (Research, 2004).

В 2001–2005 годах Монголо-Американская совместная экспедиция проводила раскопки 28 небольших курганов, 1 большого кургана хуннской знати в урочище Гол мод-2 и Балгасан тал в долине реки Хануй в сомоне Ундур-улаан

Архангайского аймака. Был составлен план памятника, на который были нанесены 345 малых курганов и 108 больших курганов с дромосами (Турбат, 2004, с. 192; 289; Bryan K. Miller, 2006).

В рамках проекта «Древняя цивилизация в Восточной Монголии» в 2002–2003 годах Д. Наваан производил раскопки на горе Дуулга в сомоне Жаргалтхаан Хэнтэйского аймака 2 курганов. Были обнаружены фрагменты керамических сосудов и кости животных, погребенный на глубине 3,5 м, ориентирован головой на юго-запад (Наваан, 2005, с. 17).

В 2003 году З. Батсайхан в рамках экспедиционной практики студентов факультета Антропологии и Археологии МоГУ открыл самый восточный могильник с 70 курганами на горе Баян в сомоне Хулунбуйр Дорнодского аймака. Были произведены раскопки погребального сооружения размерами 10 x 10 м, найдены осколки бронзового зеркала, также произвели раскопки 3 погребений на горе Баян, где были обнаружены наконечник копья и разбитое бронзовое зеркало в берестяной посуде, погребенный подросток 10 лет (Батсайхан, 2005а, с. 1). Также были организованы геофизические и магнитометрические наблюдения исследованных захоронений, было установлено, что структура памятников совпадает с геофизической аномалией (Arvisbaatar, 2005, с. 28–31). Д. Наваан обнаружил в урочище Нугаар в сомоне Цэнхэрмандал Хэнтэйского аймака множество памятников, принадлежащих разным периодам истории во время экспедиции проекта МоГУ «Древняя цивилизация в Восточной Монголии» (Наваан, 2005, с. 17).

В 2003 году экспедицией археологического института МАН был исследован 1 курган, из 27 известных, в пади Нарийны у холма Долоод Дэлгэрхаан сомона в Хэнтэйском аймаке. Некрополь был обнаружен в 1991 году «Трехречной экспедицией». В кургане был погребен мужчина 60 лет и обнаружена длинная палка–посох (Амартүвшин, 2003, с. 157).

Совместный Монголо-Американский проект «Разведки и исследования в южной Гобийской зоне» был реализован в 2003–2008 годах. Целью этой экспедиции была детальная археологическая разведка и проведение раскопок

некоторых памятников. В состав экспедиции вошли с монгольской стороны Ч. Амартүвшин, З. Батсайхан, Б. Наран, У. Эрдэнэбат, Ж. Гэрэлбадрах, Ц. Амгалантугс, Б. Эрдэнэ, П. Хатанбаатар, Б. Жаргалан и Д. Молор и с американской стороны профессор В. Ханичёрч из Иельского университета, исследователь Ж. Вraith из Пристонского университета и исследователь Р. Нельсон из Мичиганского университета (Фонд ЦКН. Монгол-Амеркийн хамтарсан “Монголын”). В 2003–2008 годах Монголо-Американская экспедиция провела исследования и раскопки 32 курганов на различных территориях Монголии (Амартүвшин 2010а, с. 202). Курганные насыпи округлой формы фиксировались по небольшим камням на поверхности. Большая насыпь диаметром 10,6 м, малая – 3,4 м, глубина могильных ям от 0,79 до 4,25 м. Могильные ямы в центре насыпей курганов, на глубине 0,5–0,8 м фиксировались очертания могильных ям, по краям которых были расставлены камни большого и среднего размеров. У 12 могил была внешняя каменная ограда гроба; у 10 могил сплошная каменная ограда; у 3 могил только деревянный гроб; у 2 могил подбой в боковых стенах; 4 могилы не имели дополнительных конструкций; 1 могила не содержала костей погребенного. Погребенные были ориентированы головой на север, северо-запад и северо-восток (Амартүвшин 2010а, с. 202–220).

В 7 курганах из 32 были найдены предметы упряжи коня и упряжи для скота – железная узда, кольца удил, железное кольцо, бронзовые бляшки. В 24 был найден хозяйственный инвентарь, в 28 – фрагменты глиняной посуды; в 4 – целые сосуды. Также были обнаружены обломки каменной посуды, посуды из бересты, деревянной посуды, пиалы с лаковым покрытием. В 5 могилах были обнаружены 11 предметов быта – палочки для еды и проколки из кости, железное шило, веретено. В 6 погребениях было найдено 23 предмета, связанных с погребальным обрядом – 5 шляпок гвоздей, 9 железных украшений в форме цветка, металлические выпуклые украшения (бляшки), железное кольцо. Из предметов одежды и украшений, были найдены серьги, подвески из кости и камня, бронзовые и серебряные украшения, золотые серьги. В 6 погребениях было найдено 90 бусин из камня и кости. В Алаг-толгое в кургане № 2 нашли 80

бусин и подвесок разных форм и размеров. В пади Ихэр в кургане № 1 нашли каменную подвеску с изображением бога «Бес» (Амартувшин 2010а, с. 223–225).

В 2003–2013 годах археологи Института археологии Монголии проводили исследования по спасению многочисленных курганов и погребальных памятников, датирующихся разными периодами истории на площадях эксплуатации рудников на горе Чандмань хар в сомоне Дэлгэрэх Восточногобийского аймака. Исследованные 15 курганных насыпей периода Хунну можно разделить на четыре группы. Курганы № 6, 7, 10, 12, 14 расположены напротив южной стороны пика горы, № 217, 218, 227, 28, 231 расположены на восточной стороне пика горы, № 177, 180, 181, 229 – на юго-востоке от колодца. Группы памятников отстоят на некотором расстоянии друг от друга. Курган № 22 расположен вблизи черной горы Чандмань, в урочище Зэст (Амартувшин, 2015б, с. 155). Насыи фиксировались по многочисленным камням на поверхности. Большие каменистые насыпи диаметром до 8 м, малые – 4,3 м. На 15 курганах были проведены археологические раскопки. Обнаруженные могильные ямы имеют подпрямоугольную форму с округленными углами и дополнительными конструкциями. Некоторые могильные ямы отличаются размерами – ямы с дополнительными конструкциями были больше по ширине. Глубина ям различна. После совершения захоронения ямы забутовывали камнем. В 15 курганах в могильных ямах были обнаружены деревянные гробы, без дополнительных конструкций. Могильные ямы выкапывались по размеру гроба длиной 1,8–2,0 м, шириной в головной части – 0,7 м, ширина другого края – 0,5 м. В 3 курганах с деревянным гробом могилы были дополнительно перекрыты деревянным настилом. 10 могильных ям без дополнительных конструкций имели глубину 2 м, ширину 0,6–0,7 м. Покойника укладывали в длинную, продолговатую яму с округленными углами, что, видимо, было самой простой формой погребального обряда. В некоторых погребениях была зафиксирована ниша в северной стене, которая, очевидно, выполняла роль подставки для погребального инвентаря. На Черной горе Чандмань были проведены раскопки 15 курганов времени Хунну. По внутреннему строению и организации

погребального обряда их можно разделить на 2 группы – погребения в деревянном гробу и погребения без дополнительных конструкций (Амартувшин, 2015б, с. 172–177). Большинство погребений были ограблены в древности. Найденные предметы исследователи классифицировали как украшения, предметы вооружения, предметы хозяйственной утвари. Всего было обнаружено 10 различных видов утвари. В общем, их можно разделить на украшения в виде цветков и ленточное убранство. Из предметов вооружения были обнаружены накладки на лук из кости, наконечники стрел из железа и кости, железный нож. Железные наконечники имели трехлопастную и в виде листа форму, первые – длиной 10 см. В шести погребениях были найдены наконечники в форме листа, в центре которого было треугольное отверстие. В 22 погребениях нашли трехгранные наконечники из кости втульчатой формы. Из хозяйственного инвентаря найдены глиняные вазы, сосуды, палочки для еды, веретена, бронзовые монеты. Глиняные вазы были обнаружены в 6 могильных ямах. В 3 курганах были обнаружены остатки окрашенной посуды. В курганах № 12 и № 177 – мелкие фрагменты краски разных цветов. В 3 курганах были найдены предметы для прядения из костей животных и глиняные. Было найдено много украшений – обломки зеркал, бронзовые украшения пояса, бронзовые фигурки зверей. Бусины изготовлены из стекла, круглой формы, обвитые серебряной нитью. На трех изделиях из кости, найденных в кургане № 7 был выгравирован узор. В этих погребениях было найдено литое изделие, покрытое золотом, похожее на фигурку яка, с закрученными рогами, а также маленькое бронзовое изделие в форме прямоугольника. Также у черной горы Чандмань в хуннских курганах были обнаружены разнообразные железные изделия, бронзовое кольцо, изделия из кости, маленькие золотые рельефные изделия, остатки рогов зверя, фрагменты бересты (Амартувшин, 2015б, с. 177–182). Было взято 6 проб для радиоуглеродного анализа, 4 пробы были отправлены на исследование в лабораторию Университета штата Аризона, 2 – в лабораторию университета Джорджии. Лабораторией университета штата Аризона представила следующие даты – (170 г. до н.э. – 50 г. н.э.), (350 г. до н.э. – 30 г. н.э.), (209 г. до н.э. – 24 г.

н.э.), (166 г. до н.э. – 69 г. н.э.). Лабораторией университета Джорджии (95 г. до н.э. – 26 г. н.э.), (256 г. до н.э. – 167 г. н.э.) (Амартувшин, 2015б, с. 182).

В 2004 году археологическая экспедиция Монгольского национального музея истории проводила исследования 2 хуннских курганов в урочище Морин толгой, где было обнаружено значительное количество уникальных предметов (Турбат, 2004, с. 189).

В 2005 году З. Батсайхан и С. Улзийбаяр в рамках экспедиционной практики студентов факультета Антропологии и Археологии МоГУ производили раскопки в пади Карникова сомона Ерөө Селенгийнского аймака. Насыпь над захоронением радиусом в 6,8 м, погребение было разграблено, умерший был уложен в сруб из досок, и глубину в 185 см (Батсайхан, 2005б, с. 57–58).

В том же году Монголо-Американская экспедиция под руководством З. Батсайхана и Е. Давида производила рекогносцировочные раскопки в крепости «Талын гурван-хэрэм». Структура этих крепостей относится к периоду более 1000 лет и почва типичная для поселений хуннского периода (David, 2006, с. 20–32). Были раскопаны пять курганов в местности Тамирын-Улаан-хошуу, в которых обнаружены керамические сосуды местного и импортного происхождения, остатки лакированных сосудов, бронзовые котлы, железные скифские котлы, осколки железных котлов, целые и разбитые бронзовые зеркала, золотые серьги, сделанные методом полихрома, кулоны из янтаря, камней, стекла, костей и рога, каменное ритуальное корыто, глиняные подсвечники, 10 у-шу монет, завернутые в замшу и надетые на деревянную палку, часть войлочного ковра, удила с трензелями из железа и рога, железный топор, пряслице, веретена, железные украшения для гроба в виде цветков с четырьмя лепестками и многие бронзовые и железные изделия неопределенного назначения (Батсайхан, 2014).

Осенью 2005 года Ч. Амартувшином была выявлена «Мангасын-хурээ» крепость на территории Ханбогд сомона Южногобийского аймака, в пустыне Галбын гоби, в 10 км к северу от государственной границы. Древнюю крепость с округлым земляным валом и прямоугольными стенами местные жители называют «Мангасын хурээ». Остатки наружного земляного вала округлой формы

диаметром 595 м имеют ширину от 2 до 5 м, высоту около 50 см. Примерно в 200 м к центру от вала расположены крепостные стены подпрямоугольной формы. Длина северной стены – 130 м, западной – 140 м, южной – 130 м, восточной – 132 м. В северной и южной стенах заметны проемы для ворот шириной 18–19 м. Между крепостными стенами и наружным земляным валом были обнаружены биметаллические (бронза–железо) наконечники стрел, железный топор и фрагменты керамических изделий (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 56, с. 38).

В 2005–2007 годах Монголо–Швейцарская экспедиция под руководством Ц. Торбата и Николя Пусы работала на поселении «Бороо» с целью определения сохранности памятника, стратиграфии, определения особенностей планировки внутренних построек. По монголо-швейцарскому проекту «Поселение Бороо» должны были проведены археологические раскопки памятника с использованием современных методик, а также датирование находок и культурного слоя объекта. Ц. Турбат установил связь с «Фондом внешних археологических исследований Лихтенштейна Швейцарии». В 2003 году Ц. Турбат и Я. Цэрэндагва вместе с доктором, профессором Д. Размайером и заместителем директора Института археологии Невшательского университета Швейцарии Н. Пуса организовали ознакомительную с древними памятниками Монголии экспедицию. Реализации проекта «Бороо гол» была профинансирована швейцарской стороной (Турбат, 2008, с. 336).

В 2005 году раскопки были начаты с береговой линии, что позволило определить мощность культурного слоя. Поселение основательно разрушилось под воздействием природных аномалий и антропогенного воздействия. Особенно этому способствовали постройки жилищ для работающих на золотых приисках рабочих. Были заложены 13 поперечных траншей длиной более 70 м в разных местах вдоль берега, в результате было открыто 42 сооружения площадью 175 кв. м и 7 сооружений размерами 5 × 5 м. К ним относятся различные углубления хозяйственного назначения, склады для хранения зерна и очаги (печи). Также были выявлены остатки двух землянок. Внимание ученых привлекла схожесть конструкций и инвентаря землянок с материалами поселения Иволга. В поселении

долгое время оседло проживало население Хунну, которое занималось скотоводством и ремеслом, в том числе изготовлением глиняной посуды, возможно земледелием, другими ремеслами и даже добычей золота. Доказано, что найденные здесь керамические сосуды были установлены в гробницах вождей и знатных людей на горе Нойн-Ул. Можно утверждать, что площадь памятника составляла 1 га, и оно было относительно густонаселенным. Был собран многочисленный инвентарь, в основном фрагменты глиняных сосудов, богатая остеологическая коллекция – в основном кости лошади, найдены костяные наконечники стрел, различные хозяйственные поделки из кости и железа (Турбат, 2005, с. 7). Впервые Ц. Турбатом был проведен развернутый анализ коллекции керамики (Турбат, 2005). В 2006 году Монголо–Швейцарская совместная экспедиция проводила раскопки на южной и северной стенах памятника. В результате раскопок был получен многочисленный хозяйственный инвентарь, целые и фрагменты глиняных сосудов, многочисленные кости животных. Также было зафиксировано большое количество сооружений хозяйственного назначения (склады, хозяйственные ямы, столбовые ямки, остатки печей и очагов и др.), здесь же были исследованы две целые землянки в хорошей сохранности (Турбат, 2008, с. 337). 2007 год стал последним, когда были организованы совместные Монголо–Швейцарские экспедиции для раскопок в крепости «Бороо». В результате раскопок собраны тысячи фрагментов глиняных сосудов, сотни костей животных, множество различных камней, изделия из кости и глины. Особого внимания заслуживает обнаруженный фрагмент кости крупного рогатого животного, на которой было вырезано изображение двух тигров. Это, несомненно, является одним из замечательных памятников искусства Хунну, на котором изображались звери (животные) искусной и тонкой резьбой. Поселение (укрепленная крепость) «Бороо» простирается с севера на юг на 300 м, с запада на восток на 50–60 м (Турбат, 2008, с. 338). Совместные исследования 2005–2007 годов охватили площадь 1175 кв. м. Были открыты и исследованы шесть полуземлянок, 126 ямочных конструкций хозяйственного назначения. Результатом исследований стала собранная коллекция археологических предметов – в основном

хозяйственного инвентаря, связанного со скотоводством, земледелием, ремеслами. По результатам радиоуглеродных исследований была установлена дата обитания на памятнике (11 г. до н.э.–1 г. н. э.) (Турбат, 2008).

В 2005 году был подписан договор между Институтом археологии Монгольской академии наук, Институтом археологии и этнографии СО РАН о проведении совместных исследований археологических памятников в горах Ноин-Ула на севере Монголии. Монголо-Российский совместный проект «Археологическое исследование в Ноён-уле на севере Монголии» был реализован с 2006 года Институтом археологии МАН и Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. С монгольской стороны работами руководил директор института археологии Д. Цэвээндорж, а с российской стороны профессор Института археологии и этнографии СО РАН Н.В. Полосьмак. Целью проекта было – разработать предложения по изучению и защите культурно-исторического наследия первого государства периода Хунну, а также провести масштабные исследования погребений хуннской аристократии и простых кочевников (Фонд ЦКН. Монгол-Оросын хамтарсан). В 2006, 2009, 2011–2012 годах Монголо-Российская совместная экспедиция провела раскопки курганов хуннской знати в урочище Суцзуктэйн ам в горах Ноён уул. В 2006 году экспедицией во главе с Д. Цэвээндоржем и Н.В. Полосьмак был исследован большой курган с дромосом (Цэвээндорж, 2010а, с. 21; Цэвээндорж, 2010б, с. 227–231), в 2009 году был исследован большой курган с дромосом (Цэвээндорж, 2010а, с. 21; Цэвээндорж, 2010б, с. 231–233). Также были проведены раскопки небольшого кургана в 2007 году и небольшого кургана в 2011 году (Эрдэнэ-Очир, 2015, с. 159–161). Большой курган хуннской знати был раскопан в 2012 году.

На территории Номгон сомон, Умнуговь аймака, на границе в 3–5 км к юго-востоку от заставы Жаал-шанд течет река Хахууль. На высохшем русле поднимается гранитная скала, на которой в 2006 году археолог У. Эрдэнэбат в ходе экспедиционных работ обнаружил различные изображения. Среди изображений на скале – горный баран, козел, волк, лиса, леопард, гигантский змей, олень, птицы (дичь), кошачьи хищники, маска с изображением человека,

разные печати (тамги), жилище, человек за охотой и множество неопределимых изображений. При нанесении изображений применялся способ резьбы остро заточенным инструментом, углубление вырезалось по всей площади изображения. Среди наскальных изображений на скале у реки Хахууль есть вихрящееся изображение в квадратной раме – гигантский змей с пестрой чешуей и изображение леопарда в прыжке, которые исследователи относят к эпохе Хунну (Эрдэнэбат, 2008а, с. 34). Вихрящееся изображение в квадратной раме было особенно распространено в Империи Хунну, оно получило определение звериного стиля, который также применялся при изготовлении пряжек поясов, украшений для одежды. Изображение змея и леопарда отличается тонкая работа и художественное оформление – тело гигантского змея, пестрая чешуя которого показана выгравированными углублениями, остальная часть тела мифического животного показана тонкой линией. Острые когти, мощный и грозный вид леопарда выгравировали таким же способом. Передние и задние конечности леопарда скручены, что довольно часто наблюдается в культуре хунну и широко встречается на бронзовых сосудах южного соседа – государства Хань (Эрдэнэбат, 2008а, с. 35).

В 2006–2007 годах были раскопаны З. Батсайханом 5 курганов в местности Тамирын-Улан-хошуу в рамках проекта «Западная Монголия» (Хатанбаатар Д, 2007. с. 157). В 2000–2007 годах раскопаны 26 курганов в местности Тамирын-улаан-хошуу. Могильник расположен на высоте 1400 м над уровнем моря, площадь составляет 560×390 кв. м или 21,8 га и расположен в распадке горы с красивыми окрестностями. Большинство исследованных памятников имели кольцеобразные насыпи, подквадратной или овальной формы. Ширина кольца 2,3 м, некоторые курганы на востоке и юго-востоке памятника имели каменные конструкции. Могильные ямы всех погребений располагались в центре на глубине 1,0 м. Очертания могильных ям имели квадратную продолговатую форму, направление по длинной оси с северо-запада на юго-восток и по сравнению с погребениями хуннских памятников имели большой размер. Глубина могильных ям в среднем 3,50 м, что значительно превышает глубину захоронений в малых

курганах. Это явилось главной особенностью памятников Красного мыса Тамира. Умерших помещали в гроб, сделанный из деревянных досок или в деревянную ограду, гроб делился на 2–3 части, труп располагали в северной части. Вдоль правой руки устанавливали 4–6 глиняных сосуда, также в ямах последовательно располагали 1–2 керамических или бронзовых котла и 1–3 лакированные чаши. Деревянные гробы украшали четырехлепестковым железным или бронзовым клином. Иногда над головой умершего устраивали небольшое пространство (подбой), в котором раскладывали предметы культа, пищу, части туш животных, светильники. Хоронили одного покойника, но в курганах № 10, 13, 17 было вместе уложено 2–4 умерших. Покойника укладывали прямо, с вытянутыми ногами, руки укладывали поперёк туловища или на тазовые кости. В этих могилах умерших ориентировали головами на восток и юго-восток.

Из раскопок на Красном мысе Тамира исследователи нашли предметы утвари, снаряжение коня, предметы, которые можно связать с торговлей, украшения, предметы вооружения, культовые предметы. Из предметов хозяйственной утвари, прежде всего глиняная посуда, бронзовые котлы, железные и глиняные светильники, железные предметы, веретена, деревянные чаши. Из конской упряжи и скота – оленьи кольца удил, железная узда. Среди предметов торговли в кургане № 201 была найдена у-шу монета времени Хань. Некоторые исследователи предполагают, что монету использовали при торговле в приграничной зоне или только при совершении культовых обрядов. Из предметов украшений были найдены изделия, обвитые серебряной нитью, бронзовые зеркала, бусины разных цветов, янтарные ожерелья, золотые серьги, украшения из кости, украшения гроба. Из предметов вооружения – накладки на лук, трёхлопастные железные наконечники стрел. Среди предметов культа были каменные чаши и подставка для чаши, сделанная из оленьих рогов (Хатанбаатар Д, 2007, с. 156–158).

В 2006–2009 годах в урочище Дуурлиг нарс работал полевой исследовательский отряд совместного Монголо-Корейского археологического проекта «Мон-Сол», который за 4 года провел археологические исследования 2

больших курганов с дромосами, 2 курганов без дромосов, но с прямоугольными надмогильными сооружениями и более 5 небольших курганов с округлой насыпью из камней. Всего в урочище было обнаружено около 200 хуннских курганов. Самый большой курган расположен в северной части могильника, размеры внешнего надмогильного сооружения 40×40 м, длина дромоса примерно 50 м. Все они компактно расположены в юго-западной части могильника (Эрэгзэн, 2003, с. 223–224; 318; Эрэгзэн, 2010в, с. 223–224). Это место обнаружил Д. Цэвээндорж, который участвовал в Монголо-Японском совместном проекте «Гурван гол» по поиску погребения Чингис хана вместе с ученым Эмото из Японии с 7 по 12 августа 1990 года в ожидании экспедиции МСИКЭ (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 60, с. 66). Ученые, задействованные в совместном Монголо-Корейском проекте «Мон-Сол», выбрали грунт в могильной яме эксковатором, а при исследовании основных особенностей погребения работали ручным способом, тщательно очищая все элементы конструкции. Кроме того для детального определения распространения погребений в урочище Дуурлиг нарсан использовали топографический инструмент total station, информацию из спутника и определяли координаты GPS (Дуурлиг, 2011, с. 33–36). Корейские исследователи сделали замеры и определили генетические особенности костей погребенных, костей животных, органических изделий, определили химический состава находок, разновидности древесины, приемы лакирования изделий и провели реставрацию железных и вязанных изделий. Результаты этой работы они опубликовали в собрании «Хуннские погребения в Дуурлиг нарс» в виде отчета в 2011 году (Дуурлиг, 2011).

Исследователи из Кореи и других стран сделали анализ mtDNA по матери, хромосома Y по отцу и DNA, которые унаследуются у родителей по трем антропологическим находкам из погребения в Дуурлиг нар. По заключению этих исследователей один из этих трёх скелетов имел ген R1a18 по отцовской и U2e1 ген по линии матери. Эти гены часто встречаются у индо-европейцев или у людей высшей касты у монголов. Результат аутосомного анализа STR этой находки показал, что погребенный не происходил из Восточной Азии (Kijeong Kim, 2010).

В 2006 году экспедицией антрополого-археологической кафедры МоГУ под руководством С. Улзийбаяра было исследовано 4 кургана из 110 известных у горы Угуумур на северном берегу реки Орхон. Насыпи имели округлую каменистую форму, с впадиной в центре (Улзийбаяр, 2006, с. 5–6; 2005, с. 67–74). В погребении № 1 были обнаружены уникальный погребальный инвентарь – железная сабля, острие копья, железные наконечники, железные удила и трензели, палочки из кости, железные пластинки и железные серьги (Улзийбаяр, 2006).

В 2006 году экспедицией антрополого-археологической кафедры МоГУ под руководством З. Батсайхана были раскопаны 5 курганов из 257 известных в пади Мухдаг в долине реки Орхон. Курганные насыпи округлой формы состояли из грунта и камней, диаметром 3–16 м, в центре фиксировались впадины. 36 курганов имели на южной стороне каменных насыпей дромос. Один курган был с подквадратной каменной насыпью и с дромосом. Насыпи больших курганов высотой 0,6–0,8 м. Раскопанные курганы ограблены, что не дает возможности восстановить погребальный обряд. Деревянный гроб или каменная конструкция отмечались на глубине 0,3–0,2 м. Также было обнаружено детское погребение с керамическим сосудом высотой 0,1 м, с тонким венчиком (Бат-Эрдэнэ, 2013, с. 9–13).

В 2007 году Монголо-Китайской совместной экспедицией МГМ, Международного института изучения кочевой цивилизации и Институтом археологии КНР были начаты совместные работы на хуннском могильнике в пади Хулхийн-ам в сомоне Хотонт Архангайского аймака по проекту «Археологические разведки, раскопки и исследования памятников кочевой цивилизации в Монголии». В реализации проекта приняли участие Монгольский национальный музей, Международный институт кочевой цивилизации и Институт археологии и наследия автономной республики Внутренней Монголии КНР. В состав экспедиции вошли с монгольской стороны руководитель проекта профессор А. Очир, Л. Эрдэнэболд, Б. Анхбаяр и Ц. Одбаатар, с китайской стороны директор Института археологии и наследия автономной республики Внутренней Монголии КНР, профессор Та Ла, заместитель директора института,

доктор Чен Ён Жи, научный сотрудник Сун Гүо Дүн, Юэ Гөү Мин, Сү Мин Жи и Саранбилиг. Координатором проекта стал президент МАН, академик Б. Энхтувшин (Библиотека МНИМ. А. Очир). Работы были начаты на развалинах древней крепости, где была обнаружена насыпь кургана. При расчистке плиточного погребения также была зафиксирована каменная насыпь в одном из углов крепости. Здесь были найдены костяные накладки на лук, костяной псалий, костяные наконечники, фрагменты керамики, бронзовые украшения, бронзовый наконечник, неопределимые кусочки железных изделий. Погребение было ограблено в древности, археологам по расположению костей удалось установить, что умерший был уложен на спину, головой на северо-запад (Одбаатар, 2008, с. 21–23).

С 2007 года начал реализовываться Монголо-Российский проект «Исследования крепостей и поселений Хунну на территории Монголии» под руководством А. Очира и С.В. Данилова. Были произведены раскопки на возвышенности в крепости «Терелж». На поверхности памятника были обнаружены фрагменты полуцилиндрической верхней черепицы, фрагменты плоской нижней черепицы, концевые диски черепицы. В результате раскопок было собрано более 20 тысяч фрагментов черепицы, несколько фрагментов глиняной посуды. На полуцилиндрических (верхних) черепицах имелись узоры 2–3 видов, диаметр черепиц – 17 см. Металлические изделия были обнаружены в незначительном количестве и в плохой сохранности, в основном это были гвозди различного размера (Эрдэнэболд, 2008, с. 366–368).

В 2007 году был принят совместный Монголо-Американский «Ховд» проект между Национальным музеем истории Монголии и Пенсильванским университетом США по исследованиям памятников хунну в Ховдосском аймаке. Главной целью проекта было исследование погребальных и поселенческих памятников Хунну (Баярсайхан, 2011, с. 142). Под руководством Ж. Баярсайхана, Ц. Эгийма, и Б. Миллера был исследован 1 большой курган с дромосом, 7 сопровождающих курганов и 8 небольших курганных насыпи в урочище Тахилтын-хотгор в сомоне Манхан Ховдосского аймака. На этом памятнике всего

было зафиксировано около 100 курганных насыпей, расположенных на площади приблизительно 2 кв. км и протянувшихся цепочкой с запада на восток (Miller Bryan K, 2008, с. 301–306; Коновалов, 2010; Баярсайхан, 2008).

В 2008–2010 годах был изготовлен фоновый чертеж некрополя простых хуннов на территории дельты Шомбууз в сомоне Мунххайрхан Ховдосского аймака, где были исследованы 15 курганов. В полевых работах, продолжавшихся два года, приняли участие доктор Б. Миллер из Университета Пенсильвании, научный сотрудник Монгольского Национального Музея Ж. Баярсайхан, исследователь хуннов из Бурятии П.Б. Коновалов (Фонд ЦКН. Монгол-Амеркйин хамтарсан “Дорнод, с. 142). Исследованные курганы имели кольцеобразные насыпи с углублением в центре. Большой курган имел диаметр 9,5 м, малый – 0,7 м. Диаметр большинства насыпей 4–5 м. В результате археологических раскопок 15 курганов в 7 были обнаружены деревянные гробы, в 8 – каменные ящики. Каменные ящики – это установленные на ребро каменные плиты, перекрытые плитой сверху. В редких случаях дно ям подстилалось деревом или сверху покрывалось камнями. Полученный материал позволил разделить деревянные гробы по их конструктивным особенностям на 3 группы: 1 – гроб из досок; 2 – гроб из длинных жердей; 3 – гроб в виде деревянной клетки (Баярсайхан, 2011, с. 143–151). Погребальный обряд в Монголии и Забайкалье аналогичны, что показали материалы археологических раскопок. Умершие укладывались в могильные ямы на спину, головой на север, иногда с незначительным отклонением на северо-восток. Погребальная посуда с пищей устанавливалась над головой умершего или снаружи гроба на подставках. В некоторых погребениях были отмечены нехарактерные признаки, среди костей животных, обнаруженных в погребениях, не было крупного рогатого скота. Только в 20 погребениях было отмечено большое количество костей животных. В некрополе дельты Шомбууз было найдено необычное захоронение – в могиле кургана № 20 была погребена женщина 20 лет вместе с новорожденным ребенком. Женский скелет был ориентирован головой на северо-восток, а ребенок – на восток. В кургане № 1 были найдены осколки двух разных зеркал, в курганах № 29 и № 36 были

найжены остатки скелетов детей, лица которых были обмотаны шелком, в кургане № 36 умерший ребенок был замотан в шкуру животного, в кургане № 29 подросток был погребен в одежде. Из 35 исследованных курганов, в северной части пяти памятников были обнаружены каменные конструкции. В результате археологических исследований в 5 погребениях были найдены маленькие деревянные части лука, накладки на лук из кости, обломки стрел, бронзовые и костяные наконечники стрел; в 2 погребениях были найдены копья; в 4 погребениях – обломки железных ножей. Предметов конской упряжи было найдено незначительное количество, только удила и костяные кольца от узды. В 5 погребениях были найдены: железная узда, уздечные кольца и в одном погребении найдены уздечные кольца из кости. В собранной коллекции большое количество предметов из кости. В 5 погребениях найдены парные палочки из кости для еды; в 4 погребениях шпильки для волос из кости. В одном погребении был найден тонкий железный проржавевший предмет, похожий на иголку в футляре из кости мелкого скота. В курганах найдено большое количество железных предметов – пряжки железных поясов, железная пряжка от кожаного ремня железное украшение в виде солнца и луны. В кургане № 7 после расчистки заполнения бронзового котла найдены 7 позвончиков мелкого скота, в берестяной посуде были найдены 3 позвонка мелкого скота, в левой части гроба были обнаружены голова, позвончик, ребра и конечности животного как символ целой туши. Был найден бронзовый колокольчик с каменным язычком, осколки зеркала с рельефным орнаментом, осколки зеркала с рельефным орнаментом, украшение в виде солнца и луны, изготовленное из тонкой золотой пластины, украшение из золотой пластины, остатки бересты, берестяная посуда для погребальной еды, пряжка берестового пояса. Найденные в курганах № 7 и № 19 фрагменты шейки и дна керамической посуды, позволяют восстановить форму сосудов. Найденные в курганах № 8 и № 29, целые вазы были сдвинуты с первоначального места. В кургане № 7 найдена деревянная ложка, ложка, покрытая краской, неопределимый предмет. В кургане № 9 была найдена верхняя одежда из войлока, безрукавка из кожи косули, шелковое белье и штаны. Было

найденно множество бусин различной формы, размера и оформления. В материалах из 11 курганов собрана коллекция из более 100 бусин, среди которых бусины из стекла, различных пород камня, глины, фаянса; желтого, оранжевого, темного, белого, коричневого цветов, а также с внутренней и внешней позолотой. Также интересно, что из исследованных 15 курганов в 8 были детские погребения. Из 3 погребений были взяты пробы грунта и дерева и отправлены в ФРГ, для датировки памятников. Полученные результаты – (51 г. до н.э.–18 г. н.э.; 50 г. до н.э.–3 г. н.э.; 133–213 гг. н.э.) (Баярсайхан, 2011, с. 152–157).

В 2007 году отрядом МГИМ был раскопан 1 курган в пади Нарийны-ам района Сонгино-хайрхан. Местность Нарийны ам находится в 73 км к северо-западу от Уланбаатора. Курганы были обнаружены осенью 2006 года гражданином страны Б. Энх-Амгаланом, копавшим подвал, который сообщил о находке. В мае 2007 года для обследования были направлены сотрудники Ц. Одбаатар, Ж. Баярсайхан и Ц. Аюуш. Ими были обнаружены 36 курганных насыпей хуннских курганов округлой формы, с большим содержанием камней, диаметром от 1,8 до 9 м. В центре насыпей фиксировались впадины (Одбаатар, 2007, с. 104–105).

Кроме того с 2007 по 2010 год Монголо-Американская экспедиция обнаружила 39 курганов в урочище Байшин узуур в сомоне Дарви Ховдосского аймака, 19 курганов в урочище Долоот в сомоне и Манхан и 47 курганов в трех сакральных местах. Если включить 33 кургана, обнаруженных ранее в дельте Шомууз, то всего было нанесено на сводный план 138 хуннских курганов в Ховдосском аймаке.

В 2009 году Тумен и студенты факультета Археологии и Антропологии МоГУ производили раскопки 3 погребений вблизи Холбоо толгой в сомоне Булган Дорнодского аймака во время исследования в восточных аймаках в рамках проекта «Восточная Монголия». Раскопки погребения № 1 продолжались до глубины 110 см, обнаружены были только фрагменты керамики. В погребение № 2, на глубине 30 см была зафиксирована верхняя часть небольшого каменного сруба, внутри которого найдены череп подростка, железный наконечник, часть

лакированного изделия и целая черная ваза установленная справа от головы погребенного. Погребение № 3 выделялось по многочисленным камням в насыпи, на глубине 110 см в срубе был обнаружен плохо сохранившийся скелет ребенка, фрагменты лакированного изделия, два каменных кулона. В изголовье погребенного, справа был найден череп овцы (Тумэн, 2009, с. 30–31). Сообщения об исследовании этих памятников поступили от специалиста по культурному наследию Б. Даваацэрэна.

В рамках организации практики студентов Монгольского государственного университета в 2009 году У. Эрдэнэбат проводил раскопки 2 хуннских погребений на горе Угуумур в сомоне Сант Сэлэнгийского аймака и 1 хуннского кургана в местности Аргалийн энгэр в сомоне Лун, Центрального аймака. Несмотря на то, что погребения на горе Угуумур были разграблены в древности, удалось проследить, что умерших укладывали головами на юго-восток, обнаружены фрагменты бронзового зеркала, целые вазы, части лакированных деревянных изделий (РФ КАА МоГУ. 2009 оны МУИС-ын).

В 2009 году археологическая экспедиция во главе с С. Улзийбаяром обнаружила хуннский могильник с более 30 курганами в урочище Салхитын ам в сомоне Рашаант Хувсугулского аймака. Работы проводились в рамках проекта «Северная Монголия» археолого-антропологической кафедрой МоГУ – было раскопано 3 хуннских кургана (Очир Б., 2012). Проект «Северная Монголия» был реализован в 2006–2010 годах (РФ КАА МоГУ. «Умард Монгол»).

В том же году в рамках Монголо-Корейского совместного проекта «Исследование и защита культурных наследий» исследовано 1 хуннское погребение в урочище Шаахар толгой в сомоне Чандмань Гоби-Алтайского аймака (Батболд, 2015а, с. 102). Был проведен генетический анализ костей скелета, определены пол и группа по линии матери. Погребенная женщина по гаплогруппе относится к группе U4a2, которая встречается на берегах Средиземного моря в Европе (Чу Эн Мин, 2013, с. 69). Кроме того изопотный анализ костей скелета показал, что значение $\delta^{15}\text{N}$ было высоким, что объясняется

обильной белковой пищей (мясо дикого барана, козла и оленя) (Кан Су Ён, 2013, с. 80).

В 2009 году Ц. Турбат обнаружил печати и штампы хуннского периода на скалах в урочищах Харгайтын бэлчир и каньоне Дунд Жаргалант в сомоне Уенч Ховдского аймака. Был проведен сравнительный анализ с другими памятниками, материалы были опубликованы (Турбат, 2012, с. 136–161).

В 2009 году Монголо-Российская и совместная международная Центрально-Азиатская экспедиция под руководством Д. Эрдэнэбаатараин и А.А. Ковалева провела раскопки укрепленного поселения времени хань Баян-булаг в Номгон сомоне Южнобийского аймака Монголии. При раскопках были обнаружены фрагменты глиняных сосудов и черепицы, железные орудия труда, предметы вооружения, предметы конской упряжи, фрагменты одежды, предметы с надписями. На дне ям были зачищены фрагментированные скелеты взрослых, которые были условно обозначены как 20 скелетов и 33 фрагмента скелетов (Kovalev, 2010, с. 27–63).

С августа по сентябрь 2010 года Центрально-Азиатская археологическая экспедиция, организованная Международной ассоциацией монголоведения совместно с Санкт-Петербургским музеем-институтом семьи Рерихов, Улаанбаторским университетом и Институтом истории МАН открыла 2 новых могильника Хунну на территории сомона Булган Ховдосского аймака Монголии. Некрополи расположены на северном берегу реки Булган гол. Они являются самыми западными из открытых могильников Хунну. Кроме этих памятников, восточнее, на северном краю поймы реки Булган гол были найдены еще 3 насыпи, занесенные песком. Могильник в урочище Хух удзуурийн дугуй III был открыт Т. Идэрхангаем. Он насчитывает не менее 20 рядовых погребений хуннов, находится в лощине, закрытой со всех сторон склонами гор.

Могильник в Хух удзуурийн дугуй II был открыт А.А. Ковалевым. Он включает, цепочку из 5 курганов, протянувшуюся с северо-запада на юго-восток вдоль края поймы реки Булган гол. В этой цепочке выделяется курган № 3, имеющий подквадратную форму насыпи и не менее 12 м в поперечнике, с южной

стороны его просматривается «вход» (вероятно, здесь был устроен дромос). Соседние с этим памятником курганы были раскопаны (Ковалев, 2010). Экспедиция по археологическому исследованию Центральной Азии имела основную задачу – изучение памятников эпохи бронзы. Раскапывая обнаруженные курганы участники экспедиции были уверены, что начали раскопки курганов, относящихся к афанасьевской культуре.

В 2010 году при проведении разведочных обследований археологический отряд УБГУ зарегистрировал 1335 курганных насыпи на 23 территориях Батцэнгэл сомона в Архангайском аймаке. Из них 391 курганная насыпь в 17 местностях, была обнаружена впервые (Идэрхангай, 2012). Летом 2010 года группа проекта «Восточная Монголия» факультета археологии и антропологии МоГУ сделала регистрацию и описание 156 памятников хуннского периода в урочище Энгэрийн бууц на горе Дэлгэрхаан Сухбаатарского аймака. Кроме того было отмечено, что 2 хуннских погребения в урочище Халх хошуу в сомоне Тувшинширээ Сухбаатарского аймака (Тумэн, 2010, с. 169, 212).

В 2010–2011 годах члены проекта Мон-Сол произвели раскопки погребения аристократа с дромосом и 11 малых курганов в урочище Дуурлиг нарс. Большой курган диаметром 55,5 м, на глубине 15 м были обнаружены керамические изделия, бронзовый подсвечник, лакированная деревянная чашка, золотые украшения гроба, фрагменты яшмовых изделий, стеклянные и драгоценные кулоны, заколка для волос, кости животных, конская упряжь и остатки вязаных изделий. В восточном и южном сопровождающих погребениях были обнаружены фрагменты керамики, конская упряжь, фрагменты лакированных изделий и бронзового зеркала, стеклянные и драгоценные кулоны, железный котел, яшмовое кольцо и др. В одном из погребений на запад от большого кургана были найдены скелеты 2 лошадей. Многочисленные анализы были проведены в лаборатории Сэулского национального университета (Корея). Исследованные памятники были датированы I в. н.э. (Дуурлиг, 2015).

3.4. Анализ материалов из раскопок памятников хунну начала 2000-х годов и некоторые точки зрения на реконструкцию историко-культурных процессов. С 2007 по 2011 год Д. Цэвээндоржем были опубликованы доклады и статьи с обзором археологических исследований по Хунну в Монголии и за рубежом. Было отмечено: «открыто около 600 погребений в 7 погребальных памятниках Монголии, которые включают в себя и погребения в больших курганах, также были обнаружены около 4000 малых погребений и развалины 13 городищ в 60 урочищах» (Цэвээндорж, 2011а, с. 43). Ученый отметил, что определяется датировка памятников, благодаря детальному лабораторному анализу (Цэвээндорж, 2009).

С 2000 года археологические исследования Хунну в Монголии активизируются, организуются многочисленные совместные археологические экспедиции с иностранными специалистами из 10 стран мира, активизируются исследования отечественных археологов, публикуются новые материалы монгольскими учеными – С. Улзийбаяром, Ч. Ероол-Эрдэнэ, Г. Эрэгзэном и многими другими.

З. Батсайхан в своем произведении «Хунну» в 2002 году рассмотрел проблемы генезиса, культуры, хозяйства и общественного устройства общества хуннов, основываясь на материалы археологических исследований хуннских погребений.

Кроме того в 2002 году российский учёный Н.Н. Крадин в своем произведении «Империя Хунну» рассмотрел общество, экономическую организацию, структуру государства и политическую систему хуннов.

В 2003 году Н. Ишжамц написал часть о Хунну в пятитомной «Истории Монголии». Ц. Турбат опубликовал книгу «Погребение простых хуннов» в 2003 году. Находки из более 100 погребений в долине реки Эг стали основой этого исследования. Турбат считал погребальный обряд хунну системой определенных признаков, включающих структуру и состояние некрополя, конструктивные особенности могильных ям, ориентировку погребенного, виды животных – подношения умершим, предметы, представляющие потусторонний мир, остатки

подношений, возобновление погребального ритуала и ритуала погребальных подношений. Ц. Турбат тщательно проработал и обобщил всю информацию о более 70 могильниках и 174 погребениях, найденных на территории Монголии. Опубликованный материал является ценным источником для будущих исследований.

Кроме того в 2005 году на основе письменных источников П. Дэлгэржаргал написал монографию «Генезис монголов» в которой были затронуты проблемы истории Хунну.

На основе археологических исследований в долине реки Эг У. Ханичёрч и Ч. Амартүвшин опубликовали книгу «Археологические исследования по государственной структуре древних кочевников» в 2006 году. Данная публикация стала новым словом в истории исследований хуннов, так как в ней впервые была сделана попытка показать общественный строй Хунну, изучив большое количество археологических памятников в одной местности, проводя комплексное детальное разведочное обследование одного района, выделяя хуннский период и сравнивая археологические памятники кочевников предыдущих и последующих периодов.

В 2008 году Д. Цэвээндорж неоднократно выступил с докладами об успехах археологических исследований в Монголии и за рубежом. Он писал: «Сотрудничество с зарубежными научными организациями и учёными дали возможность представить монгольскую археологию на международном уровне, монгольские ученые получили возможность обучаться и практиковаться за рубежом и публиковаться в известных профессиональных журналах. Большое значение имеет датирование памятников, обнаруженных во время совместных исследований и экспедиций в зарубежных лабораториях» (Цэвээндорж, 2008, с. 84).

В 2002 году в 2 погребениях из 7 в урочище Эмээл толгой и в 5 погребениях из 16 в урочище Тамирын Улаан хошуу были обнаружены захоронения европеоидов. На основе этих антропологических материалов и информации из

письменных источников погребенные в урочищах Тамирын Улаан хошуу, Эмээл толгой и Наймаа толгой были усунями (Батсайхан, 2002а, с. 31–35).

С 2000 года Д. Тумэн вместе со студентами продолжили антропологические сборы и исследования. В 2002 году вышла совместная статья о особенностях строения кожи хуннов. Ученый отмечает: «Как показывают предыдущие антропологические исследования Хунну, они были гомогенными по антропологической структуре, имели монголоидный тип в Северной Азии». Однако 14 образцов из раскопок 1995–2002 годов, обнаруженные в аймаках Архангай, Хэнтий и Сухбаатар имеют некоторые антропологические особенности. Вышеупомянутые находки имеют признаки, характерные для монголоидов и для европеоидов. Результаты этих сравнений показывают, что население Хунну было гетерогенным. Однако необходимо дальнейшее изучение этой проблемы» (Тумэн, 2002, с. 39–54). Первоначальное предположение считать основное население Хунну гомогенным в 2002 году исследователь в результате анализов новых материалов считает ошибочным. Естественно, что Хуннская держава состояла из разных племен и родов, однако ядро населения хуннской державы было представлено монголоидами. В 2006 году Д. Тумэн обработал результаты антропологических находок (333 ед.), которые относились к неолиту, бронзовому, раннему железному и средним векам и к хуннскому периоду. Были определены особенности древнего монгольского кочевника. Хунну мужчина имел рост в среднем 166,63 см, вес 67,28 кг, женщина – рост 155,15 см и вес 49,13 кг. В.П. Алексеев, В.В. Бунак и К. Пирсон определили основные параметры тела (рост, вес, длина туловища, длина ног, длина рук и ширина плеч). При многоуровневом кластерном анализе структуры тела человека в разные периоды истории мужчины эпохи неолита, раннего железного века и хуннского времени в западно-восточных районах Монголии входят в один субкластер. А что касается женщин, то современные монголки и монголки другого времени истории имеют только некоторое сходство (Тумэн, 2006).

В 2011 году на конференции «Вопросы о Хуннской истории и культуре», были обсуждены антропологические особенности и генетика хуннов. Сборник

докладов этой конференции был опубликован. В исследованиях были рассмотрены краниологические, антропологические и молекулярно-антропологические результаты 79 находок из раскопок хуннских погребений в 17 местах. Эти 17 урочищ охватывают всю территорию Монголии. Участники конференции проводили краниометрический учёт, разработанный Мартином на международном уровне и определяли физико-антропологические особенности Хунну. В результате анализов антропологических типов из памятников, обнаруженных в одном районе, погребенные были монголоидами, европеоидами или представляли смешанный тип. Эта особенность наблюдалась во всех районах страны, что доказывает гетерогенность хуннского населения. Хунну Западной и Восточной Монголии были смешанным типом, а хунны Центральной Монголии были представлены в основном монголоидами (Түмэн, 2011а). Это означает, что в состав Хунну входили и индоевропейские кочевники. Анализы ДНК, взятые из 62 погребений могильника в урочище Бурхан толгой в долине реки Эг, представляют существование генезисной связи между населением в период Хунну и населением современной Монголии (Crubézy, 2002, с. 44). На основе DNA-анализа находки, обнаруженные в погребении в урочище Дуурлиг нарс, в сомоне Баян-Адарга Хэнтэйского аймака, исследователи из Кореи и других стран считают, что существование индоевропейского гена среди хуннов на северо-востоке Монголии связано со скифами, которые жили в Зайбайкалье (Kijeong Kim, 2010).

Д. Түмэн обобщил все предыдущие DNA-анализы и сделал следующие выводы: «Распространение гаплогруппы, которая унаследуется по линии матери в разных районах неодинаковое. У хуннов Западной Монголии 6 гаплогрупп как В, D, D4a, G, N и R, у хуннов Центральной Монголии 11 гаплогрупп как D, D4a, D5, G, M, M9, N и R. Из них с, D, D4 и G не встречаются в других местах. У хуннов Восточной Монголии встречаются 4 гаплогруппы D, D4 и G. Следовательно, у хуннов Западной Монголии часто встречаются гаплогруппы Европы и Западной Азии N и R, а гаплогруппы Восточной Азии и Сибири с, D, D4, G часто встречается у хуннов Восточной Монголии» (Түмэн, 2011б), обнаруженных в погребениях в урочищах Тамирын улаан хошуу, Эмээл толгой и Наймаа толгой

Архангайского аймака. З. Батсайхан считал последних хуннами усуньского происхождения (Батсайхан, 2002а, с. 31–35). На основе результатов прежних антропологических краниологических измерений Ц. Турбат игнорировал проживание усуней в Центральной Монголии (Турбат, 2003, с. 13). Н. Ишжамц писал: «Цивилизация хунну формировалась на традициях культуры с орудиями труда эпохи бронзы, с плиточными могилами и оленными камнями прежнего периода и развивалась далее, что отразилось в материальной и духовной культуре хунну» (Монгол, 2003, с. 241). Ученый предполагал, что границы распространения державы Хунну находились в прямой зависимости от Ордоса.

З. Батсайхан считал, что кости крупного и мелкого рогатого скота в погребениях хунну символизируют помещение целых и живых животных в погребальных подношениях, «по символике они изображают живой скот, что имеет аналогии с обычаем помещать крестец животного в определенное место на свадьбе и других пирах в Монголии» (Батсайхан, 2002а, с. 219). «Изображения небесных тел – солнца и луны из металла и размещение их снаружи гроба, а также бронзовые или железные солнце и луна в хуннских погребениях говорят о культах небесных тел у монголов. Погребение умершего без головы, как уникальный хуннский погребальный обычай, вероятно, связано с представлениями монголов о нахождении духа в голове (Батсайхан, 2002а, с. 211–215). Тема исследования религиозных представлений древних хунну сегодня является отдельным направлением изучения материальной и духовной культуры древнего населения Монголии.

Д. Эрдэнэбаатар связывает генезис материальной и духовной культуры хунну с культурами памятников «оленных камней» и киргусуров как наиболее распространенных в бронзовом веке на территории Монголии. Ученый подчеркивает, что в следующие временные периоды погребальные обряды, берущие начало с погребений «оленных камней» и киргусуров – «в результате археологических исследований было установлено, что монголы использовали гробы в средние века, как и при хунну и сяньбийцах. Предки монголов в большинстве случаев делали срубы, плиточные срубы, или стены из тонких

плоских камней, а также деревянный гроб, или рубленый склеп для погребения умершего» (Эрт, 2006, с. 143).

Ц. Турбат придерживается концепции формирования хуннской культуры на основе культуры «плиточных могил»: «на основе определенных археологических примеров эта концепция является в большей степени убедительной и соответствует общей закономерности развития истории и культуры Центральной Азии» (Турбат, 2004, с. 94). Ц. Турбат подчеркнул, что погребальный обряд и ориентировка погребенных в «плиточных могилах» и в некрополях хунну, одинаковы, что еще раз доказывает их генетическую связь (Турбат, 2004, с. 99).

Ц. Турбат также установил сходство погребального обряда в хуннских погребениях с обрядом в плиточных могилах и в монгольских погребениях более позднего времени. Выбор места захоронения, погребальные конструкции, виды животных в подношениях, расположение костей животных в могильных ямах, погребальный инвентарь, ориентировка погребенного и «обычай привязывать коня к коновязи «сэргэ» в основном одинаковы у хуннов и монголов» (Турбат, 2004, с. 103).

В историографических исследованиях последних десятилетий есть и такая точка зрения – «во внешней Монголии осталось 100 тыс. семей или 500–600 тыс. северных хунну, а 100 тыс. откочевали на запад и большинство из них прошли через Кангюй и территории других тюркоязычных племен, пришли на родину угрозязычных племен на реках Урал, Волга и на Дон и жили там в течение 200 лет, ассимилировались в языке и культуре с местным населением. В результате появились большие племена и роды Гуннов, восходящих к Хунну и с доминирующим населением из тюрок и угров» (Монгол, 2003, с. 222). Как видно из этих заключений, идея о том, что после распада державы Хунну некоторые племена хунну откочевали на запад, где создали государство, стала общепринятой.

З. Батсайхан считает изменения в погребальном обряде сарматов «совпадают со временем дальней откочевки хунну, что является неслучайным» (Батсайхан, 2002а, с. 190) и делает вывод о существовании Северных Хунну до

середины II в. н.э., ибо «информация об объединении 100 тыс. хуннских семей в Сяньби является очень сомнительной» (Батсайхан, 2002а, с. 229). З. Батсайхан отмечает, что основная масса хуннского населения осталась на родине и участвовала в последующих событиях. Рассматривая место появления культуры хунну, П. Дэлгэржаргал считает, что вероятность связей «Ордосской культуры» с хуннской больше, а также с культурой древних кочевников сяцзядяня и северо-восточного Китая, с культурой дунху. Таким образом, синтез культуры древних хунну восходит к местности Ордос или территории распространения «Ордосской культуры» в эпоху бронзы с особой культурой древних кочевников Северного Китая, с культурой «плиточных могил» и культурой киргисуров привел к формированию единой хуннской культуры и империи Хунну (Дэлгэржаргал, 2005б, с. 38).

Г. Эрэгзэн сравнивал хуннское погребение с Наннанским погребением на севере Кореи с погребением Шилы на юге Корейского полуострова, с погребением в государстве Хань и погребением Пазырык приходит к выводу, что часть захоронений похожи на пазырыкинскую культуру, форма и размер ямы как у погребений из государства Хань, однако общий вид отличается, следовательно, структура погребений хуннских аристократов создавалась на основе местных традиций под внешним влиянием (Эрэгзэн, 2010а).

Ж. Баярсайхан и другие считают обгорелые кости и обломки углей, обнаруженные при раскопках сакрального сооружения, наряду с раскопками 1 большого и 7 сопровождающих погребений Хунну аналогичны находкам при раскопках киргисуров и сакральных сооружений оленных камней, что подтверждает их генетическую связь (Баярсайхан, 2008).

Результат анализа DNA антропологических находок из урочища Бурхан толгой в бассейне реки Эг, сделанного Кристиной и Кейсером показывает, что ген от линии отца, обнаруженного в погребениях 6 и 7, которые не вошли в секторы А и В сохранился у некоторых тюрок. На основе этого они делают вывод, что предками тюрок являются хунны (Christine, 2003, с. 73).

Ц. Эгиймаа выражала свое мнение о графике Хунну, сравнивая фигуру, нанесенную острым предметом на берестяном колчане, найденном в погребении в урочище Чандмань уул, фигуру экипажа на бересте, обнаруженной в погребении в долине реки Эг, рисунок на кости, обнаруженной в погребении в урочище Морин толгой и лицо человека, нарисованного на вазе, найденной в погребении в урочище Салхит. Одним из видов изобразительного искусства являются находки со следами в виде «граффити», такие изделия из кости, бересты, глины и металла часто находят в коллекциях, полученных при исследовании хуннских памятников. Ц. Эгиймаа считает, что этот вид искусства «использовался и развивался в виде прикладно-декоративного, для украшения бытовых изделий хунну в соответствии с кочевым образом жизни» (Эгиймаа, 2003). Материалов по распространению декоративно-прикладного искусства в среде хуннского общества кроме статьи Ц. Эгиймаа не известно, поэтому эта тема нуждается в продолжение исследований.

В исследованных поселениях хуннского времени в Забайкалье были обнаружены следы выплавки и обработки металла. На основе всесторонних анализов форм и технологии изготовления металлических изделий исследователи приходят к выводу: «хунны могли делать металлические изделия и оружие, умели их закалять, фиксировать и пытались изготавливать нержавеющие виды. Многочисленные металлические изделия обнаруживаются в Халхе, в Бурятии и во Внутренней Монголии» (Монгол, 2006, с. 232).

Ремесла – шитье и вязание, выполняемые на высочайшем уровне, производились в рамках семейного производства и удовлетворяли потребности населения. «Семейное производство одежды, украшенной шкурами животных ценных пород – бобра, норки и выдры; вязаные изделия из тонкой пряжи из шерсти верблюда и барана были широко распространены в хуннском обществе» (Монгол, 2006, с. 312).

Важнейшими исследованиями, которые подтвердили утверждение о местном производстве глиняной посуды в хуннском обществе стали экспериментальные работы, проведенные близ реки Эг Монголо-Американской

экспедицией. Изготовленные и обожженные по древним технологиям керамические изделия оказались аналогичными по составу теста древним сосудам. Это стало еще одним доказательством того, что в долине реки Эг хуннское население самостоятельно изготавливало глиняную посуду (Ханичёрч, 2007, с. 173). Однако отсутствие фактов, доказывающих существование печи для обжига, является свидетельством производства керамических изделий в отдельных семьях. В поселениях и зимовках у реки Эг была обнаружена керамика Сибирского происхождения, сделанная из Сибирско-Дурэнской и Иволго-Эгинской глины, несмотря на большие расстояния. Эти находки свидетельствуют об тесных взаимоотношениях между ними.

Н.Н. Крадин считает, новые и новейшие исторические цифровые и этнические данные можно использовать для восстановления экономической, демографической и политической структур кочевников, которые жили в данном регионе в древние времена и в средние века (Крадин, 2001, с. 65). Основным животным в хуннском стаде были кони, 50–60% составляли овцы, 15–20 % – лошади и крупный рогатый скот, и незначительный процент – козы и верблюды (Крадин, 2001, с. 71). З. Батсайхан считает, что кочевое скотоводство перестало удовлетворять увеличивающиеся потребности хуннского общества, в результате чего появились города и оседлые поселения и приводит результаты археологических исследований: «в бассейнах рек Хэрлэн, Орхон и Сэлэнгэ были построены несколько городов и укрепленных поселений и жители поселений стали заниматься земледелием» (Батсайхан, 2002а, с. 195). Примером могут служить также традиционные занятия монголов пахотой в долинах рек с давних времен.

З. Батсайхан анализируя железное изделие, похожее на верхнюю часть стремени, обнаруженного в погребении № 2 на горе Дэлгэрхаан Сухбаатарского аймака, представляет материал, который призывает к пересмотру представлений о происхождении стремян (Батсайхан, 2002а, с. 94–95). Мнение Г. Сухбаатара о появлении первых железных стремян у хунну монгольские исследователи в большинстве случаев поддерживают.

В вопросе о рабах необходимо заново проанализировать все археологические находки, обнаруженные с погребенными в необычной позе и в погребениях с нехарактерными конструкциями. В кургане № 90 в Бурхан толгой была погребена женщина вниз животом, при этом ее голова была отрублена и установлена у ног (Турбат, 2004, с. 49). Таких примеров можно привести много, основываясь на археологических материалах Монголии и Забайкалья. Таким образом, случаи рабства в обществе Хунну случались на основе реальной экономической потребности, что подтверждается фактами. Приходится пересмотреть стереотип о том, что «при кочевом образе жизни как в хуннском обществе нет экономической основы использования рабского труда. Рабский труд использовался только в рамках семьи» (Батсайхан, 2002а, с. 209). Необходимо тщательно проработать вопрос о потребности в рабском труде в обществе Хунну, так как у них был слой из земледельцев и ремесленников с оседлым образом жизни. Об общественном слое, занимавшемся земледелием, было написано: «не одни китайцы пахали землю в Хунну, нет о том, что хунну сами не могли высаживать зерна. Часть хуннского населения научилась выращивать зерно в хангайских районах, в степи, у рек и озер» (Монгол, 2003, с. 231). Хотя на земледелие, которое реально существовало у Хунну «было влияние оседлого южного соседа, культура земледелия у кочевников восходит к периоду неолита как показывают результаты многочисленных исследований» (Батсайхан, 2002а, с. 193).

Ц. Турбат и другие проводили раскопки в поселении Бороо, обнаружили его сходство с Иволгинским поселением по структуре и организации пространства и сделали вывод, что хуннские жители имели схожие методы создания поселений. Следовательно в хуннском обществе оседлость была распространенной и хорошо организованной (Турбат, 2008). Л. Эрдэнэболд выдвинул гипотезу о том, что объект раскопок в Тэрэжлжийн Дурвулжин либо сакральный объект или имеет сезонный характер, в нем жители не находились долгое время (Эрдэнэболд, 2008, с. 362 З. Батсайхан 375).

Во всех публикациях монгольской историографии есть заключение – «классическое скотоводство было сформировано при Хунну и модернизировалось до наших дней» (Монгол, 2006, с. 292). Подтверждая классическое кочевое скотоводство у монголов, анализируя материалы археологических исследований, Ц. Турбат приходит к выводу «в то время (Хунну) сбруя для упряжи лошадей сформировалась в основном, то есть нашла свой дизайн, о котором мы – нынешние монголы знаем» (Турбат, 2004, с. 64).

После распада державы Хунну оседлый образ жизни и строительство городов и укрепленных поселений у кочевников почти прекратилось, было прекращено производство некоторых продуктов широкого потребления. Например, до сих пор в курганах монголов позднего времени не найдено керамических ваз, «сделанных в Монголии». Это доказывает, что гончарство могло развиваться только в обществе с оседлым образом жизни, что объясняет и строительство многочисленных крепостей и укрепленных поселений в обществе Хунну. По мере перехода скотоводства в его классическую форму, другие виды хозяйственной деятельности, требующие оседлого образа жизни, приходят в упадок. Гончарная посуда выходит из широкого потребления, вместо нее стали пользоваться деревянной посудой, кожаными мешками и чугунными котлами, которые не разбивались при длительных перекочевках. Кроме того, в соответствии с кочевым образом жизни потребность в пищевой базе стала ограничиваться продуктами животноводства – мясом, молочными продуктами, некоторыми растениями и ягодами. Стали широко использовать продукты животноводства в изготовлении одежды и обуви, используя также кожи и шкуры диких зверей. Продукция земледелия при классическом скотоводческом хозяйстве перестает играть решающую роль в жизни населения.

С. Улзийбаяр проводил исследования по хозяйству древних кочевников и при этом выдвинул интересную новую идею о взаимосвязи оседлого образа жизни Хунну и скотоводства. Он рассмотрел оседлую жизнь и состояние хозяйственной жизни хуннов на новом уровне: «в кочевых обществах после Хунну наблюдается закономерность убавления роли и значения других отраслей

хозяйства по мере увеличения количества сырья и продуктов скотоводства в процессе развития кочевого скотоводства (Эрт, 2006, с. 43)». «Скотоводство кочевников Монголии, которое исследователи считают классическим, можно разделить на: а) скотоводство типа Хунну, в котором оно сочетается с видами хозяйственной деятельности, соответствующими оседлому образу жизни (скотоводческий тип ведения хозяйства в Хунну, Уйгуре и Кидане); б) скотоводство, в котором все отрасли хозяйства соответствуют кочевой культуре». Обе формы скотоводства удовлетворяли потребности населения, и поэтому такой вид ведения хозяйства получил определение – «классическое скотоводство».

Б. Батсурэн нарисовал шесть разных географических карт хуннской державы «III в. до н.э.–209 г. н.э.; 209 г. до н.э.–177 г. н.э.; 128–176 г. н.э.; 127 г. до н.э.–58 г. н.э.; 48–58 г. н.э., 48–93 (158) г. н.э.» в прямой зависимости от расцвета и увядания государства. Он сделал заключение, что размер территории Хунну при Маодуне шаньюе совпадает с определением Ц. Доржсурэна (Батсурэн, 2003, с. 22–28).

В своих исследованиях З. Батсайхан определяет критерии, по которым характеризуют хуннское общество (III в. до н.э.–II в. н.э.) как раннее государство: «при Хунну появилось раннее государство как необыкновенный центр культуры и цивилизации» (Батсайхан, 2002а, с. 210), это государство стало моделью, которая передавалась кочевникам следующих поколений.

Изучив керамические изделия из хуннских погребений в урочище Бага-газрын-чулуу, Ч. Амартувшин и другие сделали вывод, что в основном они аналогичны керамическим изделиям из других погребений, однако наблюдаются особенности местного характера. Венчик у керамических сосудов в этих погребениях более открытый, чем у других керамических сосудов и шейка шире и короче, чем у керамики из других погребений в других урочищах. Такая керамика была обнаружена в поселении Бороо в 200 км от этого урочища. Это доказывает то, что хуннские племена и роды имели торговые и хозяйственные отношения между собой (Амартувшин, 2012а). Множество погребений в поселении Бороо остались не исследованными до сих пор.

Диаметр насыпи хуннского погребения в урочище Морин толгой, исследование которого было произведено в 2000 году Монголо-Корейской совместной экспедицией, 14 м и погребение на глубине 5 м. Корейские учёные считали, что это погребение принадлежит хуннскому аристократу, так как оно имело двойное деревянное сооружение (Юнь Хёнвонь, 2002). Кроме того, на основе внешней структуры погребения в урочище Худгийн толгой Г. Рэгзэн считал, что заключение о том, что хуннское погребение имело круглую насыпь, которая по вине грабителей стала кольцеобразной, является сомнительным (Эрэгзэн, 2002, с. 123).

Г. Эрэгзэн и другие считают, что погребение № 2 не захоронение шаньюя, а является погребением аристократа, который занимал высокую позицию в хуннском обществе (Эрэгзэн, 2010в). Ученый отмечает, что захоронение аристократов Хунну на большой глубине объясняется ограблением ухуанами погребений. О таком грабеже было написано в источнике 76 г. до н.э. (Эрэгзэн, 2010б). Однако эта гипотеза не совсем корректна, так как ухуаны жили на восток и юго-восток от Хунну, а погребения на Алтае также в основном были грабленными.

Считая информацию о жизни простого скотовода в китайских источниках очень скупой, Н.Н. Крадин сравнивал эту информацию с информацией позднего времени. Он считал, что гипотетически можно предполагать, что многие важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта и, возможно, даже менталитета кочевников монгольских степей были детерминированы специфической экологией обитания подвижных скотоводов аридных зон и в своей основе мало изменились со времен глубокой древности вплоть до рубежа нового времени (Крадин, 2001, с. 161). Также он предполагал что, несмотря на почти полное отсутствие в китайских источниках сведений о простых номадах Хунну, по аналогии можно допустить, что их положение в общих чертах может быть схоже с положением непосредственных производителей в других кочевых обществах Евразии, не имевших в своем политическом подчинении крупных оседлых земледельческих территорий. Более подробная информация об основном

общественном «классе» хуннского общества может быть получена только после тщательного изучения многочисленных погребальных памятников рядового населения хунну на территории России, Монголии и Китая (Крадин, 2001, с. 165).

Косвенным свидетельством существования письменности у хуннов являются немногочисленные находки. Существует мнение, что знаки на таранных костях крупного скота, которые находят среди предметов в хуннских поселениях и в соседних таштыках, «были связаны с печатями племен как символов генезиса древних хуннов» (Эрдэнэбаатар, 2002). Также были попытки соединить их с письменностью Хунну «письменность у хуннов основывается на знаках и фигурах, восходящих к бронзовому веку (могут быть иероглифами, заимствованными у соседей, имевших письменную культуру, и обогащены позднее)» (Даваацэрэн, 2006).

Исследования погребальных конструкций эпохи Хунну в горах Ноён, исследование памятников близ Бага газрын чулуу, которые продолжаются с 2003 года, предоставили богатый материал для изучения внешних связей и отношений хуннской державы. В погребении в Ихэрийн ам, дата которого была установлена (140–380 гг. н.э.), были обнаружены подвеска с изображением «кукиш», которая «была изготовлена в Египте и привезена в Хунну через среднеазиатские страны», а также изображение бога «Бес» из камня. Впервые вещи иностранного происхождения находили только в погребениях хуннской знати. А эти находки были самыми первыми, которые обнаружили в погребении простого хунну и это «не было предметом внимания, или подарком, а распространенными предметами в среде Хунну, полученными в процессе торговли» (Хатанбаатар П., 2007).

З. Батсайхан упомянул о взаимном влиянии культуры Хунну и Хань «китайские орудия труда для пахоты (лопата, плуг и мотыга, зерна ячменя и пшеницы), некоторые бытовые предметы (ваза с дыркой на дне для варки риса), керамическая печь, светильники, которые были распространены в среде хуннского населения, многочисленные палочки для еды свидетельствуют о возможности распространения у Хунну блюд китайской кухни. Кроме того, лакированные чашки, шелк высокого качества, белое бронзовое зеркало, яшмовые

украшения и другие предметы роскоши из Китая нравились хуннам. Были найдены в двух погребениях каменные доски для написания, на которых остались следы черных китайских чернил как свидетельство влияния китайской письменности и культуры Хань на Хунну. Наряду с этим, «под влиянием кочевников китайские молодые люди близ границы были умелее в езде на коне и стрельбе из лука, чем молодежь в центре Китая. Следовательно, в Китае создали специальную военную часть из молодежи у границы». Кроме того, как полагал Батсайхан хунны имели долгие отношения с соседями на западе. Погребенные, обнаруженные в местностях Тамирын-улаан-хошуу, Худагийн-толгой и Наймаа-толгой, свидетельствуют о формировании полумонголоидов и полувевропеоидов здесь как результат долгих генетических отношений (Батсайхан, 2011, с. 304–305).

Тщательно сравнивая внешнюю и внутреннюю организацию погребений, том числе гроб, деревянный сруб, находки и сакральную часть погребения Шилы и Хунну поочередно, корейский исследователь Юн Хюн Вон отметил, что здесь взаимовлияние находок велико, чем внешняя и внутренняя организации погребения (Юн Хюн Вон, 2004).

Мнение Ц. Доржсурэна касательно фигуры лица на вязаном изделии из кургана № 25 было поддержано Г. Эрегзэном: «будет правильным считать изображение человека в хуннском погребении образом конкретного человека хуннского общества, чем объяснения его образом погребенного иностранца» (Рэгзэн, 2004).

Одной из идей такого объяснения ученого – портрет на текстиле в кургане № 25 – является одним из видов погребений в могилах с панно на стенах ямы. Такие погребения были широко распространены в Китае, Корее, Японии и других странах. Г. Эрегзэн отмечал, что «так как могильная яма в горах Ноён имеет сруб, на котором нет возможности нарисовать панно, единственным материалом, использование которого сэкономит время, был текстиль. Вероятно, вышивание на тканях ближе в жизни кочевников, чем рисование красками». Обнаружение в

хуннских курганах погребения с панно на стенах могильной ямы отмечает начало внедрения этой традиции у хуннской знати.

В 2006 году Н.В. Полосьмак проводила раскопки в могильнике Ноил-Ула. Хуннский аристократ был погребен по традициям эпохи Хань. В раскопках ее экспедиции участвовали китайские специалисты (Полосьмак, 2008а). Кроме того, она изучила, обнаруженный и отреставрированный ковер из погребения № 31 Ноин-Ула и считала, что он был сделан в нынешней Сирии или Палестине, а вышивка сделана в северо-западе Индии в индо-сакский период. На ковре зелеными нитями было вышито живописное описание зороастрийского ритуала как одной из форм Индии и Ирана, что в последствии стало ценной информацией (Полосьмак, 2008б). С.А. Яценко игнорировал этот вывод – это не похоже на одежду индоскифов, кроме того не совпадают и мелкие детали в ней. Он считал, что это является вышивкой юэчжей, которые жили в Бактрии в 120 г. до н.э. и подчеркивал, что вышивка с такой композицией еще не была распространена в Китае, Сирии и Палестине. А что касается фона вышивки, то эта материя была сделана в Китае, в Сирии, в Палестине или в Бактрии и этот вопрос остается спорным (Sergei A.Yatsenko, 2012).

Как считает исследователь из Кореи Кан Су Ён, гаплогруппа U4g2, фиксируется у жителей Европы и Средиземноморья также была установлена при проведении DNA анализа костей скелета из погребении Шаахар толгой, что еще раз иллюстрирует многочисленные связи населения Монголии с населением Кореи, древними государствами Азии и с западными государствами (Чу Эн Мин, 2013, с. 69).

Об антилопе на серебряном изделии, найденном в погребении в урочище Гол модон в сомоне Хайрхан Архангайского аймака Д. Цэвээндорж пишет, что описание в корне отличается от китайского и очень близко к описанию единорога европейцами средних веков (Tseveendorj, 2009, с. 39).

Г. Эрэгзэн сравнивая погребения хуннских аристократов с Пазырыкскими захоронениями на Алтае, китайскими Ханьскими захоронениями и Наннанским погребением в Корее, подчеркивает, что визуально хуннские отличаются. Форма

могильной ямы аналогична ямам Ханьских погребений, деревянные конструкции аналогичны пазырыкским, хотя подобные сооружения зафиксированы в древних хуннских погребениях в Ордосе (Эрэгзэн, 2010б). Сравнивая погребения хуннских аристократов с Наннанскими погребениями на северо-западе Кореи Г. Эрэгзэн выделял множество сходных признаков (Эрэгзэн, 2008). В 2008 году Д. Эрдэнбаатар выдвинул предположение, что внешняя организация и устройство погребений хуннских аристократов визуальны аналогичны погребениям аристократов государств Цинь и Хань (Эрдэнбаатар, 2008). Японский исследователь китайского происхождения Хуан Сяо-фэн сравнивая Ханьские погребения и культуру Хунну приходит к выводу, что имело место влияние ханьского погребального обряда на большие погребения Хунну. Однако необходимо дальнейшее детальное изучение общих и отличительных черт хуннских и ханьских погребений (Хуан Сяо-фэн, 2008).

До начала 2000 года в Монголии производились многочисленные локальные раскопки хуннских крепостей и поселений. С 2000 года начали проводить плановые многолетние исследования одного комплекса памятников с привлечением зарубежных специалистов и применением новейших достижений методов естественных наук. Большинство монгольских исследователей считало, что общество Хунну не обеспечивало себя ремесленной продукцией. Эта точка зрения не была неизменной в хуннской историографии и сегодня необходимо продолжать исследования оседлых комплексов.

На склонах небольшой Красной горы Тамирын улаан хошуу в сомоне Улзийт Архангайского аймака обнаружены развалины города, которые называются местным населением «хэрэм» (крепость) или «дорволжин (квадрат), внутри которых есть следы 3 зданий, которые были обнаружены Ц. Доржсурэном в 1956 году. Кроме того, в 2001 году в Тамирын Улаан хошуу обнаружили большой могильник с 280 курганами, а также 3 крепости в ряд неподалеку от могильника. Этот пример показывает, что укрепленные города и поселения, связанные с Хунну до сих пор не обнаружены или не произведено их детального обследования. При таком отставании в изучении оседлых памятников державы

Хунну рано давать заключение о том, что кочевники всегда испытывали недостаток в товарах оседлого хозяйства, особенно в продуктах земледелия.

С 2005 года начались широкомасштабные раскопки хуннских городищ и поселений. Многолетние исследования были проведены на 4 памятниках: Монголо-Швейцарской экспедицией во главе с Ц. Турбатом и Н. Пуса на поселении Бороо; Монголо-Российской экспедицией во главе с А. Очиром и С.В. Даниловым – в Тэрэлжийн Дурволжине; Монголо-Российской экспедицией во главе с Д. Эрдэнэбаатаром и А.А. Ковалевым – на развалинах крепости Баянбулаг.

3.5. Исследования памятников хуннов Монголии с 2011 года – до сегодняшнего дня. В 2010–2013 годах совместная группа исследователей из Национального института культурного наследия Кореи и Института истории и археологии Монголии провела разведочное обследование территории 18 сомонов Гоби-Алтайского аймака, в результате чего были обнаружены и зарегистрированы 4327 памятников (Батболд, 2015б, с. 344).

В 2011 году преподаватели и сотрудники археологической кафедры Уланбаторского государственного университета впервые проводили раскопки кургана хуннской аристократии в «Балгасан тал» в течение пяти месяцев и 29 из 30 курганов-спутников. В 28 курганах-спутниках были обнаружены человеческие скелеты, а в одном кургане был обнаружен скелет коня без головы и без сбруи. Несмотря на ограбление большинства курганов была найдена фарфоровая чаша с белыми полосами. В кургане аристократа зафиксированы многочисленные кости коней, овец и коз. Были также обнаружены сломанные и полусожженные детали 16–17 карет и телег четырех типов, что доказывают их детали, колеса, украшения зонтиков и золотые, серебряные и бронзовые украшения сбруи коней. Первое погребение было ограблено. Погребения в гробы были ограблены полностью. Вырваны даже узоры в виде цветков из золотых пластинок. Круглое зеркало из пестрой яшмы диаметром 23 см, толщиной 0,5 см и отверстием в центре, осталось целым благодаря тому, что оно приклеилось к доске гроба. Такая уникальная находка, была впервые найдена невредимой в истории археологического изучения

древностей Монголии. По радиоуглеродному анализу в лаборатории Аризонского университета США, дата захоронения была определена (186 г. до н.э.–3 г. н.э.). Внутри деревянной конструкции кургана первого погребения аристократа на левой стороне гроба были уложены золотые, серебряные и бронзовые украшения конской сбруи пары коней, детали кареты – чересседельники, шлеи, уздечки и подпруги. Также было найдено множество железных изделий, украшенных золотыми пластинками (Эрдэнэбаатар, 2015, с. 42). Раскопки большого кургана – погребения представителя хуннской знати стали возможными благодаря финансовой поддержке компании «Тумэн хишэгтэн», группы «Женко», члена парламента Х. Баттулга (президента Монголии), которые откликнулись на просьбу археолога – профессора из Улаанбаатарского университета Д. Эрдэнэбаатара. В погребении была найдена римская стеклянная чаша, а также множество предметов из золота, серебра и драгоценных камней.

В 2011 году исследовательская группа факультета Археологии и Антропологии МоГУ производила раскопки 3 хуннских погребений в урочище Энгэрийн бууц, на горе Дэлгэрхаан. Одно из них находилась в начале пади горы, другое в середине, а третье в конце. Погребения имели округлые каменные насыпи диаметром от 11 до 14 м. Остатки разграбленных погребений отмечались на глубине 110–190 см. При раскопках были обнаружены фрагменты керамики, остатки железного ножа, удила, трензели и железные изделия. Ориентировка погребенных в первом погребении северо-западная, во втором – северная и в третьем – северо-восточная. Первый умерший был в деревянном гробу внутри каменного сруба, второй – в каменном гробу и третий – в яме (Тумэн, 2011в).

Отрядом Л. Эрдэнэболда и сотрудников Монгольского государственного университета в 2011 году организованы работы по проекту «Историко-культурные памятники в долине реки Туул». В результате чего были раскопаны 2 кургана в урочище Мусунгийн хурэм в сомоне Дашинчилэн Булганского аймака, и предварительно установлено, что памятники относятся к бронзовому веку. Оба погребения были ограблены, найдены кости скелетов погребенных, фрагменты керамики и кольцеобразные бронзовые украшения. Анализ материалов

погребений с привлечением аналогичных материалов из хуннского погребения в Минусинской котловине (Савинов, 2009, с. 76, рис. 10), хуннского погребения в Дырестуйском могильнике (Миняев, 2007, с. 37, рис. 18) и хуннского погребения в Салхитын аме в сомоне Рашаант Хубсугульского аймака, позволили передатировать исследованные курганы хуннским временем.

В том же году были проведены раскопки 13 погребений хуннского могильника в урочище Элст-ар в сомоне Дашинчилэн Булганского аймака, составлены грамотная научная документация, топографические планы с привлечением современных технических средств. При раскопках было обнаружено изделие для разжигания огня, костяные накладки на луки, фрагменты глиняных сосудов, обломки бронзовых зеркал, разные костяные украшения, остатки железных предметов. Диаметры каменных насыпей над хуннскими погребениями в Элст-аре 5–9 м. Было отмечено значительное количество костей животных, сопровождающих захоронения людей (Лаборатори археологии МНТГУ. Булган; Лаборатори археологии МНТГУ. Булган аймгийн Дашинчилэн сумын нутаг Элст-Ар. Археологийн).

С 2011 по 2012 год экспедицией Института истории под руководством С. Улзийбаяра по проекту «По следам Хуннской истории и культуры» были проведены раскопки 27 курганов в Салхитын аме (Очир Б., 2012). Основными задачами этой экспедиции было составление детальных топографических планов памятников с использованием GPS, попытаться проследить основные закономерности в выборе места для совершения погребений Хунну. Работы были завершены в 2012 году, подготовлены подробные отчеты и научные статьи по результатам исследований. В работе экспедиции принимали участие – автор, антрополог Л. Билэгт (Ph.D) и историк Б. Батсурэн, организовавшие исследования с соблюдением современных методических требований. В обязательном порядке каждый памятник наносился на карту, производилась фото и видеофиксация до, в процессе и после завершения работ на памятнике, составлялись чертежи (кроки) планов и разрезов погребений в масштабе 1:2, скелеты погребенных и обнаруженный погребальный инвентарь прорисовывался в масштабе 1:1.

Раскопки производились вручную, с фиксацией обнаруженных очертаний через каждые 30–40 см, после завершения исследований производилась полная рекультивация (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 7. Ед. хр. 3. “Хуннугийн...2011).

По визуальному обследованию в Салхитын аме обнаружено 35 хуннских курганов, которые можно разделить на 2 группы. Восточная группа насчитывала 20 курганов. Двадцать семь курганов в Салхитын аме по их внешнему виду, очертанию насыпей можно классифицировать следующим образом: 13 курганов с аркообразными или лунообразными открытыми насыпями, 11 курганов с кольцеобразными насыпями, один курган с насыпью неопределимой формы и 2 кургана со сплошными насыпями. На восточной части могильника располагались курганы с аркообразными насыпями, а на южной части – погребения со сплошными насыпями. По мере приближения к западной части могильника насыпи приобретают вид закрытых колец. В двух курганах с неопределенными насыпями были захоронены дети.

Почти все погребенные ориентированы головой на запад, кроме двух с неопределимой ориентацией, из 25 погребенных один был уложен головой на север и по одному погребенному ориентированному на 3 восточных азимута.

Из 27 раскопанных курганов в 19 были обнаружены кости четырех видов животных, кроме верблюда в 5 курганах были зафиксированы целые скелеты лошадей и 1–4 черепа лошадей. В 9 курганах были обнаружены черепа и конечности крупного рогатого скота, а кости мелкого скота были в 4 погребениях детей. Этот могильник отличается наличием черепов крупного скота. В кургане № 7 умерший был погребен в подбое в западной стене, который был закрыт большими плоскими камнями на ребрах. Снаружи от камней уложили лошадей. В кургане № 14 не было подбоя, но умершего погребли аналогично, отделив его от туши животного плоскими камнями. В остальных 3 случаях туши коней были уложены над погребенным. В результате раскопок была собрана богатая коллекция погребального инвентаря – золотые серьги, обломки бронзового зеркала, бронзовые кольца, бронзовые украшения пояса, бронзовые наконечники стрел, железный нож, железные наконечники с костяными остриями, пряжки,

железные грызла, кольца для удил из рога, костяные наконечники, костяные накладки лука, костяные изделия, бусины из различных пород камня и др. Собранный коллекция и погребальный обряд аналогичны находкам из хуннских погребений в других районах Монголии (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 7. Ед. хр. 3. “Хуннугийн).

В 2011 году экспедиция под руководством Ц. Торбата обнаружила городище «Сайр», находящееся на северо-западе в 30 км от центра сомона Баян-Овоо Южнобийского аймака. Были проведены подъемные сборы многочисленных фрагментов глиняной посуды, керамических ваз, металлических изделий для прикрепления вала колес. В 2013 году Ч. Амартувшин составил топографический план данного городища, провел подъемные сборы и взял образцы для определения датировки памятника в лаборатории Университета Джорджии в США (46–179 гг. н.э.). По визуальному обследованию крепость подквадратной формы, стены (валы) были сооружены из отвердевшей глинистой почвы красного цвета. Крепость имела 2 линии оборонительных укреплений – внешнюю и внутреннюю. Длина северной стены внутренней крепости 140 м, длина южной – 148 м, длина западной – 140 м, восточной – 140 м. Современная толщина стен крепости 6 м, высота 1,5–2,5 м. Вдоль северной стены фиксировались следы канавы глубиной 0,5–0,8 м. Если 3 стены крепости хорошо отмечались визуально, то западная сторона стены почти сливалась с берегом реки. Толщина стен внешней крепости 5–6 м, высота 0,5–0,8 м. На левой и правой сторонах были отмечены по 4 двери, которые едва фиксировались. Расстояние между внешней и внутренней стенами крепостей около 100 м (Амартувшин, 2017б). Исследователи считали, что первыми открыли Сайрын балгас, который относится к хуннскому времени. Однако в 1989 году Д. Наваан писал об этом памятнике как Худоо Сайрын балгас и датировал его также хуннским временам (Наваан, 1989б).

В последние годы в археологических исследованиях хуннского населения появилось новое направление – исследование печей для обжига глиняных изделий и печей, связанных с обработкой железной руды. Монголо-Японские совместные

экспедиции по проекту «История металлургии Монголии» в 2011–2013 годах и по проекту «История древнемонгольского производства» в 2014–2018 годах продолжали эти работы регулярно. Впервые остатки печи для обжига гончарных изделий были обнаружены в урочище Хустын булаг геологом П. Хосбаяр (Амартувшин, 2014, с. 214).

В 2011 году между Институтом археологии МАН и университетом Эхимэ (Япония), был заключен договор об организации исследовательских работ на хозяйственных объектах хуннского населения. В составе исполнителей проекта с монгольской стороны Ч. Амартувшин, Б. Цогтбаатар, Г. Эрэгзэн и Л. Ишцэрэн – Института археологии МАН, с японской стороны преподаватель университета Эхимэ Т. Сасада и преподаватель И. Усуки из университета в Саппоро (Фонд ЦКН. Монгол-Японы хамтарсан). В том же году были проведены археологические раскопки на 3 участках, раскопки на площади размерами 2 × 2 м, где уже в верхнем слое грунта было обнаружено большое количество шлака и следов длительного горения. Были произведены экспериментальные раскопки с целью определения места расположения остатков литейного производства – шлака и кусочков руды. При снятии верхнего слоя почвы были обнаружены 2 небольших фрагмента каменного орудия. На правой стороне реки, на площади размером 1 × 6 м были проведены экспериментальные раскопки. После снятия верхнего слоя почвы в 1,3 м от задней стены был обнаружен грунт с пеплом, а на глубине 0,15 м шесть фрагментов горна, ниже древесный уголь и взяты пробы для определения его возраста (Амартувшин 2012б, с. 215).

В 2012 году при финансовой поддержке в рамках специальной программы Центральной Азии и Германского фонда Герда Хенкела исследователи отделения по изучению бронзового века Института археологии МАН проводили раскопки на памятниках хуннского периода и бронзового века в сомоне Булган аймака Ховд. Из исследованных курганов 2 принадлежали хуннскому времени. Результаты исследований этих курганов имели большое значение, так как они были обнаружены в Западной Монголии. В раскопанных памятниках были найдены хорошо сохранившиеся костяная накладка на лук с резным изображением коня

под седлом, деревянные части лука, железные накладки на ремень (Турбат, 2015а; Батсук, 2012).

В 2012 году совместная экспедиция Монголо-Германского проекта «Биоархеологические исследования в долине реки Орхон» проводили раскопки одного кургана (№ 2) из 9 известных в урочище Ар булан на берегу реки Орхон (Еруул-Эрдэнэ, 2012б, с. 74)

В 2012 году Монголо-Японской совместной проектной группой были проведены археологические раскопки на 2 участках размером 5 × 5 м в урочище Хустын булаг. На первом участке были обнаружены две печи для выплавки железной руды и яма, служившая для хранения шлака (Амартувшин, 2013, с. 56).

В 2012 году совместная экспедиция в рамках Монголо-Германского совместного проекта «История ремесла и железных изделий вблизи древнего Хархорума» нашла рудоплавительную печь хуннского периода в урочище Бага нарийны ам в сомоне Хархорин Увурхангайского аймака. Это была вторая находка этого типа памятников. Печь была углублена в грунт, рядом располагалась яма для отходов размерами 0,6 х 0,4 м. Печь и яма были соединены между собой (Pohl, 2011).

В 2013 году данная проектная группа провела раскопки еще на 3 участках (Амартувшин, 2014, с. 51). В 2013 году исследователи Института археологии МАН выявили могильник хуннского времени с почти 300 курганами в местности Чихэртийн зоо в сомоне Баянцагаан Центрального аймака во время проведения аварийных разведочных обследований на лицензионной площади добычи полезных ископаемых (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 42, с. 5).

В 2013 году преподаватель археологии Уланбаатарского государственного университета Т. Идэрхангай во время археологической производственной практики студентов составил план и подробное описание большого хуннского могильника возле пахотных земель Шийтэра в сомоне Цээл Центрального аймака. Были зарегистрированы 414 курганных насыпи (Идэрхангай, 2016).

В 2013 году А. Очир и другие нашли развалины древнего городища в урочище Овоотын-баруун-хавцал в сомоне Баян-Овоо, Хэнтэйского аймака и

провели подъемные сборы. Собранная коллекция позволила датировать памятник хуннским временем (Очир А., 2013, с. 109–110).

Участники совместного Монголо-Французского проекта «Хунны реки Тамир», который реализуется с 2013 года, занимаются исследованиями материальной и духовной культуры Хунну, их верований, искусства и хозяйственной деятельности, а также генетическими исследованиями антропологического материала по общепринятым методикам археологии, антропологии, палеопатологии и палеогенетики. Основой для исследований стали материалы раскопок хуннских погребений в местности Тамирын улаан хошуу, в сомоне Угийнуур, Архангайского аймака. Руководителем проекта стал заведующий отделом Института истории и археологии Ц. Турбат и С. Дюшен. Участники проекта провели раскопки 11 хуннских погребальных памятников в местности Тамирын улаан хошуу (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 20, с. 3).

В 2013–2015 годах Монголо-Корейская совместная проектно-исследовательская экспедиция начала исследования на местности «Гуа дов» памятника, расположенного на правом берегу реки Керулена на территории сомона Баянжаргалана Центрального аймака. В 2013 году были произведены раскопки на площади размерами 33–12,5 м. Раскоп охватил площадку, где предполагался главный выход из крепости «Гуа дов», в результате была исследована большая постройка с 16 столбами (Улзийбаяр, 2011, с. 103). В 2014 году экспедиция «Мон-Сол» продолжила незаконченные раскопки. Произвели поперечную шурфовку площади крепости на расстояние 50 м. Длина обнаруженной постройки 33 м, ширина 14,5 м. В центральной части здания обнаружены два помещения размерами 10 × 5 м, с остатками глиняных фундаментов (Эрэгзэн, 2015б, с. 103–105). В 2015 году Монголо-Корейская совместная экспедиция продолжала раскопки, произведенные в предыдущие годы, и закончила исследования в районе выхода из крепости. Далее были продолжены работы в части крепости, где фиксировались выходы на две стороны. На двух сторонах стены крепости шириной 1,4 м были обнаружены фрагменты черепицы, под которыми были выявлены следы деревянных столбов на

расстоянии 1,3–1,5 м. По результатам трехлетних исследований было установлено, что крепость «Гуа-дов» была окружена постройками (сараями) размерами 180–200 м с многочисленными столбами и большим количеством черепицы. Здесь же находилось большое здание размерами 50–40 м, которое занимало северную часть. Было отмечено, что на левой стороне данного здания был жилой дом длиной 30 м. Исследователи, которые производили раскопки, пришли к выводу о том, что в переднем углу двора был создан искусственный пруд (Эрэгзэн, 2016а, с. 129). В 2016 году Монголо-Корейская проектная экспедиция провела масштабные природоведческие исследования с участием ученых Корейского геолого-минералогического института города Тэжон. В исследованиях принимали участие 4 геолога и природоведа, которые сделали георадарную, геомагнитную и электромагнитную съемку на памятнике. По результатам этих работ было установлено, что 4 стены крепости Гуа-дов были идентичны воротам и стенам, обнаруженным предыдущими раскопками, а состав почвы строения, которое ранее считали искусственным водоемом, был относительно тверже материковой почвы (Эрэгзэн, 2017г, с. 190).

В 2013–2015 годах исследовательская экспедиция ШУТИС (Университет науки и технологии Монголии) провела раскопки и исследование 27 курганов на некрополе, расположенном в районе Сонгинохайрхан, города Улаанбаатар, на территории Баянхошуу уул Зуун салаа, в пади Байшинт. Большинство этих памятников были на грани исчезновения в связи с расположением на их территории автомобильной дороги и нахождения рядом мест активной хозяйственной деятельности человека. В центре исследованных курганных кольцеобразных насыпей не было камней. Самый большой курган имел размеры 9 × 7 м, самый малый – 3 × 3 м. Могильные ямы подпрямоугольной формы, в головной части некоторых ям имелись дополнительные конструкции. Умершего хоронили на глубине 3 м в яме размерами 1,6 × 0,8 м – 3,3 × 1,7 м. Самая глубокая яма – 3,6 м. Внутри могильных ям были найдены деревянные гробы с крышками из досок, деревянные гробы с каменным ограждением, один деревянный гроб, с крышкой из досок и с двойным деревянным ограждением. Гробы из досок с

каменным ограждением были зафиксированы в 9 курганах, в 3 погребениях умершие были погребены в деревянных гробах. Один гроб был сооружен из тонких жердей с деревянной крышкой, погребение с 2 деревянными ограждениями было обнаружено в одном кургане. Во многих курганах в головной части была устроена ниша, в виде маленького ящика, в который укладывалась погребальная пища – голова и спинной хребет мелкого животного были ориентированы на восток. Подобные ящики были сооружены в 7 курганах. Все курганы были ограблены, но ориентировка могильной ямы, ее размеры и размеры гроба позволяют констатировать, что умерший укладывался головой на север. Курган с захоронением 2 детей был зафиксирован в единственном случае. Из 27 исследованных курганов в 17 было обнаружено 18 скелетов человека. Среди находок следует отметить множество костей животных. В кургане № 17 были найдены кости 2 овец, 1 верблюда, 1 коня. В остеологической коллекции 52,9 % – кости овцы (Эрдэнэболд, 2016а, с. 49–54).

В результате раскопок было найдено большое количество предметов хозяйственной утвари – изделия из рога, глиняные сосуды, вазы, посуда из бересты, бронзовые и железные чаши, деревянные расчески, изделия из кожи, деревянные изделия, железные кольца, остатки тканей одежды. Предметы вооружения были найдены в 8 курганах – снаряжения лука, железный наконечник стрелы, железные ножи. Из предметов украшений найдены бусины из камня и стекла, выпуклые золотые изделия, золотые пластины, бронзовые серьги у большого количества предметов, применение не установлено. Вооружение, как правило, сопровождало мужские погребения, а украшения – женские (Эрдэнэболд, 2016а, с. 55).

В 2013–2015 годах экспедиция Монголо-Корейского проекта производила раскопки развалин древнего городища хуннского периода в урочище Гуа дов в сомоне Баянжаргалан Центрального аймака, в 2016 году были проведены геофизические исследования. Раскопки производились у парадного входа, в восточной и западной частях крепости, были обнаружены строительные материалы, зафиксированы основания и ямы двух рядов колонн, что позволило

восстановить предварительную структуру крепости. Сравнивая эту крепость с другими городищами и ставками в соседних местностях ученые пришли к выводу, что крепость в урочище Гуа дов не является молельней, а летним дворцом хана (Эрэгзэн, 2018а).

В 2014 году археологами Монгольского государственного научного технологического университета и Монгольского воинского музея был раскопан один из 26 известных курганов в пади Бишрэлтийн-ам на территории Налайх района Улан-Батор города (Ванчигдаш, 2014, с. 119). В 2014 году совместная экспедиция в рамках Монголо-Французского проекта «Хунны реки Тамир» проводила раскопки 9 хуннских памятников в урочище Тамирын улаан хошуу (Турбат, 2015б, с. 98–100).

В 2014 году Монголо-Японская команда проекта «История металлургии Монголии» провела раскопки в 4 местах, размер каждого раскопа 5 × 5 м (Амартувшин, 2015в, с. 106). В том же году данная совместная экспедиция проводила археологические раскопки в урочище Намсрайн ухаа вблизи реки Баруун Бурх, которая является притоком реки Хэрлэн в сомоне Мунгон морт Центрального аймака. Была раскопана 1 курганная насыпь из 8 (Амартувшин, 2015в, с. 112–115). Исследовательская группа совместного Монголо-Корейского проекта по «Исследованию и защите культурного наследия» выявили памятное место с погребениями хуннской аристократии в местности Овооно-хар в сомоне Тайшир Гоби-Алтайского аймака, однако не был сделан детальный план могильника с курганами и не было определено количество погребальных сооружений (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 24, с. 37). В 2014 году Монголо-Корейская совместная экспедиция, организованная в рамках проекта «Исследования и защита культурного наследия», проводила раскопки 4 курганов из 58 обнаруженных на западном и северном склонах горы Элс-толгой на юго-западе от горы Зурх в сомоне Жаргалан Гоби-Алтайского аймака (Цэвээндорж, 2015, с. 84–90). Совместный Монголо-Корейский проект по «Исследованию и защите культурного наследия» был реализован в 2009–2015 годах. Целью проекта были проведение разведочного обследования Монгольского Алтая, создание

археологической документации по обнаруженным памятникам (топографические планы, полевые дневники, фотоархив), проведение раскопок на некоторых объектах, сбор остеологической коллекции для проведения генетических анализов по костям погребенных и захороненных видов скота, а также проведение этнографических исследований в отдельных районах Монголии (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 250).

В 2014 году в рамках Монголо-Американского проекта «Восточная Монголия – археологические разведки и исследования» произведены раскопки 1 кургана из 5 в урочище Сэруун цагаан в сомоне Дэлгэрэх Восточногобийского аймака. Кроме того, в урочище Хух хад были также проведены раскопки одного хуннского кургана (Амартувшин, 2015а, с. 94–95). Совместный Монголо-Американский проект был реализован как продолжение проекта «Северная Монголия» в бассейне реки Эг в сомоне Хутаг-Ундор Булганского аймака в 1996–2000 годы и проекта «Разведка и исследования в южной Гобийской зоне» в местности Бага газрын чулуу сомонов Адаацаг и Дэлгэрцогт Среднегобийского аймака в 2003–2008 годы. Целью этого совместного проекта было уточнение экономической и общественной структур государства древних кочевников. Участники проекта разработали метод поэтапной археологической разведки в разных районах Монголии и проводили археологические раскопки хуннских некрополей, укрепленных городищ и поселений, все полученные материалы свели в единую базу данных, артефакты подвергли всестороннему изучению с применением новейших методов (РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 237).

В 2015–2019 годы по постановлению Монгольского правительства и президиума МАН были объединены Институты истории и археологии. Созданный Институт истории и археологии включает в себя центр археологических исследований, отдел изучения эпох бронзового и ранних металлов, отдел Хунну и древней истории, отдел истории средних веков, отдел региона и современной истории и Центр документов и информации. В отделе Хунну и древней истории работало 8 научных сотрудников.

С сентября 2019 года Институт археологии вновь становится самостоятельным. Сегодня отдел по изучению Хунну и древней истории в Институте археологии и отдел истории и археологии евразийских кочевников и древних государств в Институте истории и этносов проводят археологические исследования по истории Хунну. Ученые-археологи Института истории и археологии Монголии проводили фундаментальные исследования по проекту «Археологические исследования Хунну» с 2014 по 2017 год. В рамках этих исследований были заново зарегистрированы и зафиксированы на планах и картах с использованием современных технических средств многочисленные памятники, проведена тщательная датировка объектов, проанализирован архив научных отчетов, составлен реестр изученных комплексов (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 43, с. 4).

В 2014–2016 годах Монголо-Китайская экспедиция производила раскопки в главном сооружении из 3 крепостей, расположенных одна за другой, и называемых «Талын гурван хэрэм» на территории Угий нур сомона Архангайского аймака. Это самое большое сооружением из известных крепостей со стенами из грунта. Размеры 45 × 32 м, высота 3 м, имеет вытянутую овальную форму. Передняя часть строения размерами 1,8 м накрыта камнями. Через центр строения была заложена рекогносцировочная траншея с поперечным профилем через каждые 10 м. В результате были зафиксированы очертания постройки со стенами из красной глины размерами 32 × 19 м, в середине высотой 3,2 м, за пределами крепости стена высотой 1,6–1,7 м (Очир А., 2016, с. 171). В 2016 году Монголо-Китайская проектная экспедиция «Археолого-разведочные исследовательские раскопки кочевой цивилизации на монгольской земле» производила исследования в воротах западной крепости, фортификационных сооружений, первого и третьего строений средней крепости «Талын гурван хэрэма». В ходе работ были обнаружены многочисленные фрагменты керамики, горловина крупного сосуда, кости животных (Очир А., 2017а, с. 171–173). Результаты исследований взятых проб древесины с памятника были

продатированы в Пекинском университете по радиоуглеродному анализу (170 г. до н.э.–10 г. н. э.) (Очир А., 2017а).

В 2014–2016 годах Монголо-Российская экспедиция производила раскопки на развалинах малого здания на западной стороне от центра крепости «Терелж». Данная постройка разрушилась и была перекрыта, глиной и песком. Мощность культурного слоя 2 м. Были найдены множество фрагментов полуцилиндрической и плоской черепицы, несколько концевых дисков черепицы, фрагментов керамики незначительное количество. Также была собрана остеологическая коллекция, изделия из железа. Концевые диски черепицы были украшены различным орнаментом, в основном роговидными и дисковидными узорами. Обнаруженные полосы черепицы были украшены также поперечным и вертикальным волнистым орнаментом. До сих пор не установлено, когда было построено укрепленное поселение Терелжи, какая у него конструкция, какую роль и назначение оно исполняло в хуннском обществе. Объект особенно интересен как поселение кочевников Монголии. Исследователи предполагают, что данный памятник был построен во времена Хунну (II век до н. э.), в дальнейшем он был разрушен одновременно с Гуа-довом – великим городом Хунну. По заключению радиоуглеродного анализа образцов обгоревшей древесины установлено, что данный город существовал в 355–47 гг. до н. э. (Эртний, 2002). Г. Эрэгзэн, анализируя территорию расположения городищ и поселений Хунну, считает, что ставка шаньюя была в верховьях реки Хэрлэн и у хребтов Хэнтий (Эрэгзэн, 2016б, с. 85).

Раскопки и исследования в крепости Тэрэлжийн Дурволжин в сомоне Эрдэнэ Центрального аймака с 2014 по 2016 год были продолжением Монголо-Российского проекта «Хуннские городища на территории Монголии». Основной целью проведения раскопок было углубленное изучение поселений и городищ хуннского времени. Новые материалы расширят источниковедческую базу по материальной и духовной культуре населения Хунну, создавших первое государство кочевников в Центральной Азии. В составе исследовательской группы с монгольской стороны организатором и регулятором проекта от

Международного института кочевой цивилизации стал профессор А. Очир, с российской – ведущий научный сотрудник Института истории и археологии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, член-корреспондент РАН Н.Н. Крадин. В состав исследовательского коллектива входили также доцент МоГУ Л. Эрдэнэболд, а с российской стороны ведущий научный сотрудник, профессор А.Л. Ивлиев, заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета профессор А.С. Васютин, профессор государственного технологического университета А.В. Харинский и профессор Читинского государственного университета Е.В. Ковычев (РФ МИИКЦ. Тэрэлжийн, с. 3–4).

В рамках проекта «Предварительные исследования в связи с новыми раскопками курганов хуннской аристократии» сотрудниками Института истории и археологии Б. Гунчинсурэном, Ч. Амартувшином, Ч. Ероол-Эрдэнэ, Г. Эрэгзэном и Б. Батдалаем в 2015 году были обнаружены погребения хуннов на левом берегу реки Шурга. С применением современных технических средств был составлен план могильника, на котором было отмечено 105 курганных насыпей (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 24, с. 26). Кроме этого работы были проведены в местности Овооно-хар Тайшир сомона Гоби-Алтайского аймака. В 16 курганах были зафиксированы дромосы, а остальные имеют кольцеобразные насыпи (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 24, с. 18). Проект был реализован благодаря договорам между научно-технологическим Фондом Монголии и Монгольской академией наук. Были впервые сделаны аэрофото и видео снимки с помощью дрона в местности, где были обнаружены памятники времени Хунну. Целью этой экспедиции были разведочные обследования для выбора объектов археологических раскопок по Монголо-Итальянскому проекту и в связи с организацией раскопок погребений хуннских аристократов в местностях Овооно хар, Борбулаг, Бэлхийн ам и Гол мод (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 24, с. 30–31).

В 2015 году экспедиция в рамках Монголо-Российского проекта «Археологическое исследование погребений в горах Ноён уул в Монголии»

провела раскопки малых курганов, у большого кургана, раскопанного Баллодом в урочище Зурамтын ам в горах Ноён уул. Восточнее большого кургана были зафиксированы находились 6 малых курганов в цепочке с севера на юг; западнее – 9 курганов в цепочке с севера на юг. Из этой группы курганов были раскопаны 2 кургана в восточной цепочке и 1 – в западной (Эрдэнэ-Очир, 2015, с. 159–161).

В 2015 году Монголо-Американская совместная экспедиция, организованная в рамках проекта «Восточная Монголия. Археологические разведки» проводила раскопки 3 курганов на юго-западной площадке хуннского могильника в урочище Хавчиг бууц на горе Дэлгэрхаан в сомоне Тувшинширээ Сухбаатарского аймака (Амартувшин, 2016а, с. 132).

В 2015 году совместная экспедиция Монголо-Французского проекта «Тамир» проводила исследования 10 хуннских памятников в Тамирын улаан хошуу. Также были проведены раскопки 31 кургана в 2013–2015 годах в Тамирын улаан хошуу. В процессе раскопок были обнаружены скелеты погребенных и многочисленные кости животных, а также более предметов. Среди находок можно выделить керамическую посуду оранжевого цвета, золотую пряжку пояса, железные и бронзовые изделия. Впервые найдены 2 соединенные вазы, чугунные кадила двух типов. Была обнаружена керамическая посуда (51 шт.), из которой 8 сосудов были целыми, 22 могут быть реставрированными и 21 в виде фрагментов, которые невозможно восстановить. Во время раскопок 2015 года была собрана богатая коллекция бус из различных камней. В 7 погребениях были найдены 88 бусины, в том числе в кургане № 292 были обнаружены 58 стеклянных и свинцовых бусин. Бусины из янтаря, стекла, различных пород камня, свинца и органических веществ. В кургане № 28 были найдены 5 и в кургане № 29 45 свинцовых бусин, которые оказались самыми многочисленными. Кроме того, были обнаружены 18 стеклянных, 8 органических, 3 янтарных и 2 бусины из раковины. Органические бусины, найденные в кургане № 30, были сделаны из помета мелкого рогатого скота. Одной из особенностей раскопок этого года было обнаружение в кургане № 24 серебряной монеты периода царя Кавада I

государства Сасанидов в Древнем Иране (488–531 гг. до н.э.). Монета была найдена в ограбленной яме (Батсух, 2016, с.155–157).

В 2015 году Монголо-Монакская совместная экспедиция, организованная в рамках проекта «Северный Тамир–Хануй» проводила раскопки 14 больших курганов погребений хуннской аристократии в урочище Наагийн ар на южной части памятного места Гол-мод в сомонах Хайрхан и Эрдэнэмандал Архангайского аймака (Еруул-Эрдэнэ, 2016, с. 58). Монголо-Монакская экспедиция работала с 2006 года, заключая договоры каждые 3 года. В состав участников проекта входят Национальный институт аварийных раскопок археологических памятников Франции, университет из Тулузы, Центр Европейского археологического исследования в Бибраке, Институт археологии и древней истории в Альпо-Средиземноморье и Исследовательский центр древних почвы и растений. Экспедиция Монголо-Монакского проекта «Северный Тамир и Хануй» поставила перед собой цель провести масштабные исследования в памятном месте Гол мод в сомонах Хайрхан и Эрдэнэмандал в бассейне реки Тамир, в сомонах Их Тамир и Батцэнгэл Архангайского аймака, определить точную датировку памятников с использованием новейших методов датирования, дополнить новыми материалами необходимыми для дальнейшего изучения проблем генезиса, исторического и экономического развития кочевого общества. В составе экспедиции работали Ч. Еруул-Эрдэнэ, Ж. Гантулга и Н. Лхундэв из Института истории и археологии МАН (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 36, с. 4).

В 2015 году археологи МоГУ провели аварийные раскопки в долине Баянгол в сомоне Заамар, которая стала площадкой проведения горных работ. Было исследовано 16 малых курганов хуннского, которые были обнаружены в начале долины Баян гол и в конце пади Улаан шивэр. По расположению насыпи можно разделить на западные, центральные и восточные. В западных зафиксировано большое содержание камней в насыпи, а в восточных и центральных камней немного. Все погребения ограблены. Курганы имеют кольцеобразные насыпи, центры которых углублены. Самый большой курган

диаметром 10 м, а малый – 5 м. Глубина могильных ям от 2,0 до 4,2 м. Большинство погребенных были уложены в гробы из досок и ориентированы головой на северо-восток. В одном случае умерший был погребен в каменном ящике. В 11 курганах были отмечены подбои над головной частью, где были найдены черепа и кости крупного и мелкого скота, кости ног и иногда черепа диких животных. В подбое кургана № 5 в Улан шивер были обнаружены 4 черепа лошади, 1 – крупного рогатого скота, 3 черепа барана. В нескольких случаях под головы животных укладывались кости ног животных. Археологическая коллекция артефактов из исследованных курганов представлена в основном хозяйственной утварью, украшениями, вооружением, предметами культа, большим количеством керамики и различными металлическими изделиями (Эрдэнэболд, 2016б, с. 144–145).

В 2015 году исследователи в рамках проекта «История металлургии Монголии» продолжили раскопки на новом участке. Во время раскопок во втором слое в северной части стены обнаружили грунт желтого цвета и в нем глиняные сопла мехов, кусочки железной руды и металла. Находки позволили предположить, что это основание печи. Большая часть конструкции находилась под северной частью стены. В южной стене участка обнаружили яму, в которой нашли стену печи, желтое сопло мехов, остатки железной руды и металла. На севере и востоке участка обнаружили по развалу печи и одну яму с утилем. На участке Ех. 15.01 была исследована яма с отходами металлургического производства и VI печь. Пробы древесного угля на дне печи были отправлены на проведение датирования в Японию (Амартувшин, 2016б, с. 150). В этом же году были проведены раскопки и исследования печей для обжига керамической черепицы. Грунт правой части участка под воздействием высоких температур имеет красноватый оттенок, здесь же были найдены фрагменты черепицы и древесный уголь. В ходе раскопок были обнаружены фрагменты глиняной посуды, черепица, кости животных. Вполне вероятно, что данные участки были местом на памятнике, где велась производственная деятельность (Амартувшин, 2016б, с. 152).

В 2016 году Монголо-Японская экспедиция по проекту «История производственной деятельности монголов» продолжила раскопки в долине реки Зуун Байдлаг, Мунгунморт сомона, Тув аймака, а также проводились исследования печи для плавки железа в пади Булаг, Мандал сомон, Сэлэнгэ аймака. В 2014 году здесь было обнаружено памятное место эпохи Хунну, где были найдены печи для плавки железа (Амартувшин, 2017а, с. 175). Памятник был зафиксирован в обрыве берега реки. После исследования верхнего слоя с востока на запад на 6 м, с юга на север на 5 м были исследованы развалины 4 печей и 2 ям для отходов металлургического производства. Конструкции печей были углублены в грунт, печи подквадратной формы с округлыми углами (Амартувшин, 2017а, с. 178). В том же году были найдены еще 3 металлургические печи для плавки железной руды.

Таким образом, при раскопках в Хустын булаг после 2011 года были найдены развалины 6 плавильных и обрабатывающих железные руды печей, 2 площадки для обогащения железной руды и 6 печей с остатками металлургического производства железа. Были зафиксированы стены печей, глиняные трубы для подачи воздуха и отходы металлургического производства железа в большом количестве. Однако фрагменты керамической посуды, связанной с периодом Хунну, находятся крайне редко. Радиоуглеродные анализы древесного угля из печей датировали памятники (I в. до н.э.–I в. н.э.), в зависимости от местонахождения остатков обожженного дерева (древесный уголь из верхнего слоя датируется I в. до н.э.). При исследовании в Булгийн эхе были найдены 4 печи для обжига глиняной посуды и 2 ямы для отходов этого производства. Радиоуглеродный анализ фрагментов обнаруженной керамики подтвердил отнесение памятников ко времени обитания Хунну. Исследователи разбили исследованные печи на 3 типа – по форме, конструктивным особенностям и размерам.

I тип – печи подквадратной формы, рядом располагалась яма овальной формы, содержащая шлак (отходы металлургического производства), которые датируются I в. н. э. II тип – печи большого размера, продолговатой формы в виде

Slag Pit. По исследованию почв и радиоуглеродному анализу этот тип печей датируется I в. до н. э. Данный тип печей был обнаружен только на могильнике Хуст булаг. III тип – печи в форме Slag Pit. Раскопанные ямы, предназначенные для сбора отходов металлургического производства, соединены с печью узким коридором. Этот тип печей обнаружен в нижних слоях грунта и датируется I в. до н. э. Исходя из конструкций печей, очевидно, что на производство металла в Монголии в древности не имело влияния Хань. Результаты исследований показали, что металлургическое производство у Хунну развивалось под влиянием населения Южной Сибири и Западной Азии. Общее число печей, обнаруженных на Хуст булаг незначительно, особенно второго типа (1 печь). Третий тип печей был обнаружен в результате поперечного разреза стены памятника, по раскопкам 2015 года была зафиксирована 1 печь. Печь, обнаруженная в пади Булаг Мандал сомона Селенге аймака, относится к третьему типу (Амартувшин, 2017а, с. 177). В рамках проектных исследований были проведены в Японии радиоуглеродные исследования собранных при раскопках образцов остатков обгоревшего дерева. Образцы древесного угля 2012 года, обнаруженные в печи для обжига глиняной посуды, датируются (I в. до н.э.–I в. н.э.) (Амартувшин, 2015б, с. 106). Образцы из 7 печи, раскопки 2016 года, принадлежат (AD35–71). Образцы из 8 печи датируются (BC 103–81) (Амартувшин, 2017а, с. 178).

В 2015–2017 годах экспедиция в рамках Монголо-Японского проекта «История производства древних монголов» нашла рудоплавительную печь хуннского периода в урочище Зуун-Улийн-адаг в сомоне Баяндун Дорнодского аймака (Ишцэрэн, 2018). В 2018 году были выявлены 2 печи для выплавки железной руды. При раскопке были обнаружены обломки керамических сосудов (Ишцэрэн, 2019). В 2016 году экспедиция проводила раскопки 2 курганов из 8 в урочище Намсрайн ухаа около Хустын булаг. Один из исследованных курганов содержал хуннское погребение (Амартувшин, 2017а, с. 182).

В 2016 году археологическая экспедиция МоГУ исследовала 5 хуннских курганов в пади Бишрэлт в рамках проекта «Исследование культурного наследия в долинах реки Туул» (Эрдэнэболд, 2017).

В 2016 году Г. Эрэгзэн и сотрудники Института истории и археологии Монгольской академии наук объехали 11 сомонов Хэнтэйского аймака и провели регистрацию курганных могильников, составили топографические планы памятников. Было зарегистрировано и описано 13 могильников и 409 курганных насыпей – Хуннский могильник в Уртын ам – 98, в Улийн даваа – 8, в Ундуре Баян-Овоо – более 20, в горах Шанага уул – 8, в Улаан ханане – 32, в Баянборе – 14, в Цацын цагаан ундор – 5, в горах Ноён – 19, у Авдар хад – 19, в горах Баянцагаан – 29, на южном склоне горы Ханан – 12, в Тоонот – 21, Хуннские курганы на Шаширт энгэр – 49 (Эрдэнэболд, 2017, с. 137–140). Также были проведены предварительные исследования по датированию и определению культурной принадлежности памятников.

В 2016 году в рамках проекта «Исследование культурного наследия в долине реки Туул» проводили 4 курганов в памятном месте Зурхийн узуур на юго-запад в 39 км от центра сомона Дашинчилэн Булганского аймака. Здесь было зафиксировано 299 хуннских кургана, которые представлены 3 группами памятников (Эрдэнэболд, 2017, с. 185–188).

В 2016 году С. Улзийбаяр и Б. Очир и археологическая экспедиция Института истории и археологии Монгольской академии наук проводили раскопки 1 кургана в урочище Хадан хув сомона Гурванзагал Дорнодского аймака. Курган имел кольцеобразную насыпь диаметром 5 м. Захоронение было ограблено в древности. На глубине 0,6 м были обнаружены кости нижних конечностей человека в непо потревоженном положении. Череп и большая часть скелета отсутствуют, найдены только 2 ребра. На уровне захоронения были обнаружены обломок ножа и 2 концевых накладки на лук (Улзийбаяр, 2017, с. 296).

Институт истории и археологии, Институт культурных наследий центральной зоны Южной Кореи и Чинбукский университет реализуют проект

«Исследование Монголо-Корейского культурного наследия» с 2016 года (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 42, с. 4). В том же году члены совместного проекта «Исследование Монголо-Корейского культурного наследия» проводили раскопки 2 курганов из 287 обнаруженных в урочище Чихэртийн зоо в 12 км от центра сомона Баянцагаан Центрального аймака (Эрэгзэн, 2017а, с. 164–165). В состав экспедиции входили с Г. Эрэгзэн и профессор Чинбукского университета, профессор Ян Ши Он. Целью этого проекта является совместное исследование древних монгольских памятных мест и реставрация находок с использованием современных методик. Для достижения этой цели были выбраны 2 насыпи из группы памятников. Были произведены раскопки, составлены топографический план и визуальное описание памятника. В результате раскопок найдены кликообразное яшмовое ожерелье, дно лакированной чаши, разноцветные бусины, бронзовые украшения, фрагменты керамики и железных изделий. Диаметр насыпи 1 погребения 17 м, глубина погребения 9 м; диаметр насыпи 2 погребения 7,5 м, глубина погребения 5,8 м, что отличает их от других хуннских памятников (РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 42). В 2016–2017 годах были раскопаны 6 кольцеобразных курганных насыпей. Результат раскопок позволил пересмотреть точку зрения, что кольцеобразные насыпи являются «погребениями простых хуннов». Кроме того впервые в хуннском погребении была обнаружена карета с 4 колесами. Также в Чихэртийн зоо был обнаружен курган с большой кольцеобразной каменной насыпью диаметром 50 м (Эрэгзэн, 2018в, с. 111).

В 2016 году научный сотрудник Историко-археологического института АН Монголии Г. Эрэгзэн производил археологические раскопки в крепости «Шувуутай», расположенной на пересечении 3 небольших степных рек, которые впадают в реку Орхон и в 20 км западнее центра сомона Бурэгхангай Булганского аймака. Вначале была проведена аэрофотосъемка территории, затем составлены топографические планы, на 2 памятниках были проведены рекогносцировочные раскопки. Полученный из шурфов материал представлен многочисленными костями животных, фрагментами глиняной посуды, пряслицами из фрагментов

керамики, обломками сырцовых кирпичей. Кости животных были отправлены в зарубежную лабораторию на радиоуглеродный анализ (Эрэгзэн, 2017в, с. 157–159).

Экспедиция в рамках Монголо-Японского проекта «История производства древних монголов» обнаружила место с фрагментами керамических сосудов на ровной террасе на северном берегу реки Зуун Байдлаг. При шурфовке памятника в 2017 году было обнаружено пятно размерами 4,8 x 5,0 м. В 2018 году были произведены раскопки на площади 64 кв. м. Были обнаружены кости домашних животных, фрагменты керамических сосудов и черепцы. По результатам анализа костей домашних животных в лаборатории Paleo в Японии была установлена датировка памятника (48 г. до н.э.–29 г. н.э.) (Амартүвшин, 2019а, с. 156–157).

В 2017 году в рамках практики студентов факультета археологии УБГУ были произведены раскопки 17 малых курганов, образующих полукруг на левой стороне большого кургана с дромосом в урочище Гол-мод в Балгасан-тале (Эрдэнэбаатар, 2019).

В 2018 году группа проекта Монголо-Японского проекта «История производства древних монголов» продолжала раскопки, начатые в 2018 году на севере на участке К-1, где были обнаружены полуцилиндрическая (верхняя) черепица, плоская (нижняя) черепица (Амартүвшин, 2019а, с. 157), 1 полуземлянку и 2 ямы для отходов керамического производства на площади KBS-2, 2 печи для обжига керамики на площади KBS-3. Также были найдены многочисленные обломки строительного материала и фрагменты керамических сосудов. Находки аналогичны материалам из памятников соседних государств – Жоу, Сражающее государство, Цинь и Хан (Усуки, 2018).

В 2018 году экспедиция Монголо-Американского проекта «Восточная Монголия: Археологическая разведка и исследования» производила раскопки в урочище Энгэрийн бууц. В кургане – радиусом 8,5 м на глубине 2,6 м, было исследовано захоронение в деревянном гробу, с двух сторон от которого были зафиксированы кости домашних животных (Амартүвшин, 2019б, с. 43).

В 2018 году в рамках проекта «Культура кочевников с бронзового века по начало железного века» МГМ и Китайский национальный музей производили

раскопки 4 хуннских погребений в памятном месте Хунну Шийтэр. Были обнаружены железный наконечник, железный нож, позолоченные железные пряжки, каменный кулон, бронзовый сосуд с тонкой шейкой и крышкой, кожаный ранец, бронзовое украшение, фрагменты лакированного сосуда, керамических сосудов и железных изделий. Из них в 2 погребениях были похоронены дети (Одбаатар, 2019).

В том же году исследовательская группа МоГУ производила раскопки в урочище Бишрэлтийн ам. Под насыпью на глубине 3,1 м, были обнаружены кости домашних животных, железная кастрюля, керамические сосуды, фрагменты бронзового зеркала и каменный кулон (Эрдэнэболд, 2019а).

В 2018 году исследователи института истории и археологии производили раскопки в 2 погребениях из 111 в урочище Дунд-булгийн-ам в сомоне Хархорин Увурхангайского аймака. Были обнаружены остатки железных изделий и фрагменты керамики (Цамбагарав, 2019).

В 2018 году экспедиция международного Института кочевой цивилизации, музея Внутренней Монголии КНР, при участии А. Очира и других продолжала исследования предыдущего года в урочище Талын-гурван-хэрэм. По результатам радиоуглеродного анализа находок в лаборатории Пекинского университета была установлена дата (170 г. до н.э.–10 г. н.э.). Во время раскопок 2018 года в первом сооружении средней крепости были найдены 5 керамических сосудов, череп и кости ног барана (Очир А., 2019). По результатам исследований экспедиции с 2014 по 2018 год было определено, что данный памятник является сакральным местом хуннов (Очир А., 2017б).

В 2018 году исследователи из Национального центра культурных наследий под руководством Г. Анхсанаа обнаружили в урочище Заан хошуу 70 насыпей, в урочище Майхан-уул – 82, в урочище Салхит-ула в сомоне Баяннур Булганского аймака и поблизости – 14, в целом около 200 насыпей и ввели их в круг научных исследований (Анхсанаа, 2019, с. 365).

В том же году исследовательская группа Монгольского государственного университета производила аварийные раскопки в одном погребении в урочище

Доргонот, в сомоне Заамар Центрального аймака. В обнаруженном каменном ящике, дно было выстелено берестой, на которую был уложен погребенный (подросток) (Эрдэнэболд, 2019, с. 374).

Совместная экспедиция археологов из УБГУ во главе с Д. Эрдэнбаатаром и исследователи из КНР произвели раскопки погребения хуннского аристократа под № 189 в урочище Гол-мод II в Балгасан-тале с 2018 по 2019 год.

В 2018–2019 годах в рамках фундаментального исследования «Постхуннские кочевники – II» Института истории и археологии С. Улзийбаяр, Б. Очир и Э. Уртнасан производили раскопки 4 курганов на горе Нарийн дэл в сомоне Мурон Хэнтэйского аймака. Были обнаружены железное украшение, фрагменты керамики, железные удила и трензели, железный наконечник (Улзийбаяр, 2019). Кроме того была найдена зубная щетка из кости, что является ценной находкой быта хуннов.

Экспедиция Монголо-Корейского проекта «Мон- Сол» начала исследование погребения аристократа под номером 160 и намечала закончить его исследование в 2021 году (Эрэгзэн, 2019).

3.6. Анализ материалов из раскопок памятников хуннов последнего десятилетия и некоторые точки зрения на реконструкцию историко-культурных процессов. В 2011 году был отмечен 2220-летний юбилей создания империи Хунну и организована конференция «Империя Хунну и изучение древнемонгольской истории». В ней приняли участие исследователи истории Хунну и древней Монголии из разных стран. Материалы конференции были опубликованы в 2012 году.

В 2012 году Ц. Турбат опубликовал материалы исследования кургана в урочище Авын хух ула в западной Монголии и представил список хуннских памятников в Ховдском аймаке. Г. Эрэгзэн определил общее число хуннских памятников в Хэнтэйском аймаке, А Т. Идэрхангай в бассейне реки Тамир.

К 2011 году были обнаружены 20 поселенческих памятников хуннского периода, 5 в России, 2 – в Китае и 13 – в Монголии (Цэвээндорж, 2011в, с. 74–75), а также из 7000 погребальных памятников более 5000 находятся на территории

Монголии (Цэвээндорж, 2011б, с. 34–35). К 2015 году на территории Монголии в 100 урочищах были зарегистрированы 7000 хуннских курганов и из них в 450 были произведены раскопки (Батболд, 2015б, с. 343), однако в 2016 году было сообщено, что на территории Монголии известно более 10000 хуннских погребальных памятников (Монголын, 2016).

Д. Тумэн и М. Эрдэнэ написали главу «Антропология хуннов» в издании «История и культура хуннов», под редакцией академика Ж. Болдбаатара и доктора П. Дэлгэржаргала. Население Центральной Азии и Монголии при Хунну делилось на 2 группы по антропологическим признакам. Хунны, которые жили на западе и центре Монголии по антропологическим признакам (при доминировании монголоидных) составляли одну большую группу вместе с кочевниками Алтая, Тувы и Казахстана. Д. Тумэн и другие монгольские ученые считают, что хунны Монголии, которые жили на восток от Хангайских хребтов, Зайбайкальские хунны и сяньбийцы во Внутренней Монголии, составляли одну большую (субкластерную) группу. Кроме того «культура плиточных могил» в восточной Монголии в неолите и бронзовом веке имеют тесную этногенетическую связь с Хунну, и современными монголами. Данное заключение утверждает существование хуннов в этнической цепи, начатой в неолите через период «плиточных могил» (Хуннугийн, 2011, с. 274–283).

Можно считать это заключение результатом исследований, проведенных в конце XX и первое десятилетие XXI века монгольскими антропологами. Исследования с использованием современных методов естественных наук, современных методов археологических исследований позволяют предполагать совместное проживание Хунну и различных племен, говорящих на разных языках. Например, генетический анализ костей скелета, обнаруженного при раскопках в урочище Дуурлиг нарсан, показал, что в них содержится ген, характерный для народов Индии и Средней Азии, в том числе у индийской знати (Хуннугийн, 2011, с. 286–287). Д. Тумэн на основе многолетних исследований в 2013 году опубликовал статью «Этногенез монголов и антропологические исследования», в которой делает заключение, отличающее от предыдущих – в 11 погребениях в 7

урочищах были погребены европеоиды, а в большинстве – монголоиды (Тумэн, 2013, с. 19). Кроме того сравнение краниологических обследований находок разных исторических периодов показало, что антропологический тип населения в культуре «плиточных могил» бронзового века был одинаковым с антропологическим типом населения хуннского периода в Монгольской империи, а антропологический тип киргисурской культуры в бронзовом веке отличается. Как показывает DNA анализ у населения в периодах «плиточных могил» и хуннов Монгольской империи наблюдаются гаплогруппы C, M, D4, что подтверждает единый генезис. Для DNA анализа были использованы пробы 69 скелетов из археологических раскопок в разных районах Монголии. Кроме того были проведены краниологические, DNA и антропологические анализы из памятников киргисуров, 17 «плиточных могил» и 108 памятников Хунну (Тумэн, 2013, с. 16–26).

Результаты лабораторных анализов находок, обнаруженных в хуннских погребениях урочище Дуурлиг нарсан с 2006 по 2009 год были опубликованы в 2011 году и в них вошли результаты генетических анализов костей человека, сделанные Ким Ги-Жоном и Ким Гён-Юуном. Они отметили, что они впервые сумели обнаружить то, что при Хунну в Монголии жили индоевропейцы с геном R1a1 по отцовской линии и геном U2e1 по линии матери (Ким Ги-жон, 2011, с. 311–313). Когда была проведена физико-антропологическая характеристика костей 4 погребенных, то 3 из них были монголоидами, только 1 был европеоидом (Ким Жэ-хён, 2011, с. 303–305).

Г. Эрэгзэн отмечал, что в последнее время в рамках исследований по Хунну стали все чаще решать проблему генезиса путем генетических анализов. Однако качество этих исследований зависит многих условий – забор проб, опечатывание и стерильность проб, уровень лабораторий и оборудования при работе с пробами (Эрэгзэн, 2014, с. 107).

А Г. Эрэгзэн считает, что выделение основных признаков хуннского населения по материалам исследований южных и юго-западных районов страны не имеет смысла, необходимо исследовать переходные памятники между

«плиточными могилами» и хуннскими погребениями (Эрэгзэн, 2014, с. 107). П. Дэлгэржаргал сравнивая мнения учёных о генезисе Хунну отметил, что Сяцзядяньская культура и культура древних кочевников в Северном Китае могут иметь связи с Хуннской и Дунхусской культурами (Дэлгэржаргал, 2015, с. 71).

Исследователи И. Усуки, Л. Ишцэрэн, анализируя черепицы, найденные при раскопках печи для обжига керамики в урочищах Хустын булаг, Гуа дов и Тэрэлжийн дурволж, считали, что они аналогичны находкам из памятников на севере государства Хань и внутренней Монголии. Данные предметы были изготовлены по одинаковой технологии с государствами Жоу, Хавар-Намар и Байлдаант (Усуки, 2018, с. 142–143).

На основе исследования печи обжига керамических изделий и железоплавильной печи в урочище Хустын булаг, Ч. Амартувшин и другие внесли предложение о том, что хунны начали их отечественное производство в I в. до н.э.–I в. н.э., когда привозили товары из западных стран, а Восточный Туркестан был под влиянием государства Хань (Амартувшин 2012б, с. 218). Л. Ишцэрэн и другие сравнивая рудоплавильные печи хуннского периода в урочище Хустын булаг с плавильными печами на соседних территориях – Енисее, Байкальском бассейне и государстве Хань приходят к выводу о том, что рудоплавильная техника монголов аналогична методам производства металла в Центральной Азии и нет влияния государства Хань (Ишцэрэн, 2014, с. 257). Кроме того плавильные печи в урочище Трошкина в долине Енисея, в урочище Баруун-хал вблизи озера Байкал, в урочище Зуун-Байдлаг и Бага нарийны ам на Востоке Монголии могут относиться к одной культуре. Хунны обменивались товарами широкого потребления с государством Хань как соседи, а стратегически важные продукты (железо – Б.О.) производили самостоятельно.

В.П. Мыльников, С. Улзийбаяр считают, что у кочевников Хунну был рубанок, анализируя материалы деревянного гроба, обнаруженного в погребении в урочище Салхитын ам (Мыльников, 2017, с. 40).

Анализируя различия в оформлении хуннских бронзовых зеркал и из памятников государства Хань, З. Батсайхан считал, что хунны использовали

многочисленные копии, изготовленные местными мастерами (Батсайхан, 2014, с. 220). Кроме того Ж. Батсайхан продолжая изучение глиняной посуды пришел к выводу, что в хуннском обществе существовал слой ремесленников-гончаров (Батсайхан, 2014, с. 218). Серьги, изготовленные в полихромной технике и найденные в погребении Тамирын-улаан-хошуу, подтверждают, что среди хуннов были кузнецы, которые обладали техникой полихромной обработки украшений (Батсайхан, 2014, с. 221).

Исследователь из России Ю.И. Елихина и другие, исследуя находки из Ноён-ула, которые хранятся в Эрмитаже, пришли к заключению, что вязанные изделия были из шерсти верблюда, и также использовались волосы лошади для повышения качества (Елихина, 2013, с. 45).

В последние десятилетия ученые археологи из России проводят исследования поселенческих памятников в Монголии, в основном в восточных районах страны, применяя новейшие методы приходят к следующим выводам: «Несмотря на недостаточную изученность градостроительной культуры эпохи первой кочевой империи, можно констатировать наличие оседлых поселений двух типов на всей территории проживания хуннских племен: поселения без фортификационных сооружений и с системой пояса оборонительных сооружений – ров-вал» (Данилов, 2011а). С.В. Данилов считал, что на отдельных городищах выявлены постройки, которые по отдельным признакам можно признать культовыми, храмовыми зданиями или иными сакральными строениями (Тэрэлжин Дэрэвэлжин). Однако их изучение находится еще на начальной стадии. Кроме укрепленных городищ выявляются неукрепленные поселения, роль которых в экономической и политической жизни еще предстоит выяснить (поселения Дурены и Боро), однако их направленность на производство сельскохозяйственной продукции и ремесленных изделий на настоящем уровне исследований не вызывает сомнений. В результате изучения незначительного количества раскопанных памятников встречаются различные по функциональному назначению поселения и городища, показывающие сложную структуру хуннского общества. Тем не менее вопрос о зарождении в хуннском

обществе развитой городской культуры еще не получил достаточного, в полной мере обеспеченного археологическими материалами обоснования (Данилов 2011).

Ч. Еруул-Эрдэнэ предположил, что хребты Хангая и нынешняя центральная часть Монголии являлись владением шаньюя на основе распространения археологических памятников – погребений аристократов и простых хунну (Еруул-Эрдэнэ, 2011, с. 74–75). Кроме того, Т. Идэрхангай считает, что центральная часть расселения хунну была у хребтов Хангай и в долинах реки Тамир, основываясь на распространении многочисленных могильников (Идэрхангай, 2012, с. 24). А Ж. Баярсайхан и другие на основе материалов из погребений в урочище Шомбуузын бэлчир отметил, что эти памятники не отличаются от погребений центральной хуннской территории по их погребальному обряду и инвентарю (Баярсайхан, 2011, с. 156). З. Батсайхан отметил, что топографические планы хуннских археологических памятников из 130 урочищ находятся в бассейнах рек Орхон, Сэлэнгэ, Туул болон Онон, Хэрлэн, в горах Хангайских, Хэнтийских и Алтайских хребтов и в горах Гоби и Алтая. В районах Хангайских и Хэнтийских хребтов известны могильники со 100 и 300 погребениями, а также и большие курганы хуннской аристократии, что подтверждает основное место обитания Хунну в бассейнах рек Хэрлэн, Орхон и Сэлэнгэ (Батсайхан, 2015, с. 191).

А. Очир, совершая раскопки крестовидных сооружений Талын-гурван-хэрэм, пришел к выводу о сакральном назначении памятников этого типа в хуннское время. Развалины поблизости Улаан хэрэм киданьского периода в сомоне Баяннуур Булганского аймака также были отнесены к хуннскому периоду (Очир А., 2017б).

Предварительные результаты раскопок на городище Тэрэлжийн дурвулжин позволяют выдвинуть гипотезу, что жили там недолго, или поселение было местом для проведения культовых обрядов сезонного характера. Большое количество найденных концевых дисков с тамгами свидетельствуют, что Тэрэлжийн дурвулжин (городище, поминальный памятник) возведен для хуннской знати высокого ранга, которым принадлежала тамга.

Ц. Эгиймаа считал, что в отличие от Тэрэлжийн дурвулжина, в Гуа доведены обнаружены гранитные основания столбов. Исходя из этого факта, а также из данных отчёта Х. Пэрлээ, можно сделать вывод, что городище имело красивые ворота с двухскатной крышей, с 16 деревянными колоннами, установленными на гранитных основаниях. Остатки 3 крупных зданий, обнаруженных вне городских стен, позволяют выдвинуть гипотезу, что резиденция имела утрамбованный пол из серой глины, большие деревянные столбы с гранитными основаниями и, конечно же, красивую черепичную кровлю. Сам памятник при этом не служил местом для проведения культовых обрядов (Эгиймаа, 2019).

На основе находок, которые были обнаружены в погребении индоевропейца в урочище Дуурлиг нарс Корейские, исследователи сделали вывод о том, что в обществе Хунну отмечаются классовые и сословные отличия, а европеоидные погребения говорят о многонациональности империи Хунну (Ким Ги-жон, 2011).

Погребение № 5 в Дуурлиг нарс имело дромос, который не направлялся в погребальную яму. В яме, обнаруженной под насыпью размерами 11 × 8 м, находок было немного и отличает их небрежность изготовления. Г. Эрэгзэн считает, что «организация, структура, размер и сопровождающий инвентарь погребений хуннских аристократов различаются в соответствии с положением погребенного в обществе (титул, статус, материальное положение). Погребение № 5 наглядно иллюстрирует эти различия» (Эрэгзэн, 2015а). Однако исследователь не дает четкой характеристики организации хуннского общества. Ц. Турбат и другие считают, что 3 печати, найденные в погребении № 20 в Ноин-Уле, похожи и могут принадлежать одному племени. Печать, обнаруженная в погребении № 6, аналогична им и считается печатью господствующего рода хуннов – Люаньди. Это подтверждается тем, что отпечаток печати с кругом в центре и различными фигурами вокруг него обнаруживаются часто в погребениях хуннской аристократии (Турбат, 2012, с. 147, табл. 1). Обнаружение одинаковых печатей в одном погребении естественно, удивляют находки различных печатей в одном погребении. Что касается принадлежности одной печати к роду Люаньди можно отметить, что такие печати находят в Дабаодане в центре Китая, в памятниках

разных периодов на Алтае, Хэнтийских хребтах и на севере Монголии. Вероятнее всего печати являются разными версиями одного вида.

Ч. Ероол-Эрдэнэ и Г. Эрэгзэн исследуя сопровождающие погребения, обряд и инвентарь отмечают аналогии с погребениями аристократов государства Хань (Ерөөл-Эрдэнэ, 2012а). Ч. Ероол-Эрдэнэ составил топографический план могильника в урочище Гол-модон. Ученый считает, что все могильники хуннов имеют характерные особенности. Некоторые памятники расположены недалеко друг от друга (на определенной дистанции) в одном урочище, что может говорить о принадлежности погребенных к различным родам или слоям в обществе Хунну. При дальнейших исследованиях необходимо определять сроки использования могильника с погребением хуннского аристократа, связь этого захоронения и сопровождающих погребений, родственные связи погребенных и время совершения погребального обряда (Ерөөл-Эрдэнэ, 2018).

С.В. Данилов считал, что в хуннском обществе получил развитие процесс строительства стационарных укрепленных и неукрепленных поселений, связанный с социально-политическими изменениями, происходившими в обществе кочевников, переходивших на иной, более развитый уровень общественных отношений. Существование поселений и городищ с различным функциональным назначением позволяет предположить, что это был процесс неоднозначный, далекий от примитивного перерастания кочевых стойбищ в стационарные пункты (Данилов, 2011а). Также исследователь отмечал, что применение при строительстве кровли черепицы, свидетельствует о заимствовании технологии строительства у соседей — ханьцев, с которыми зафиксированы разнообразные контакты, в том числе и в архитектурно-строительном деле (Данилов, 2016). А.Л. Ивлиев и Н.Н. Крадин, изучая технологию производства плоской черепицы, желобчатой черепицы, концевого диска и фронтальной желобчатой черепицы, которые были обнаружены при раскопках в урочище Тэрэлжийн Дурволжин, пришли к выводу, что технология производства строительных материалов в Тэрэлжийн Дурволжин было заимствовано из Западного Хань. Следует отметить, что такая датировка

соответствует полученной в ходе раскопок калиброванной (intCal13) радиоуглеродной даты (355–47 гг. до н.э.) (Ивлиев, 2018).

Когда Корейский исследователь Йунь Хйонвонь сравнивая греческое серебряное изделие с фигурами обнаженных мужчины и женщины, ковёр, вязанные изделия, каменный кулон в виде фиги, повозку, лакированные изделия, конскую упряжь, асессуары пояса, украшения гробницы в виде цветков и другие, обнаруженные в погребениях в урочищах Ноён уул, Гол мод, Бага газрын чулуу и Дуурлиг нарс, с известными материалами других стран приходит к выводу, что они присходят из Египета, Греции, Персии, Средней Азии, Китая, Наннана и Шилы. Он писал, что Хунну предпочитали торговлю, чем налог в захваченных ими странах. Международная сеть, в центре которой Хунну охватывает обширную территорию с востока до запада, и показывает многосторонность и динамичность кочевой культуры (Йунь, 2015).

Фиксация хуннских памятников в одном регионе или аймаке и определение общего числа памятников является в последние годы наиболее правильным методическим решением. Выявление новых хуннских комплексов, составление подробных топографических планов, исследования с применением новейших методов естественных наук является главной задачей современных археологических работ. Активизация горнорудных работ в стране в последние годы ставит задачу проведения масштабных охранных раскопок.

Исследованием хуннских памятников на территории Монголии занимались *Монголо-Французские исследовательские группы*. Экспедиция, которую вначале возглавлял П.Х. Жискард с французской стороны и З. Батсайханом с монгольской стороны, затем была возглавлена Ц. Турбатом, стала первой совместной экспедицией с зарубежным государством. Были произведены раскопки 84 хуннских курганов с 1994 по 1999 год в урочище Бурхан толгой в долине реки Эг. Была использована методика исследования памятника по всей площади, по слоям с обязательной фиксацией особенностей стратиграфии, расположение погребений и предметов фиксировалось с помощью GPS. Кроме того, некоторые находки, обнаруженные при раскопках, посылали в реставрационные лаборатории

Франции, были взяты пробы на радиоуглеродный анализ для датировки комплекса, впервые кости погребенных из хуннских памятников Монголии были взяты на палеогенетический анализ. Данная экспедиция возобновила свою работу через 14 лет. С 2013 по 2015 год были проведены раскопки 31 небольших курганов в Тамирын улаан хошуу, а также раскопки 115 рядовых небольших курганов в Эгийн голе и Тамирын улаан хошуу.

С 2000 по 2005 год Монголо-Французскую экспедицию с монгольской стороны возглавлял сначала Д. Эрдэнэбаатар, а затем Ч. Еруул-Эрдэнэ. Впервые были проведены совместные раскопки 2 больших курганов хуннской аристократии и 4 небольших курганов в урочище Гол мод в сомоне Хайрхан Архангайского аймака. В ходе работ было обнаружено много новых и уникальных предметов, найденных впервые. По результатам исследований были сделаны многочисленные реконструкции, например, был реконструирован экипаж, сопровождающий погребение хуннского аристократа. Таким образом, 2 Монголо-Французские исследовательские группы произвели исследование 2 больших курганов хуннской знати и 119 небольших курганных насыпей на 3 территориях 2 аймаков.

С 1994 по 2016 год работали 4 экспедиции в рамках *Монголо-Американских проектов*. Экспедиция во главе с У. Ханичёрчом и Ч. Амартувшином проводила археологические раскопки 10 небольших курганов в долине реки Эг с 1994 по 2000 год; 32 курганов в Бага газрын чулуу с 2003 по 2009 год; 1 кургана в Сэруун цагаан и 2 – в Хух хаде в 2014 году; 3 курганов на горе Дэлгэрхаан в 2015 году. В результате было исследовано 48 курганов. Исследовательская группа проекта «Долина Хануя» во главе с Ф. Аллардом и Б. Миллером и Д. Эрдэнэбаатаром проводила раскопки 28 курганов в Балгасан тале с 2001 по 2004 год. А экспедиция, финансируемая «Silk road foundation» и во главе с Э. Давидом и З. Батсайханом, проводила раскопки 5 небольших курганов в Тамирын улаан хошуу в 2005 году. Группа исследователей в рамках проекта «Ховд» во главе с Б. Миллером и Ж. Баярсайханом и Ц. Эгиймаа проводили раскопки 1 большого кургана – захоронение представителя хуннской знати и 7 сопровождающих

курганов, а также 8 небольших курганов в Хаалгатын завсаре Ховдосского аймака. Кроме того, были проведены раскопки 15 небольших курганов в урочище Шомбуузын бэлчир в сомоне Мунххайрхан Ховдосского аймака. Таким образом, 4 Монголо-Американские экспедиции исследовали 111 небольших курганов и по 1 кургану в 6 областях 4 аймаков Монголии. В курганах в Бага газрын чулуу были обнаружены подвески из камня с образом древнегреческого бога «Бес», подвеска в виде «кукиша» и др. Более 20 уникальных предметов, найденных в хуннских погребальных комплексах, свидетельствуют о различных формах отношений Хунну с западными странами. Кроме того, в одном из сопровождающих погребений в Балгасан тале были найдены более 40 таранных костей с изображениями фигур тавро (клеймо), при раскопках в Ховдосском аймаке было обнаружено много предметов, которые характеризуют некоторые особенности материальной культуры в западных районах расселения Хунну.

Основной задачей проведения археологических работ Монголо-Американской экспедицией было проведение разведочного обследования различных районов Монголии и в бассейне реки Эг, фиксация и составление топографических планов, обнаруженных памятников по GPS. Исследователь из Америки В. Ханичерч начал совместные работы с монгольскими учеными в начале 1990 годов. Вместе с ним работали З. Батсайхан и другие. Также в составе совместной экспедиции в долине реки Эг, на севере Монголии и в урочище Бага газрын чулуу в районе Гоби работал Ч. Амартувшин. Сегодня этой экспедицией проводятся археологические раскопки в горах Дэлгэрхаан на востоке Монголии. Монгольская сторона поддерживает работу совместной Монголо-Американской экспедиции, так как планируемые работы продолжают и дополняют археологические исследования по Хунну. Монголо-Американские экспедиции во главе с Ф. Аллардом и Д. Эрдэнэбаатаром, экспедиция во главе с Батсайханом и Э. Давидом (были профинансированы фондом «Шелкового пути») и экспедиция во главе с Б. Миллером и Ж. Баярсайханом проводят плановые исследования хуннских памятников. Отряд под руководством Ч. Амартувшина и У. Ханичёрча работает над обнаруживанием и фиксацией археологических памятников

Монголии всех времен. В результате плановых работ совместной экспедиции были раскопаны 68 небольших курганов, 1 большой курган хуннской аристократии, а в рамках в других исследований еще 48 небольших курганов.

Работа *Монголо-Корейской экспедиции* началась с реализации проекта «Мон-Сол», вначале были проведены раскопки 5 рядовых хуннских курганов в Морин толгой, Худгийн толгой в 2000 и 2001 годах. На памятниках в 2001 году впервые в Монголии были проведены геофизические и магнитные исследования хуннского могильника. С 2006 по 2008 год экспедицией во главе с Юн Хёнвона и с Г. Эрэгзэном проводились раскопки 2 курганов, принадлежавших хуннской знати, а также 2 малых курганов в Дуурлиг нарсан в Хэнтэйском аймаке. При раскопках были обнаружены уникальные предметы – изделия из яшмы и целый экипаж. Эти раскопки отличались тем, что они положили начало исследованию археологических памятников Хунну в восточной части страны. Кроме того, Монголо-Корейская группа в рамках «Проекта по охране культурного наследия» проводила раскопки хуннских курганов Гов-Алтайском и Хэнтэйском аймаках в 2014 и 2016 годах. Таким образом, с 2000 по 2016 год археологические Монголо-Корейские экспедиции проводили раскопки 2 больших курганов, принадлежащих хуннской аристократии и 13 небольших курганов в 5 могильниках. 5 курганов в урочищах Морин толгой и Худгийн толгой были раскопаны в рамках планового изучения археологических памятников всех времен, то есть вне исследований по Хунну. А 3 погребения с дромосами и 6 погребений с кольцеобразными насыпями в урочище Дуурлиг нарсан, 2 погребения с кольцеобразными насыпями в урочище Чихэртийн зоо были исследованы по намеченному плану изучения хуннских погребений.

С 2013 по 2016 год *Монголо-Корейская экспедиция* работала в урочище Гуа дова, с 2014 до 2019 Монголо-Китайская экспедиция – в Талын гурван хэрэме. Кроме того, монгольские археологи и сегодня обнаруживают городища и поселения, относящиеся к хуннскому периоду. Возобновление исследований поселенческих комплексов привело к появлению двух мнений об интерпретации крепостнообразных сооружений – летний дворец шаньюя или сакральное место. В

результате широкомасштабных исследований появились новые выводы о предназначениях памятников, установлено, что некоторые поселенческие памятники относятся к хуннскому периоду и тем самым определилось число крепостнообразных сооружений, которые относятся к хуннскому периоду.

В последнее десятилетие *Монголо-Японская экспедиция* проводит исследования по изучению ремесел у монголов, уже достигнуты определенные успехи, были обнаружены и проведены рекогносцировочные раскопки в верховьях реки Хэрлэн уникального памятника, на котором были зафиксированы следы выплавки железной руды и дальнейшей обработки железа. Исследователи в рамках этого проекта сделали выводы о том, что обработка железной руды и производство железных изделий происходила в Хунну по центрально-азиатскому образцу и, хотя они обменивались товарами широкого потребления с государством Хань, тем не менее, имели самостоятельное производство стратегически важного продукта (металла) (Ишцэрэн, 2014, с. 257). Большинство исследователей считают, что керамика, типичная для населения Хунну, основывается на местных традициях и отличается от глиняной посуды оседлого Китая по технологии производства, инструментам, используемым при изготовлении, по форме и орнаментации.

В последнее десятилетие в результате интенсивного исследования хуннских памятников, производства керамических изделий, обработки железной руды, изделий из дерева и кожи были сделаны определенные выводы о развитии хуннской производственной технологии, хозяйстве, становлении и развитию общества и внешним связям Хунну:

- хунны самостоятельно производили стратегически важные продукты;
- хунны изготавливали искусные копии изделий из государства Хань (зеркала, украшения, черепицу, посуду);
- производство керамических изделий имеет традиции северного Китая и южного Хунну.

В связи с развитием горнорудных работ на 40% территории Монголии были проведены разведочные археологические исследования. Если к этому добавить

уже обнаруженные и исследованные памятники то 80% территории страны уже охвачены археологическими исследованиями, что является фундаментальной базой для дальнейших работ.

Монголо–Китайской экспедицией было обнаружено хуннское погребение во время раскопок памятников поздних кочевников. 14 сопровождающих курганов были исследованы Монголо–Германской экспедицией в рамках проекта «Долина реки Орхон», при исследовании памятников кочевников на берегу реки Орхон. Монголо-Японской экспедицией в рамках проекта «История производства древних кочевников» и Монголо-Монакской экспедицией в рамках проекта «Северный Тамир-Хануй» были проведены раскопки 23 малых курганов. Многочисленные исследования, проведенные в Монголии совместно с международными экспедициями, дали большой материал для изучения истории становления и развития, быта и материальной культуры Хунну, которая была практически однородна на огромных пространствах.

С 2006 по 2015 год в Монголо-Российской экспедиции работали 2 исследовательские группы. С 2006 года эту экспедицию возглавляет Д. Цэвээндорж и Н.В. Полосьмак. Были произведены раскопки 4 больших и 2 малых курганов, в которых обнаружили артефакты, аналогичные находкам в горах Ноён, а также серебряные чеканы с изображениями древнегреческих богов. Подобные артефакты иллюстрируют разнообразные внешние и торговые отношения Хунну. Работы этой экспедиции были особенно важны, так как проводились они в горах Ноён 50 лет спустя после прекращения раскопок в 1956 году. В 2010 году Центрально-Азиатская археологическая экспедиция под руководством Д. Эрдэнэбаатара и А.А. Ковалева из СПбГУ проводили раскопки в урочище Хух-узуурын-дугуй в сомоне Булган Ховдосского аймака. Результатом исследований стало получение новых материалов и артефактов, особенно важных для изучения погребений хуннской знати в западной части Хунну. Здесь были найдены бронзовые ваза, чайник, котел и др. Монголо-Российская экспедиция провела раскопки 4 больших курганов с дромосами и 3 курганов с кольцеобразными насыпями на 2 территориях 2 аймаков. Плановые раскопки 4

погребений с дромосом и 2 сопровождающих погребений производились под руководством Д. Цэвээндоржа и Н.В. Полосьмак в рамках Монголо-Российского проекта.

Монгольские экспедиции. З. Батсайхан с начала 1990-х годов работал в Институте истории Монгольской академии наук и в МоГУ. Со второй половины 1990 до 2006 года он самостоятельно произвел раскопки более 30 курганов на горе Дэлгэрхаан Сухбаатарского аймака; на горе Дуулга Хэнтэйского аймака; в Тамирын улаан хошуу Архангайского аймака и в урочище Мухдагийн ам Булганского аймака. Однако были опубликованы материалы только 3 курганов на горе Дэлгэрхаан. О памятниках, исследованных в Тамирын улаан хошуу, написал Д. Хатанбаатар, а о курганах в Мухдагийн ам – С. Бат-Эрдэнэ. Из публикаций следует, что могильник на горе Дэлгэрхаан отличается большими размерами от подобных памятников, обнаруженных в степной зоне. Из наиболее ярких находок выделяется доска гроба с рельефными узорами, остальной инвентарь аналогичен находкам в исследованных курганах на других территориях.

Ц. Турбат организовал производственную практику студентов-историков МоГУ и в составе экспедиций, организованных институтом археологии, проводил раскопки 4 хуннских курганов в урочище Авын хух уул в сомоне Булган Ховдосского аймака и в Тамирын улаан хошуу. Среди находок, обнаруженных в курганах в Авын хух уул, была уникальная костяная накладка с изображением оседланного коня, что является самым ранним изображением седла. Кроме того, он обнаружил хуннские курганы в рамках археологических исследований по проекту «Исторические и культурные памятники в монгольском Алтае-2», была произведена топографическая съемка и регистрация памятников. С 2006 года исследовательская группа из Улаанбаатарского университета во главе с Д. Эрдэнэбаатаром в рамках производственной практики студентов проводили раскопки небольших курганных насыпей Балгасан тал, а в 2011 году при национальном финансировании начали раскопки одного большого кургана хуннской знати. Несмотря на то, что памятник был ограблен в древности, была собрана богатая коллекция археологических артефактов – древнеримская

стеклянная пиала; элементы конструкции экипажа; золотые и серебряные изделия; украшения и поделки из драгоценных и полудрагоценных камней и множество других предметов из глины, кости, железа. Этот памятник сегодня является самым большим из исследованных монгольскими археологами на государственные средства.

С. Улзийбаяр руководил археологическими исследованиями 31 кургана на горе Угомор Сэлэнгийского аймака; в Салхитын аме Хувсгулского аймака и в других местах работ экспедиций, организованных МоГУ и Институтом истории Монгольской академии наук с 2006 года. Из исследованных памятников работы в Салхитын аме являются самыми полными и значительными по полученным материалам и научным результатам после раскопок хуннских курганов в Бурхан толгое в долине реки Эг. При раскопках в Салхитын ам была собрана богатая коллекция археологических находок, в основном аналогичных находкам из других хуннских памятников. Среди особенностей инвентаря и погребального обряда в исследованных курганах была отмечена западная ориентировка погребенных и наличие костей коня в некоторых курганах. В 2014 году Л. Эрдэнэболд, Д. Ванчигдаш, Д. Хатанбаатар и другие археологи из МоГУ проводили раскопки хуннских курганов в рамках программы по изучению археологических памятников в долине реки Туул. Было раскопано 10 хуннских курганов в Бишрэлтийн аме неподалеку от Улаанбаатара и в Зурхийн узуур в Булганском аймаке.

Г. Эрэгзэн, работая в Монголо-Корейской экспедиции, руководил раскопками погребений хуннской знати в могильнике в Дуурлиг нарсе, начинает исследовать хуннские памятники только восточной части расселения Хунну. В 2016 году он организовал разведку в Хэнтэйском аймаке и провел составление топографических планов и регистрацию хуннских погребальных памятников. Из самостоятельно проведенных монгольскими учеными исследований можно отметить работу экспедиции «По следам хуннской истории и культуры» под руководством С. Олзийбаяра, в рамках которой были проведены раскопки 27 небольших курганов на одном могильнике. Кроме того экспедиция под

руководством Д. Эрдэнэбаатара впервые самостоятельно закончила раскопки погребения хуннского аристократа в Монголии. Раскопки 36 погребений в урочищах Бишрэлтийн ам, Зурхийн узуур, Элст-ар в рамках реализации проекта «Исследование истории и культуры в бассейне реки Туул» под руководством Д. Эрдэнэболда из МоГУ проводились по намеченному плану изучения хуннских погребальных памятников. Вместе с тем хуннские погребения, раскопанные во время производственной практики студентов из университета под руководством З. Батсайхана, Д. Эрдэнэбаатара и Ц. Турбата также были плановыми работами по исследованию древней истории Монголии.

Таким образом монгольские археологи провели археологические исследования 96 небольших курганных насыпи и одного большого кургана хуннской аристократии.

Благодаря академическим исследованиям монгольских археологов с 1990 года были обнаружены около 2370 хуннских курганных погребальных памятников по материалам археологических разведок в 31 местности 9 аймаков и городов. Были проведены раскопки 80 малых и 1 большого кургана. Полученные материалы, в том числе описания 53 предметов, были подробно опубликованы.

Методика проведения археологических раскопок исследователей из СССР и России продолжают играть значительную роль в современных исследованиях хуннской археологии Монголии, что объясняется еще и тем, что монгольские археологи Д. Цэвээндорж, Г. Мэнэс и другие получили образование и были подготовлены в СССР, а практикуемую ими методику унаследовали и продолжают и развивают современные монгольские ученые – З. Батсайхан, Д. Эрдэнэбаатар и Ц. Турбат, учителями которых были С. Улзийбаяр, Ч. Еруул-Эрдэнэ и Г. Эрэгзэн, а Л. Эрдэнэболд получил российское образование.

Монгольские археологи проводили археологические аварийные раскопки на территории рудника на горе Чандмань хар в Восточногобийском аймаке, в урочище Улаан шивэр Центрального аймака и на бытовых площадях частных лиц вблизи столицы. Работы были проведены в 4 районах, где исследовано 59 курганов. Исследование древних памятников в этих районах имеет большое

значение, так как они располагаются в монгольском восточном гобийско-степном районе. Найденные предметы несколько выделяются в коллекции хуннских древностей. Все аварийные раскопки хуннских погребений проводились вне плановых исследований, были ограничены по времени проведения, отсюда и некоторое отступление от принятых методик.

Итак, с 1990 года монгольскими археологами при проведении академических и аварийных раскопок и исследований было обнаружено около 2430 хуннских погребений в 35 местностях 10 аймаков и городов и проведены раскопки 139 малых курганов и одного большого кургана хуннского аристократа. Из полученных результатов исследований были подробно опубликованы материалы 112 курганов. Среди найденных артефактов уникальной является находка накладки на лук с изображением оседланного коня, обнаруженная в погребении в горе Авын хух, которая говорит о первом использовании седла хуннским населением. Кроме того, стеклянная чаша, аналогичная римским, найденная в погребении в Балгасан тале подтверждает активные внешние контакты хуннов. Раскопки и исследования, проведенные под руководством С. Улзийбаяра с 2010 по 2013 год в Салхитын аме, отличаются тем, что они стали первыми полными и самостоятельными исследованиями хуннского могильника. В исследованных курганах были обнаружены многочисленные целые костяки коней, а также отмечено предпочтение определенной ориентировки погребенных отличающейся от памятников других районов Монголии. Кроме того, в 2016 году Г. Эрэгзэн начал проводить обязательную регистрацию хуннских памятников, составление топографических планов, что стало особенно важным в планировании дальнейших исследований хуннских комплексов.

В современных исследованиях хуннской археологии Монголии широко используются новейшие достижения и методики технических и естественных наук (приборы GPS, дроны для аэросъемки, геофизикоэлектронные и магнитные приборы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1920-е годы раскопки хуннских археологических памятников в Монголии начались случайно, в 1950-е годы была развернута работа по признанию археологических памятников Хунну, определения общих черт в погребальном обряде и инвентаре. В 1960-х годах стали появляться первые публикации по результатам исследований. В конце 1980-х годов, анализируя материалы археологических раскопок хуннских памятников в Монголии, стали появляться исследования по организации и общественным отношениям Хунну. С начала 1990 года начинают проводиться плановые долговременные археологические исследования на больших комплексах (Монголо-Корейская совместная экспедиция на востоке, Монголо-Американская экспедиция на западе). Проводятся исследования по определенным направлениям (Монголо-Японская экспедиция по изучению печей для плавки железных руд и обжига керамических изделий).

Сегодня в Монголии обнаружено более 10 000 погребений и могильников, на 600 были произведены археологические раскопки. Материалы раскопок 1960–1980 годов практически не опубликованы. Информация о памятниках, раскопанных после 1990 годов опубликована. Однако до сих пор нет тщательного анализа публикаций, особенно материалов малых курганов. Накопление и анализ результатов исследований малых курганов позволит дополнить исследования по реконструкции общественных и экономических отношений хуннского общества, административному устройству и внешним связям. Общеизвестно, что на организацию погребений хуннской аристократии влияла Ханьская культура, необходимо их дальнейшее исследование, чтобы нужно выявить различия и показать особенности культурных отношений в дальнейшем. На основе материалов из хуннских погребений в Монголии с 2000 года проводятся антропологические исследования. Выводы о том, что Хунну были гетерогенными, необходимо дополнять и тщательно проверять, для этого проводить длительные и полные исследования хуннских комплексов и сбор лабораторных анализов на

новом научном уровне. Сегодня еще рано делать обобщающие заключения по данному направлению.

Исследования поселенческих памятников Хуннов в Монголии имеет большое значение в изучении быта и оседлого образа жизни в степи. В последние годы отмечается активное изучение хуннских поселенческих памятников, выдвигаются разные гипотезы по вопросам организации хозяйственной жизни, особенностям архитектуры поселений и укрепленных городищ. Однако многие спорные вопросы остаются нерешенными. До сих пор не произведены полные раскопки ни одного поселенческого комплекса.

В настоящее время в публикациях по генезису Хуннов существуют три точки зрения: хунны восходят к ордосской культуре (восток), к скифо-сибирской культуре (запад) и к культуре «плиточных могил» (центральные районы Монголии, откуда распространилась хуннская культура). Однако критерии и признаки этих мнений различные. Сторонники двух первых основываются на анализе и типологии изделий, а последние – на отличиях погребального обряда и инвентаря.

Автор данного исследования считает, что все точки зрения верны, однако преобладающее мнение – основным критерием является идеология, обычи и верования, характерные для хуннского общества. Это неоднократно подтверждалось совпадением основных признаков в материалах из хуннских памятников. Наиболее важным направлением исследований сегодня становится научный отбор антропологического и генетического материалов для исследований по генезису хуннов.

Результаты многочисленных исследований и публикаций в последние годы показывают, что ремесло по выплавке и обработке металла, гончарство и кустарные промыслы требовали оседлого образа жизни и играли большую роль и значение в хозяйственной жизни населения державы Хунну. Ученые археологи стали обращать внимание на технологии изготовления и организацию процесса производства. В исследованиях древней истории Хунну Монголии редко встречаются сведения о слое кузнецов, плотников и ткачей, которые по роду

занятий должны были вести оседлый образ жизни. В последнее время исследования по хуннскому производству, особенно по обработке металлов проводится интенсивно и достигли определенных успехов. Произведены работы по реконструкции технологии обработки железной руды, определены инструменты кузнечного дела, особенности изготовления оружия, конской упряжи и других изделий из металла, обнаруженных в раскопанных хуннских памятниках. Необходимо продолжить изучение памятников, связанных с кузнечным делом и активизировать экспериментальные работы.

Исследования по составу стада в обществе Хунну, по процентному соотношению видов животных также требует дальнейшего развития и увеличения археологических исследований хуннских памятников на высоком научном и методическом уровне.

Исследования по общественному строю Хунну проводятся на основе анализа письменных источников и материалов памятников в Забайкалье. Изучение материалов памятников Хунну, обнаруженных в Монголии, которая является родиной северных хуннов, необходимо продолжать в полном и многостороннем объеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ****Институт Истории и Археологии МАН**

1. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 38. Монгол-Унгарын хамтарсан археологийн хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан. УБ., 1987.
2. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 43. 1990 оны Монгол-Унгар-Зөвлөлтийн хуннугийн дурсгал судлах ангийн тайлан. УБ., 1991.
3. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 56. 1990 онд Чингис хааны булшийг хайх «Гурван гол» Монгол, Японы хамтарсан төслийн хүрээнд явуулсан археологийн хайгуулын тайлан. УБ., 1990. 199 с.
4. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 60. Монгол-Японы хамтарсан «Гурван гол» төслийн 1991 оны ажлын тайлан. УБ., 1991. 179 с.
5. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 26. 1992 од Булган аймагт ажилласан Эгийн голын экспедицийн тайлан. I хэсэг. УБ., 1993.
6. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 67. 1993 онд Булган аймагт ажилласан Сэлэнгийн экспедицийн тайлан . УБ., 1993.
7. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 69. Сэлэнгийн экспедицийн тайлан. УБ., 1994.
8. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 116. Монгол-Францын хамтарсан экспедици Архангай аймгийн Гол-Мод хэмээх газар ажилласан тайлан. УБ., 2004. 47 с.
9. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 144. Монгол-Солонгосын хамтарсан Хээрийн шинжилгээний анги Хэнтий аймгийн Баян адарга сумын нутаг Дуурлиг нарсанд хийсэн археологийн судалгааны ажлын товч тайлан. УБ., 2007. 29 с.
10. РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 7. Ед. хр. 3. «Хүннүгийн түүх соёлын мөрөөр» экспедицийн тайлан. УБ., 2011. 110 с.

11. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 237. Сүхбаатар аймгийн Түвшинширээ сумын нутаг Дэлгэрхаан уул: Монгол-Амеркийн хамтарсан «Дорнод Монгол:Археологийн хайгуул судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан. УБ., 2013. 39 с.

12. РФ ИИА МАН. ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 250. Монгол Солонгосын хамтарсан «Соёлын өвийг судалж хамгаалах» төслийн 2014 оны хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан. УБ., 2014. 89 с.

13. РФ ИИА МАН. «Эгийн голын туух, археологийн дурсгалуудыг авран хамгаалах судалгаа» туслийн тайлан / С. Улзийбаяр, Э. Уртнасан, Б. Очир, Г. Одмагнай, Ч. Энхтуул // УБ, 2014. 210 с.

14. РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 20. Монгол-Францын хамтарсан «Тамир» төслийн хээрийн шинжилгээний ангийн 2015 оны ажлын тайлан. УБ., 2015. 116 С.

15. РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 24. Архангай, Говь-Алтай, Завхан аймгийн нутагт хийсэн хээрийн судалгааны тайлан (Хүннүгийн язгууртны булш шинээр малтахтай холбоотой урьдчилсан судалгаа” сэдэвт ажил). УБ., 2015. 32 с.

16. РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 36. Монгол-Монакогийн хамтарсан «Хойд Тамир-Хунуй» төслийн хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан. УБ., 2015. С. 82 с.

17. РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 42. Төв аймгийн Баянцагаан сумын нутаг «Чихэртийн зоо» хэмээх газар ажилласан хээрийн шинжилгээний ангийн малтлага судалгааны ажлын тайлан. УБ., 2016. 73 с.

18. РФ ИИА МАН. ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 43. Булган аймгийн Бүрэгхангай сумын нутаг Шувуутайн хэрмийн дурсгалт газар ажилласан хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан. УБ., 2016. 39 с.

Монгольский Государственный Университет

19. РФ КАА МоГУ. «Умард Монгол» төслийн тайлан. УБ., 2009.

20. РФ КАА МоГУ. 2009 оны МУИС-ын Археологи-Антропологийн тэнхимийн дадлагын тайлан. УБ., 2009.

Монгольский Национальный Исторический Музей

21. Библиотека МНИМ. А. Очир, Л. Эрдэнэболд, Ц. Одбаатар, Б. Анхбаяр, Н. Хатанбаатар. Монгол, БНХАУ-н хамтарсан археологийн малтлага судалгааны Монголын талын урьдчилсан тайлан. УБ., 2008.

Международный Институт исследования кочевнической цивилизации

22. РФ МИИКЦ. Тэрэлжийн дөрвөлжин балгасны археологийн малтлага судалгааны 2015 оны ажлын тайлан. УБ., 2015. 120 с.

Монгольский Научно-Технологический Государственный Университет

23. Лаборатори археологии МНТГУ. Булган аймгийн Дашинчилэн сумын нутаг Элст ар, Мөсөнгийн хүрэмд явуулсан археологийн малтлага судалгааны ажлын тайлан. УБ., 2012. 54 с.

24. Лаборатори археологии МНТГУ. Булган аймгийн Дашинчилэн сумын нутаг Элст-Ар. Археологийн хээрийн судалгааны тайлан. УБ., 2012. 52 с.

Центр культурного наследия Монголии

25. Фонд ЦКН. Монгол-Америкийн хамтарсан «Монголын Өмнөд говийн бүсийн хайгуул судалгаа» төслийн танилцуулга.

26. Фонд ЦКН. Монгол-Америкийн хамтарсан «Дорнод Монгол: Археологийн хайгуул судалгаа» төслийн танилцуулга.

27. Фонд ЦКН . Мон-Сол төслийн танилцуулга.

28. Фонд ЦКН. Монгол-Оросын хамтарсан «Монголын умард хэсэгт орших Ноён уулын булшны археологийн судалгаа» төслийн танилцуулга.

29. Фонд ЦКН. Монгол-Японы хамтарсан «Монголын төмөрлөгийн түүх» төслийн танилцуулга.

Монгольский центральный государственный архив

30. МЦГА ф. 23. оп. 2 Ед.хр. 378. Монгол-Венгериийн хамтран ажиллах төлөвлөгөө.

31. МЦГА ф. 23 оп. 2. Ед.хр. 406. Монгол-Венгериийн хамтран ажиллах тухай.

32. МЦГА ф. 23 оп. 2. Ед.хр. 406. Монгол-Венгериийн хамтран ажиллах тухай. Монгол-Венгериийн хамтран ажиллах гэрээ, тайлан. МЦГА ф. 23. оп. 2. Ед.хр. 428.

ЛИТЕРАТУРА

33. Амартүвшин, 2003. Долоодын Нарийны амны хүннү булш / Ч. Амартүвшин // SA. Т. XXXIII, fasc, 10. УБ, 2003. С. 157–164.
34. Амартүвшин, 2009. Мангасын хүрээ хэмээх нэгэн шороон хэрмийн тухай / Ч. Амартүвшин, Ж. Гантулга, Д. Гарамжав // АН. Т. 10, fasc. 5. УБ, 2009. С. 36–38.
35. Амартүвшин, 2010а. Хунну булшны судалгаа. Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: Бага газрын чулуу / Ч. Амартүвшин, П. Хатанбаатар // SA. Том. (VII)XXVII. УБ, 2010. С. 202–296.
36. Амартүвшин, 2010б. О крепости с защитным валом, инемумым Мангасын хурээ / Ч.Амартүвшин, Ж.Гантулга, Д.Гарамжав // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ, 2010. С. 181–182.
37. Амартүвшин, 2012а. Бага газрын чулууны хүннү булшнаас илэрсэн шавар сав суулга / Ч. Амартүвшин, Г. Галдан // Studia Archaeologica. Том. XXXII, fasc. 8. УБ., 2012. С. 122–135.
38. Амартүвшин, 2012б. Хустын Булагийн дурсгалт газарт илэрсэн төмрийн хүдэр хайлуулах болон ваар шатаах зуухны он цагийн асуудалд / Ч. Амартүвшин, Т. Сасада, Г. Эрэгзэн, И. Усуки, Л. Ишцэрэн // SA. Т. XXXII, fasc. 13. УБ, 2012. С. 213–228.
39. Амартүвшин, 2013. Монгол-Японы хамтарсан «Монголын төмөрлөгийн туух» туслийн хээрийн шинжилгээний урьдчилсан ур дун / Ч. Амартүвшин, Г. Эрэгзэн, Л. Ишцэрэн // Монголын археологи, 2012. УБ, 2013. С. 53–61.
40. Амартүвшин, 2014. Монгол-Японы хамтарсан «Монголын төмөрлөгийн туух» туслийн 2013 онд хийсэн хээрийн шинжилгээний урьдчилсан ур дун / Ч. Амартүвшин, Г. Эрэгзэн, Л. Ишцэрэн Л. // Монголын археологи, 2013. УБ, 2014. С. 48–64.

41. Амартувшин, 2015а–2014 оны Монгол-Амеркийн хамтарсан «Дорнод Монгол: Археологийн хайгуул судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний урдунгээс / Ч. Амартувшин, Г. Галдан, У. Ханичёрч, Ж. Вraith // Монголын археологи, 2014. УБ, 2015. С. 93–97.

42. Амартувшин, . Чандмань Хар Уулын археологийн дурсгал I / Ч. Амартувшин, Н. Батболд, Г. Эрэгзэн, Б. Батдалай. УБ, 2015. 347 с.

43. Амартувшин, 2015в. Монгол-Японы хамтарсан «Эртний нүүдэлчдийн үйлдвэрлэлийн түүх» төслийн 2014 оны хээрийн шинжилгээний ажлын урьдчилсан үр дүн / Ч. Амартувшин, Г. Эрэгзэн, Л. Ишцэрэн, Т. Сасада, И. Усуки, К. Кияма, М. Сагава // Монголын археологи, 2014. УБ, 2015. С. 106–115.

44. Амартувшин, 2016а. Монгол-Амеркийн хамтарсан «Дорнод Монгол: Археологийн хайгуул судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний ангийн товч урдун / Ч. Амартувшин, Г. Галдан, Б. Батдалай, У. Ханичёрч, Ж. Вraith // Монголын археологи, 2015. УБ, 2016. С. 132–135.

45. Амартувшин, 2016б. Монгол-Японы хамтарсан «Эртний Монголчуудын үйлдвэрлэлийн туух» туслийн 2015 оны хээрийн судалгааны урдунгээс / Ч. Амартувшин, Г. Эрэгзэн, Л. Ишцэрэн, Г. Галдан, П. Алдармунх, М. Нямхуу, Т. Сасада, И. Усуки, Н. Сагава // Монголын археологи, 2015. УБ, 2016. С. 150–154.

46. Амартувшин, 2017а – 2016 оны Монгол-Японы хамтарсан «Эртний Монголчуудын үйлдвэрлэлийн түүх» төслийн хээрийн шинжилгээний ангийн товч үр дүн / Ч. Амартувшин, Г. Эрэгзэн, Л. Ишцэрэн, Г. Галдан, П. Алдармөнх, Т. Сасада, И. Усуки // Монголын археологи, 2016. УБ, 2017. С. 175–184.

47. Амартувшин, 2017б. Сайрын балгас хэмээх нэгэн хотын тухай / Ч. Амартувшин // Тув Азийн эртний нуудэлчдийн хот суурин ОУ-ын эрдэм шинжилгээний хурлын хөтөлбөр. УБ, 2017.

48. Амартувшин, 2019а. Монгол-Японы хамтарсан «Эртний Монголчуудын үйлдвэрлэлийн түүх» төслийн хээрийн шинжилгээний ангийн 2018 оны товч үр дүн / Ч. Амартувшин, Г. Эрэгзэн, Л. Ишцэрэн, Г. Галдан, Ц.

Цэлхагарав, Т. Сасада, И. Үсүки, Т. Сагава, Х. Үчида, Т. Шёожи, Т. Янагимото, Д. Накамүра //Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 156–160.

49. Амартүвшин, 2019б. Монгол-Амеркийн хамтарсан «Дорнод Монгол: Археологийн хайгуул судалгаа» төслийн хээрийн судалгааны ангийн 2018 оны судалгааны товч үр дүн / Ч.Амартүвшин, У.Ханичёрч, З.Батсайхан, У.Эрдэнбат, Ж.Врайт, Ш.Гидеон, Д.Одсүрэн, Г.Галдан, Б.Батдалай, Б.Бөхчулуун, Д.Мандах, Д.Батзориг, А.Камерон, А.Орхонсэлэнгэ, Плэугэр, В.Вилсон, Ц.Цэлхагарав, М.Алтаншагай, С.Рамшлэг, Ж.Фэнг //Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 41–48.

50. Амоголонов, 1998. К вопросу о происхождении памятников хуннской знати / А.А. Амоголонов, И.В. Филлипова, И.В. Коновалов, С.В. Данилов //Археология и Этнография Сибири и Дальнего востока: Тез. Докл. XXXVIII РАСК. Улан-Удэ, 1998. С. 39–42.

51. Андреев, 2001 – История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926) / А.И. Андреев, Т.И. Юсупова // ВИЕТ. №2. Л, 2001. С. 51–74.

52. Анхсанаа, 2019. Улаан хэрмийн Шороон бумбагарын орчимд археологийн хайгуул, судалгаа хийсэн тухай / Г. Анхсанаа, Г. Амгаланбат, Г. Мандахбаяр //Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 364–367.

53. Асеев, 1987. Погребение хуннского воина на горе Сул-толгой / И.В. Асеев, Ю.С. Худяков, Д. Цэвээндорж // АЭАМ. Новосибирск, 1987. С. 126–136.

54. Асеев, 2016. Приложение к отчету А.П. Окладникова и Д. Доржа / И.В. Асеев //Монголын археологи: хээрийн судалгааны тайлан (1975–1978 г.). Боть II. УБ., 2016. 389 с.

55. Батболд, 2011. Хүннүгийн хадны зураг / Н.Батболд //SA. Т. XXXI, fasc. 2. УБ., 2011. С. 27–28

56. Батболд, 2015а. Монгол-Солонгосын хамтарсан «Соёлын өвийг судалж, хамгаалах» төслийн үр дүнгээс / Н. Батболд //Монгол-Солонгосын түүхэн харилцааг эргэн харахуй. Монгол улс, БНСУ-ын хооронд дипломат харилцаа

тогтоосны 25 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний семинар. 2015. 03. 23. С. 101–112.

57. Батболд, 2015б. Зүрх уулын хүннү булш / Н. Батболд, Б. Дашдорж, Л. Эрдэнэбат // SA. Tom. XXXV, fasc. 22. УБ., 2015. С. 343–355.

58. Батсайхан, 1993. Умард Сюннугийн түүхэн зарим он цагийн тухай / З. Батсайхан // Монгол, Солонгос улсын хамтарсан эрдэм шинжилгээ 2. Seoul, 1993. С. 219–227.

59. Батсайхан, 1994. Сюннугийн «Кэму бичиг» тууний холбогдол / З. Батсайхан // SA. T. XIV, fasc. 7. УБ, 1994.

60. Батсайхан, 1998. Цагаан элгийн хадны зураг / З. Батсайхан, У. Эрдэнэбат, Ц. Турбат // ЭШБ МУИС. №4 (133). УБ., 1998. С. 266–279.

61. Батсайхан, 2002а. Хунну / З. Батсайхан. УБ, 2002. 291 с.

62. Батсайхан, 2002б. Тув Азийн нуудэлчдийн туухийн зарим асуудал / З. Батсайхан // МУИС-ын ЭШБ. Археологи, антропологи, угсаатан судлал. №187 (13). УБ, 2002. С. 31–35.

63. Батсайхан, 2002в. Архангай аймгийн Угийн-нуур сумын нутагт шинээр олдсон гурван хэрэм / З. Батсайхан, Ё. Баатарбилэг // МУИС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. №187 (13). УБ, 2002. С. 36–38.

64. Батсайхан, 2005а. Дорнод Монголын эрт дундад үеийн нүүдэлчид / З. Батсайхан // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. No1 (242). УБ., 2005. С. 1–14.

65. Батсайхан, 2005б–2005 онд Сэлэнгэ аймгийн нутагт археологийн судалгаа хийсэн тухай / З. Батсайхан, С. Өлзийбаяр // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. Vol. 2. No.2 (271). УБ., 2005. С. 57–66.

66. Батсайхан, 2011. Хунну ба умнуд, урнуд хуршийн харилцаа холбоо / З. Батсайхан // Хуннугийн эзэнт улс ба Монголын эртний туухийн судалгаа. Хунну эзэнт улсын 2220 жилийн ойд зориулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл. Монголын туух судлал ба шинэ судалгаа. Цуврал 4. УБ, 2011. С. 302–307.

67. Батсайхан, 2014. Тамирын улаан хошуунд хүннү булш малтсан тухай / З. Батсайхан // SA. Т. XXXIV, fasc. 17. УБ., 2014. С. 214–235.
68. Батсайхан, 2015. Хүннү гүрний аж ахуй, эдийн засаг / З. Батсайхан // Хүннү: Монголын эртний түүх. Боть I. УБ., 2015.
69. Батсуурь, 1992. Монголчуудын өлгий нутаг, гарал үүслийг генетикийн судалгаагаар мөшгөсөн нь / Ж. Батсуурь // ОУМЭ-ийн Ү их хурал. Боть III. УБ, 1992. 61 с.
70. Батсүх, 2012. Хүннүгийн эмээлт морины зураг бүхий нумын наалт / Д. Батсүх, Х. Баяр-Аривжих, Ц. Төрбат // *Studia Archaeologica*. Т. XXXII, fasc. 12. УБ., С. 202–212.
71. Батсүх, 2016. Монгол-Францын хамтарсан «Тамир» туслийн 2015 оны хээрийн судалгааны ажлын ур дунгээс / Д. Батсүх, Б. Эрдэнэ, Г. Энхбаяр, Ц. Турбат // Монголын археологи, 2015. УБ, 2016. С. 155–157.
72. Батсүрэн, 2003. Монголын эртний улсуудын нутаг дэвсгэр / Б. Батсүрэн. УБ, 2003.
73. Баттулга, 1998. Дэл уулын Баруун бэлүүний II, III бичээс / Ц. Баттулга // SA. Т. XVIII, fasc. 9. УБ, 1998. С. 109–114.
74. Бат-Эрдэнэ, 2013. Мухдагийн амны хүннү булш. *Acta Historica Mongolica* / С. Бат-Эрдэнэ. Т. XIV, fasc, 2. УБ, 2013. С. 9–16.
75. Баяр, 1977. Дуулга уулын булш / Д. Баяр // SA. Т. VII, fasc. 6. УБ, 1977. С. 60–63.
76. Баярсайхан, 2008 – Тахилтын хотгорын 64-р хүннү булшны малтлага судалгааны үр дүн / Ж.Баярсайхан, Ц.Эгиймаа //Талын Их Эзэнт Гүрэн Хүннү. Монгол Солонгосын хамтарсан судалгааны 10 жилийн ойн эрдэм шинжилгээний хурал. УБ., 2008. С. 186–201.
77. Баярсайхан, 2011. Шомбуузын бэлчир дэх хуннугийн дурсгал / Ж. Баярсайхан, Д. Эгиймаа, Браян Миллер, П.Б. Коновалов, Э. Жохенсон, М. Махичек., Ж. Логан., К. Нейли // *NHS*. Том. X, fasc. 12. УБ, 2011. С. 142–169.
78. Бернштам, 1951. Очерки истории Гуннов. / А.Н. Бернштам. Л., 1951.

79. Билэгт, 1989. Дополнительные данные к палеоантропологии Хунну Монголии / Л.Билэгт // SH. Т. XXIII, fasc. 11. УБ, 1989. С. 101–109.
80. Боровка, 1925. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиций Академии Наук / Г.И. Боровка // Краткие отчет экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925.
81. Бүгд, 1966. Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын Түүх. УБ., 1966. 722 с.
82. Ванчигдаш, 2014. Бишрэлтийн амны хүннү булшны малтлага судалгаа / Ч. Ванчигдаш, Р. Төгссайхан, Г. Анхсанаа // Археологийн судалгаа – I. Эрдэм шинжилгээний тайлан, хэлэлцүүлгийн эмхтгэл. УБ, 2014. С. 120–134.
83. Волков, 1963. Ховд аймгийн Манхан сумын нутагт эртний судлалын малтлага, хайгуул хийсэн тухай / В.В. Волков, Ц. Доржсүрэн // SA. Т. II, fasc. 5. УБ, 1963. С. 51–69.
84. Волков, 1967. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии / В.В. Волков // *Studia Archaeologica*. Tom. V, fasc. 1. УБ., 1967.
85. Гришин, 1978. Раскопки гуннских погребений у горы Дархан / Ю. Гришин // АЭМ. Новосибирск, 1978. С. 95–100.
86. Гумилев, 1960. Хунну / Л.Н. Гумилев М., 1960.
87. Гумилев, 2011. Хүннү гүрэн / Л.Н. Гумилев. Орч: Б.Даш-Ёндон. УБ., 2011.
88. Даваацэрэн, 2006. Хуннугийн бичгийн асуудалд / Б. Даваацэрэн // *Mongolian journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. 2(254). УБ, 2006. С. 60–78.
89. Давыдова, 1985. Иволгинский комплекс. Памятник хунну в Забайкалье / Давыдова. Л., 1985.
90. Дамдинсүрэн, 1972. Археологийн шинжилгээгээр олдсон Хуннугийн бичгийн дурсгал / А. Дамдинсүрэн // SA. Т. V, fasc. 8. УБ, 1972. С. 99–111.
91. Данилов, 2011а. Городища хунну Монголии и Забайкалья (к вопросу о функциональном предназначении поселенческих комплексов хунну) / С.В.

Данилов // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история Сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

92. Данилов, 2011б. Черепица из хуннского городища тэрэлжин дэрэвэлжин / С.В. Данилов, А.И. Симухин, Н.В. Цыденова // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. Сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

93. Данилов, 2016 – Города эпохи хунну на востоке Монголии / С.В. Данилов, Н.В. Именохоев, Б.З. Нанзатов, А.И. Симухин // Геоархеология, Этнология, Антропология. Т. 17. С. 74–93.

94. Дорж, 1972. Периодизация наскальных изображений монголии / Д. Дорж // ОУМЭ-ийн II их хурлын материал. I боть, УБ., 1972.

95. Дорж, 1975. Петроглифы Монголии / Д. Дорж, Э.А. Новгородова. УБ., 1975.

96. Дорж, 1984. Монгол-Зөвлөлтийн Түүх Соёлын Хамтарсан Экспедици: үр дүн, зорилт / Д.Дорж // Шинжлэх ухааны академийн мэдээ. № 3. Уланбатор, 1984.

97. Доржсүрэн, 1954. Хараагийн Ноён ууланд 1954 онд археологийн шинжилгээ хийсэн тухай. Шинжлэх ухаан сэтгүүл / Ц. Доржсүрэн. № 4. Уланбатор, 1954. С. 33–42.

98. Доржсүрэн, 1956а. Симуковын булш. / Ц. Доржсүрэн // Шинжлэх ухаан техник. № 5–6. Улан-Батор, 1956. С. 56–61.

99. Доржсүрэн, 1956б. Хойд Хуннугийн булш / Ц. Доржсүрэн // ШУХБ. № 1. УБ, 1956. С. 39–54.

100. Доржсүрэн, 1957–1955 онд Төв баруун аймгуудад археологийн шинжилгээ, хайгуулын ажил явуулсан тухай / Ц. Доржсүрэн // ШУХБ. № 2. УБ, 1957. С. 99–118.

101. Доржсүрэн, 1956–1958 онуудад Архангай аймагт археологийн шинжилгээ хийсэн нь / Ц. Доржсүрэн УБ, 1958.

102. Доржсүрэн, 1961. Умард Хунну / Ц. Доржсүрэн // *Studia Archeologica*. Т. I, fasc, 5. УБ, 1961. 111 с.

103. Доржсурэн, 1962. Раскопки могил Хунну в горах Ноин-Ула на Хуни-гол (1954–1957 гг.) / Ц. Доржсурэн // МАС. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. С. 36–44.
104. Доржсурэн, 1966. Говь-Алтайн Цагаан голын хадны зураг / Ц. Доржсурэн // *Studia grchaeologica*. Т. II, fasc, 4. УБ, 1963. С. 12–26.
105. Доржсурэн Ц. Хуннугийн шинэ суурин / Ц. Доржсурэн // ШУАМ. № 4. УБ, 1966. С. 76–77.
106. Доржсурэн, 2003. 1956–1957 онуудад Архангай аймагт археологийн шинжилгээ хийсэн нь / Ц. Доржсурэн // Сборник трудов. УБ, 2003. С. 109 – 125.
107. Доржсурэн, 2004. Умард Хунну (эртний судлалын шинжилгээ) / Ц. Доржсурэн // Сборник трудов. УБ, 2004. С. 168–280.
108. Доржсурэн, 2016а. Шинжлэх ухааны хүрээлэнгийн Түүхийн кабинетийн археологич Доржсурэн миний 1954 онд Ноён ууланд очих археологийн шинжилгээний ажлыг явуулах төлөвлөгөө / Ц.Доржсурэн // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1928–1974). Т. I, УБ., 2016. С. 81–83.
109. Доржсурэн, 2016б. Шинжлэх ухааны хүрээлэнгийн Түүхийн кабинетийн археологич Доржсурэн миний 1954 онд Ноён ууланд очих археологийн шинжилгээний ажлыг явуулах төлөвлөгөө / Ц.Доржсурэн // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1928–1974). Т. I, УБ., 2016. С. 81–83.
110. Доржсурэн, 2016в. Хараагийн Ноён ууланд археологийн шинжилгээ хийсэн тухай урьдчилсан тайлан / Ц. Доржсурэн // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1928–1974). Т. I, УБ., 2016. С. 84–91.
111. Дуурлиг, 2011. Дуурлиг нарсны хүннү булш-I. Монгол-Солонгосын хамтарсан археологийн судалгааны тайлан-5. УБ., 2011. 313 с.
112. Дуурлиг, 2015. Дуурлиг нарсны Хүннү булш-II. / Дуурлиг // Монгол-Солонгосын хамтарсан хээрийн шинжилгээний тайлан-VI. Эрх: Г. Эрэгзэн, П. Алдармөнх. УБ., 2015.

113. Дэлгэржаргал, 2005а. Монголчуудын угсаа гарвалыг нэхэн сурвалжлахуй (Доктор (Ph,D)-ын зэрэг горилсон бүтээлийн хураангуй) / П. Дэлгэржаргал. УБ, 2005. 38 с.
114. Дэлгэржаргал, 2005б. Монголчуудын угсаа гарвал / П. Дэлгэржаргал. УБ, 2005.
115. Дэлгэржаргал, 2011. Хүннүгийн угсаа гарвалын асуудалд / П. Дэлгэржаргал // Хүннүгийн түүх, соёл. УБ., 2011. С. 64–83.
116. Дэлгэржаргал, 2015. Хүннү нарын угсаа гарвал, хэл // Хүннү (Монголын эртний түүх. Боть I). УБ., 2015.
117. Елихина, 2013. Различные методы исследования находки Ноин-Улы, хранящихся в Государством Эрмитаже / Ю.И. Елихина // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К.Козлова). Международная научная конференция. 15–17 октября 2013 г., Санкт-Петербург. Тезисы докладов / Отв. Ред. К.В. Чистяков, ред.-сост. Т.И. Юсупова. СПб.: Политехника сервис, 2013.
118. Еруул-Эрдэнэ, 2008. Умард хуннугийн язгууртны нэгэн булшны судалгаа / Ч. Еруул-Эрдэнэ, Ж. Гантулга // SA. Т. (VI)XXVI, fasc. 9. УБ. 2008. С. 149–189.
119. Еруул-Эрдэнэ, 2011. Хуннугийн булшны тархацыг засаг захиргааны хуваарьтай харьцуулан нягтлах нь / Ч. Еруул-Эрдэнэ // SA. Т. XXXI, fasc. 5. УБ, 2011. С. 71–81.
120. Ерөөл-Эрдэнэ, 2012а. Хүннүгийн язгууртны оршуулгын газар дахь дагуул булш, тахилын байгууламжийн тухай / Ч. Еруул-Эрдэнэ, Г. Эрэгзэн // SA. – Т. XXXII, fasc. 10. УБ., 2012. С. 162–175.
121. Еруул-Эрдэнэ, 2012б. Монгол-Германы хамтарсан «Орхоны хөндий дахь био-археологийн судалгаа» туслийн хээрийн судалгаа / Ч. Еруул-Эрдэнэ, Ж. Гантулга // Монголын археологи, 2012. УБ, 2013. С. 72–74.
122. Еруул-Эрдэнэ, 2015. Хүннүгийн язгууртны оршуулгын дурсгалын судалгаа / Ч. Еруул-Эрдэнэ. УБ, 2015. 210 с.

123. Еруул-Эрдэнэ, 2016. Монгол-Монакогийн хамтарсан «Хойд Тамир-Хунуй» туслийн 2015 оны хээрийн судалгааны ажлын товч ур дун / Ч. Еруул-Эрдэнэ, Ж. Гантулга, Г. Лхундэв, Ж. Магай, К. Салисис // Монголын археологи, 2015. УБ, 2016. С. 58–64.

124. Ерөөл-Эрдэнэ, 2018. Гол Модны хүннүгийн язгууртны оршуулгын газрын байрлал зүйн судалгаа / Ч.Еруул-Эрдэнэ // SA. Т. XXXIV, fasc. 18. УБ., 2018. С. 236–244.

125. Ивлиев, 2018. Черепица горопища Тэрэлжин-Дэрвэлжин, Монголия (по материалам раскопок 2015 г.) / А.Л. Ивлиев, Н.Н. Крадин, С.А. Васютин // <https://cyberleninka.ru/article/n/18081953>.

126. Идэрхангай, 2012. Тамирын голын хундий Хуннугийн улс турийн тув болох нь / Т. Идэрхангай // Journal of Archeology, History and Culture. Vol. 8(7). УБ, 2012. С. 19–33.

127. Идэрхангай, 2016. Шийтэрийн тариан талбай дахь хуннугийн оршуулгын дурсгалт газрын урьдчилсан судалгааны ур дүнгээс / Т. Идэрхангай, Б. Даваацэрэн, Б. Цэнд, Б. Амгаланбат, Э. Даваахуу // УБИС-ийн сэтгуул. Дугаар 12(11). УБ, 2016. С. 27–34.

128. Ишцэрэн, 2014. Хуннугийн тумрийн худэр хайлуулах зуухны судалгааны зарим асуудал / Л. Ишцэрэн, Т. Сасада // SA. Т. XXXIV, fasc. 20. УБ, 2014. С. 253–264.

129. Ишцэрэн, 2018. Дорнод аймгийн Баяндун сумын нутагт хийсэн хайгуул судалгаа / Л. Ишцэрэн, Н. Ширайши, Т. Сасада, К. Кияма // Монголын археологи, 2017. УБ., 2018. С. 297–299.

130. Ишцэрэн, 2019. Монгол-Японы хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн УЛз голын хөндийд хийсэн археологийн хайгуул, малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс / Л. Ишцэрэн, К. Кияма, Т. Сасада, М. Сагава, М. Осава, Л. Мөнхбаяр, Ц. Амгалантөгс, Б. Эрдэнэ // Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 214–220.

131. Йүнь, 2015. Хүннүчүүдийн олон улсын сүлжээ (Археологийн хэрэглэгдэхүүнээр) / Йүнь Хйөнвөнъ // 2015 оны Монгол-Солонгосын хамтарсан эрдэм шинжилгээний хурал. УБ., 2015. С. 183–204.

132. Кан Су Ён, 2013. Монголын шаахар толгойн булшнаас илэрсэн хүний ясанд хийсэн изотопын шинжилгээ / Кан Су Ён // Монгол-Солонгосын хамтарсан судалгааны тайлан. Монголын палеоантропологиин судалгаа-I. С. 74–80.

133. Ким Ги-жон, 2011. Зүүн Монголын Хүннүгийн булшнаас олдсон хүний ясны генийн шинжилгээ / Ким Ги-жон, Ким Гён-юун // Дуурлиг нарсны Хүннү булш-I. УБ., 2011. С. 311–313.

134. Ким Жэ-хён, 2011. Дуурлиг нарсны хүннү булшнаас олдсон хүний ясны хэмжилт / Ким Жэ-хён // Дуурлиг нарсны Хүннү булш-I. УБ., 2011. С. 303–305.

135. Киселев, 1951. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев. М., 1951. 644 с.

136. Ковалев, 2010. Элитный хуннский курган Хөх үзүүрийн дугуй II-1 Булган сомоне (Ховд аймаг) и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну (предварительное сообщение) / А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар, Т. Идэрхангай // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции (Иркутск, 3–7 мая 2011 г.). Вып. 2. Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2010. С. 329–342.

137. Коновалов, 1976. Хунну в Забайкалье / П.Б. Коновалов. Улан-Удэ, 1976.

138. Коновалов, 2010. Половые исследования на хуннском некрополе Тахилтын хотгор (Монгольский Алтай, Ховд аймаг, 2007 г.) / П.Б. Коновалов, Б.К. Миллер, Ж. Баярсайхан, Ц. Эгиймаа, К. Ли, Д.А. Логан // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Сборник научных трудов. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 212–219.

139. Крадин, 2001. Хунну / Н.Н. Крадин. М., 2001.

140. Кубарев, 1986 Керамической производство хуннов Алтая / В.П. Кубарев, А.Д. Журавлева // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 101–109.
141. Кызласов, 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до. н.э.–V в. н.э.) / Л.Р. Кызласов. М, 1960. 198 с.
142. Майдар, 1976. Гэр / Д. Майдар, Л. Дарьсурэн. УБ, 1976.
143. Маманова, 1979. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии / Н.Н. Маманова // III международный конгресс Монголоведов. Уланбатор, 1979. Т.3. С. 204–210.
144. Маркс, 1940. Капитал / К.Маркс. Т. I. УБ., 1940.
145. Миняев, 2007. Дырестуйский могильник / С.С. Миняев. СПб., 2007. 232 с.
146. Монгол-Оросын, 2016. Монгол-Оросын шинжлэх ухаан, соёлын харилцаа (Сборник архивных документов). Ред: Д. Улзийбаатар, Б. Энхтүвшин, А.Н. Артизов, И.И. Кудрявцев. Т. II, УБ., 2016. 512 с.
147. Монгол, 2003. Монгол Улсын Туух. Тэргүүн боть. Ред: Д. Цэвээндорж. УБ, 2003.
148. Монгол, 2006. Монгол Улсын туух (Туух, онол арга зүйн асуудлууд) // Нэмэн засварласан хоёр дахь хэвлэл. УБ, 2006.
149. Монгол, 2011. Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи. Ред: Б. Энхтүвшин. УБ., 2011. 424 с.
150. Монголын, 2016. Монголын эртний булш оршуулгын дурсгал // Монголын археологийн өв. Т. III. УБ, 2016. 314 с.
151. Морин, 2001. Морин толгойн хуннугийн үеийн булш // Монгол-Солонгосын хамтарсан «Мон-Сол» туслийн тайлан. Сеул., 2001. 89 с.
152. Мыльников, 2017. Деревянные погребальные лежа закрытого типа гуннского времени в Монголии: по материалам могильника Салхитын ам / В.П. Мыльников, С. Улзийбаяр // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 24. № 2. Новосибирск, 2017. С. 37–41.
153. Наваан, 1975. Дорнод Монголын хүрлийн үе / Д. Наваан. УБ, 1975.

154. Наваан, 1980. Эртний Монголын түүхийн дурсгалууд / Д.Наваан. УБ., 1980.
155. Наваан, 1984. Монгол-Зувлултийн археологичдийн хамтын ажиллагаа / Д. Наваан. УБ, 1984. 72 с.
156. Наваан, 1988а. Хүннүгийн үе рүү / Д.Наваан // «Хөдөлмөр» новости. 1988.9.29. №108 (10309).
157. Наваан, 1988б. Хүннү судлал хүрээгээ тэлэх ёстой / Д. Наваан // Хөдөлмөр сонин. 1988.12.03. № 134.
158. Наваан, 1989а. Хунну судлал унуу уед / Д. Наваан // Эх орны туухийн хуудас. УБ, 1989. С. 68–70.
159. Наваан, 1989б. Хүннүгийн судлалын асуудалд / Д.Наваан // Новости Академии Наук, № 3. УБ., 1989. С. 51–61.
160. Наваан, 1989в. Хүннү судлал өнөө үед / Д.Наваан // Шинжлэх ухаан амьдрал. № 3. УБ., 1989.
161. Наваан, 1991. Амиа аргацаасан археологийн судалгаа / Д.Наваан // «Үнэн» сонин. 1991.04.09. № 66 (17902).
162. Наваан, 1997. Азийн Хүннү нарын соёл иргэншил / Д.Наваан // Төв Азийн нүүдэлчдийн соёл иргэншлийн зарим асуудалд. УБ., 1997. С. 55–67.
163. Наваан, 1999. Хуннугийн өв соёл / Д. Наваан. УБ, 1999. С. 16–22. 65 с.
164. Наваан, 2002. Хүннүгийн ховор сонин олдвор / Д .Наваан // МУИС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. № 187 (13). УБ., 2002. С. 28–30.
165. Наваан, 2005. 2003 онд хийсэн археологийн хайгуул судалгааны үр дүнгээс / Д. Наваан // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. 1(242). УБ., 2005. С. 15–27.
166. Наваан, 2018а. 1988 онд ажилласан Ховдын экспедицийн тайлан / Д. Наваан // Ховд аймагт явуулсан археологийн судалгаа. Эрх: Д. Заяабаатар. УБ., 2018. С. 83–150.
167. Наваан, 2018б. Хүннүгийн булшны үнэт шинэ олдвор / Д. Наваан // Доржпаламын Наваан. Сборник трудов . Т. 2. УБ., 2018. С. 100–106.

168. Наваан, 2018в. Хүннүгийн булш хаана байдаг? Малтаж судласан тойм / Д. Наваан // Доржпаламын Наваан. Сборник трудов. Т. 2. УБ., 2018. С. 120–121.
169. Наваан, 2018г. Чанасан мах зэс тогоотойгоо олдсон / Д. Наваан // Доржпаламын Наваан. Сборник трудов. УБ., 2018. С. 238–239.
170. Намнандорж, 1954. 1953 оны экспедицийн замын тэмдэглэл / О. Намнандорж // №1, УБ, 1954. С. 81–93.
171. Новгородова, 1984. Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984. 168 с.
172. Одбаата, 2007. Нарийний амны хүннү булш / Ц. Одбаатар // Нүүдэлчдийн өв судлал. Т. VIII, fasc. 1. УБ, 2007. С. 104–111.
173. Одбаатар, 2008. Хулхийн амны хунну булш / Ц. Одбаатар // Acta Histoica Mongolici. Т. IX, fasc. 3. УБ, 2008. С. 21–30.
174. Одбаатар, 2019. Монгол-Хятадын хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн Төв аймгийн Цээл сумын Шийтэрт явуулсан археологийн судалгааны танилцуулга / Д. Одбаатар, Б. Амгаланбат, И. Будбаяр // Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 178–183.
175. Окладников, 1980. Петроглифы Центральной Азии / А.П. Окладников. Л., 1980.
176. Окладников, 1981. Петроглифы Монголии / А.П. Окладников. Л., 1981.
177. Очир А., 2013. Сүүлийн үед шинээр олдсон эртний хэдэн балгасны тухай / А. Очир, Л. Эрдэнэболд, Э. Уртнасан // Нүүдэлчдийн өв судлал. Т. XIV, fasc. 9. УБ., 2013. С. 109–110.
178. Очир А., 2016. Монгол, БНХАУ-ын хамтарсан археологийн хээрийн шинжилгээний ажлын 2015 оны товч ур дун / А. Очир, Б. Анхбаяр, Х. Цэрэнбямба // Монголын археологи, 2015. УБ, 2016. С. 168–171.
179. Очир А., 2017а. Монгол, БНХАУ-ын хамтарсан археологийн судалгааны 2016 оны товч ур дун / А. Очир, Б. Анхбаяр, Ж. Цамбагарав, Ёнжи Чен, Ч. Саранбилэг, Пэнфей Чен // Монголын археологи, 2016. УБ, 2017. С. 171–174.

180. Очир А., 2017б. Шинэ олдсон хүннүгийн тахилын байгууламжууд /А. Очир, Чен Ён Жи, Б. Анхбаяр, Саранбилэг, Чэн Пэн Фэй, Дандар // *Nomadic Studies*. №24. Vol. 17. УБ., 2017. С. 20–61.

181. Очир А., 2019. Монгол-Хятадын хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн Архангай аймгийн Өгийнуур сумын Талын гурван хэрэмд 2018 онд малтсан судалгааны ажлын товч үр дүн / А. Очир, С. Хүрэлсүх, Г. Мандахбаяр, Чен Ён Жи, Саранбилэг, Чэн Пэн Фэй // *Монголын археологи*, 2018. УБ., 2019. С. 195–203.

182. Очир Б., 2012. Хүннүгийн түүх соёлын мөрөөр / Б. Очир // *Эрдэм сонин*. № 4. УБ., 2012. С. 8.

183. Полосьмак, 2008. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) / Н.В. Полосьмак, Е.С. Богданов, Д. Цэвэндорж, Н. Эрдэнэ-Очир // *Аархеология, этнография и антропология Евразии*. № 2 (34). Новосибирск, 2008. С. 77–87.

184. Полосьмак, 2008. «Мы выпили Сому, мы стали бессмертными...» / Н.В. Полосьмак // *Наука из первых рук*. № 3(33). 2010. С. 50–59.

185. Пэрлээ, 1952. Монголын эртний овог, аймаг, ястны түүхийг судлахад археологийн ач холбогдол / Х. Пэрлээ // *Шинжлэх ухаан*. №2. УБ, 1952. С. 40–44.

186. Пэрлээ, 1954–1951.1953 онд явуулсан археологийн шинжилгээний тухай товч мэдээ / Х. Пэрлээ // *Шинжлэх ухаан*. №2. УБ, 1954. С. 21–23.

187. Пэрлээ, 1957а. Хун нарын гурван хэрмийн үлдэц / Х. Пэрлээ. УБ, 1957. 13 с.

188. Пэрлээ, 1957б. Хэрлэн бар гэдэг эвдэрхий хотыг малтан шинжилсэн тухай / Х. Пэрлээ. УБ, 1957. 36 с.

189. Пэрлээ, 1957в. Монгол орны археологийн шинжилгээний товч тойм / Х. Пэрлээ. УБ, 1957.

190. Пэрлээ, 1960. Тооно уулын хятад бичээс / Х. Пэрлээ // *SA. Т. I*. УБ, 1960.

191. Пэрлээ, 1961. Монгол Ард Улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон / Х. Пэрлээ. УБ, 1961. 157 с.

192. Пэрлээ, 1962. Умнуговь, Өвөрхангай аймгуудын говь талын нутгаар эртний судлалын хайгуул хийсэн нь / Х. Пэрлээ // SA. Т. II, fasc. 6. УБ, 1962. С. 27–32.
193. Пэрлээ, 1973. Монголын эртний судлалын материал олдсоор байна / Х. Пэрлээ // ШУА. №3. УБ, 1973. С. 38–42.
194. Пэрлээ, 1976а. Монгол тумний гарлыг тамгаар хайж судлах нь / Х. Пэрлээ. УБ, 1976.
195. Пэрлээ, 1976б. Монголын түүх судлах сурвалжийн нэг нь пайз мөн / Х. Пэрлээ // *Studia Historica*. Т. XII, fasc. 8. УБ., 1976. С. 91–92.
196. Пэрлээ, 2016. Краткое сообщение археологических исследований в МНР за 1951–1954 г. / Х. Пэрлээ, Ц. Доржсүрэн // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1928–1974). Т. I. УБ, 2016. С. 22–28.
197. Рашид-Ад-Дин, 1952. Сборник летописей / Рашид-Ад-Дин // Т. I. Кн. 1. М., 1952.
198. Руденко, 1962. Культура Хуннов и Ноинулинские курганы / С.И. Руденко. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 205 с.
199. Рэгзэн, 2004. Ноён уулын хүннүгийн булшнаас олдсон нэхмэл эдлэлийн судалгааны асуудалд / Г. Рэгзэн // Монгол-Солонгосын эрдэм шинжилгээний II симпозиумын илтгэлин эмхтгэл. УБ., 2004.
200. Савинов, 2009. Минусинская провинция Хунну / Д.Г. Савинов. СПб, 2009. 224 с.
201. Санжмятав, 2016. 1987 оны хээрийн шинжилгээний тайлан / Т. Санжмятав // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1986–1987). Т. VI, УБ., 2016. 427 с.
202. Совместный, 2016. Совместный отчет Монгольско-Советской историко-культурной экспедиции (1969–1975 г.) / Совместный отчет // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1928–1974). Т. I. УБ, 2016. С. 222–311.
203. Сономцэрэн, 1972. Хүннү нарын урлаг / Л.Сономцэрэн // *Studia Archaeologica*. Tomus. V, fasc. 3–13. УБ., 1972. С. 112–131.

204. Сосновский, 1946. Раскопки Ильмовой пади // СА. Вып. 8. М, 1946. С. 51–68.
205. Сутягина, 2014. Баллодовский курган (Ноин Ула, Северная Монголия). Исследователи и коллекции / Н.А. Сутягина // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150 летию П.К. Козлова). Сборник. Отв. ред. К.В. Чистяков; ред.-сост. Т.И. Юсупова. СПб, 2014. С. 258–277.
206. Сухбаатар, 2000. Монголчуудын эртний увуг / Г. Сухбаатар // Монголын эртний туух судлал. Боть I. УБ, 2000.
207. Сухбаатар, 2011. Монголчуудын эртний увуг / Г. Сухбаатар // Монголын эртний туух судлал. Боть I. УБ, 2011.
208. Сэр-Оджав, 1963а. 40 жилд БНМАУлсад хийсэн эртний судлалын шинжилгээ / Н. Сэр-Оджав // СА. Т. I, fasc. УБ, 1963. С. 3–8.
209. Сэр-Оджав, 1963б. Монгол-Унгарын хамтарсан эртний судлалын шинжилгээний ажлын тухай / Н. Сэр-Оджав // СА. Т. II, fasc. 3. УБ, 1963. С. 31–38.
210. Сэр-Оджав, 1977. Монголын эртний түүх / Н.Сэр-Оджав. УБ, 1977.
211. Сэр-Оджав, 1979. Ноён уулын соёл / Н.СэрОджав // SM. Т. YII (15), fasc. 12. УБ, 1979. С. 31–3.
212. Теплоухов, 1925. Раскопки кургана в горах Ноин-Ула / А.С. Теплоухов // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л, 1925. С. 13–22.
213. Турбат Ц, 2003. Эгийн голын археологийн дурсгалууд / Ц. Турбат, Ч. Амартувшин, У. Эрдэнбат. УБ, 2003. 101 с.
214. Турбат, 2004. Хуннугийн жирийн иргэдийн булш / Ц. Турбат. УБ, 2004. 180 с.
215. Турбат, 2003. Тамирын улаан хошууны булш ба хүннүгийн угсаатны бүрэлдэхүүний асуудалд / Ц.Турбат // Ephemeris Historiae Academiae Doctrinae Mongoli. Tomus. IV, fasc. 1. УБ., 2003. С. 7–21.

216. Турбат, 2004. Монгол улсын нутагт илруулсэн хунну булшны судалгааны тойм, унуугийн байдал / Ц. Турбат, Ч. Еруул-Эрдэнэ, Н. Батболд // УБИС-ийн ЭШБ. № 1. Т. XXV. УБ, 2004. С. 186–196.

217. Турбат, 2005. Хуннугийн уеийн Бороогийн суурингийн серамологийн судалгаа / Ц. Турбат, Т. Батбаяр, Н. Пуса // АН. Т. VI, fasc. 1. УБ, 2005. С. 5–23.

218. Турбат, 2008. Хуннугийн уеийн Бороогийн сууринд хийсэн судалгаа / Ц. Турбат, Д. Батсүх, Н. Пусан, Д. Рамзайер // Xiongnu, the First Empire of the Steppes. International symposium in celebration of the 10th anniversary of MON-SOL Project. УБ, 2008. С. 334–354.

219. Турбат, 2012. Хүннүгийн археологийн тамгууд Люаньди овгийн тамга болох нь / Ц.Турбат, Д.Батсүх, Н.Баярхүү // SA. Т. XXXII, fasc. 9. УБ., 2012. С. 136–161.

220. Турбат, 2015а. Монгол Алтайн увур бэлийн Авын хух уулын хуннугийн булш / Ц. Турбат, Д. Батсүх, Я. Бемманн // SA. Т. XXXV, fasc. 20. УБ, 2015. С. 295–323.

221. Турбат, 2015б. Монгол-Францын хамтарсан «Тамирын голын хуннучууд» туслийн 2014 оны хээрийн шинжилгээний ажлын товч ур дун / Ц. Турбат, Д. Батсүх, Б. Эрдэнэ // Монголын археологи, 2014. УБ, 2015. С. 98–102.

222. Турбат Ц, 2016. Бороогийн суурин / Ц. Турбат // <https://mongoltoli.mn/history/h/166>.

223. Түмэн Д, 1985. Вопросы раннего этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии / Д. Түмэн // ОУМЭ IV их хурал. I боть. УБ, 1985. С. 341–345.

224. Түмэн, 2002. Монголын хүннүгийн антропологи / Д. Түмэн, Б. Оюунгэрэл, М. Үүрийнцолмон // МУИС-ийн ЭШБ. № 187(13). УБ, 2002. С. 39–54.

225. Түмэн, 2006. Монголын эртний нүүдэлчдийн бие бүтцийн онцлог / Д. Түмэн, Ч. Ванчигдаш // Mongolian journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. №2 (271). УБ., 2006. С. 116–143.

226. Түмэн, 2009. «Дорнод Монгол» төслийн хүрээнд 2009 онд хийж гүйцэтгэсэн археологийн судалгаа / Д. Түмэн // Mongolian journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. Vol. 5. № 1 (344). УБ., 2009. С. 16–64.

227. Түмэн, 2010. «Дорнод Монгол» төслийн хүрээнд гүйцэтгэсэн археологийн хээрийн судалгаа / Д. Түмэн, М. Эрдэнэ, Д. Хатанбаатар, Г. Анхсанаа, Ч. Ванчигдаш // *Mongolian journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. Vol. 6. № 1 (365). УБ., 2010. С. 168–216.

228. Түмэн, 2011а. Хүннүчүүдийн антропологи хэв шинж, бие бүтэц, генетик / Д.Түмэн // *Хүннүгийн түүх соёлын асуудлууд*. Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл. УБ., 2011. С. 88–106.

229. Түмэн, 2011б. Хүннү хүн / Д.Түмэн // *Хүннүгийн өв*. Каталог. УБ., 2011. С. 30–31.

230. Түмэн, 2011в. «Дорнод Монгол-2011» археологийн хээрийн судалгаа / Д. Түмэн, М. Эрдэнэ, Д. Хатанбаатар, Г. Анхсанаа, Н.В. Цыденова // *Mongolian journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. Vol. 7. No. 1(378). УБ., 2011. С. 1–38.

231. Түмэн, 2013. Монголчуудын угсаа гарвал ба антропологийн судалгаа / Д. Түмэн // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. Vol. 9. No 1 (471). УБ., 2013. С. 16–26.

232. Улзийбаяр, 2005. Өгөөмөр уулын оршуулгын газар / С. Улзийбаяр // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. Vol. 2. No. 2 (271). УБ., 2005. С. 67–74.

233. Улзийбаяр, 2006. Угуумур уулын хунну цэргийн булш / С. Улзийбаяр // *SH. T. XXXVI, fasc. 1*. УБ, 2006. С. 5–16.

234. Улзийбаяр, 2011. Хуннугийн морьт оршуулга (Салхитын амны оршуулгын газрын жишээн дээр) / С. Улзийбаяр // *Хуннугийн эзэнт улс ба Монголын эртний түүхийн судалгаа*. Хунну эзэнт улсын 2220 жилийн ойд зориулсан Олон Улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл. УБ, 2011. С. 226–233.

235. Улзийбаяр, 2017. «Монгол угсаатан бүрэлдсэн болон Монголчуудын гарал ууслийн цогц судалгаа» үндэсний туслийн хурээнд ШУА-ийн Туух, Археологийн хурээлэнгийн хээрийн шинжилгээний анги Хэнтий, Дорнод аймгийн

нутагт ажилласан хээрийн судалгааны урьдчилсан ур дүнгээс / С. Улзийбаяр, Б. Очир, Г. Одмагнай // Монголын археологи, 2016. УБ, 2017. С. 295–299.

236. Улзийбаяр, 2019. «Хүннүгийн дараах нүүдэлчид-II» хээрийн судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс / С. Улзийбаяр, Б. Батсүрэн, Б. Очир, Э. Уртнасан // Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 227–230.

237. Үсүки, 2018. Хустын булагийн шавар шатаах зуух болон шавар олдворын судалгаа / И. Үсүки, Г. Сагава, К. Кияама, Т. Янагимото, С. Үчида, Л. Ишцэрэн // Зүүн байдлагийн голын сав дахь археологийн дурсгалууд. УБ., 2018. С. 226–255.

238. Ханичёрч, 2007. Эртний нуудэлчдийн турийн байгууламжинд хийсэн археологийн судалгаа / Ч. Ханичёрч, Ч. Амартувшин. УБ, 2006.

239. Хатанбаатар Д, 2007. Тамирын улаан хошуун дахь хуннугийн уед холбогдох бүлэг оршуулга / Д. Хатанбаатар // МЖААЕ. Vol. 3, № 1(287). УБ, 2007. С. 156–168.

240. Хатанбаатар П, 2007. Хуннугийн булшнаас илэрсэн «харь гаралтай» олдворууд / П. Хатанбаатар, Б. Жаргалан, У. Ханичёрч, Ч. Амартувшин // СА. Т. (IY) XXIY, fasc. 21. УБ, 2007.

241. Хуан Сяо-фэн, 2008. Хангийн булш ба Хүннүгийн соёл / Хуан Сяо-фэн // Талын Их Эзэнт Гүрэн. Хүннү. Монгол-Солонгосын хамтарсан судалгааны 10 жилийн ойн сипозиум. УБ., 2008. С. 236–251.

242. Худокин, 1926. Первые раскопки в горах Ноин-Ула / Я.Н. Худокин. Иркутск, 1926. С. 1–13.

243. Хүннү, 2015. Хүннү: Монголын эртний түүх / Хүннү. Боть I. Ред: П. Дэлгэржаргал, Б. Батсүрэн. УБ., 2015.

244. Хүннүгийн, 2011. Хүннүгийн түүх, соёл. Ред: Ж. Болдбаатар, П. Дэлгэржаргал. УБ, 2011.

245. Цамбагарав, 2019. Хархорин сумын нутаг дахь Дунд булгийн амны хүннүгийн булшны малтлага судалгаа / Ж. Цамбагарав, А. Энхтөр, Л. Шинэбат, Т. Батбаяр, Л. Мөнхбаяр, Б. Дэжидмаа, Г. Батболд. // Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 189–194.

246. Цэвээн, 1936. Монголын хуучны судлалын тухай асуудал / Ж. Цэвээн // Шинэ толь. № 2. С. 23–25.
247. Цэвээндорж, 1978. Өнгө хоршмол алтан урлал / Д. Цэвээндорж // Шинжлэх Ухаан Амьдрал. №4. УБ., 1978. С. 89–92.
248. Цэвээндорж, 1985. Новые данные по археологии Хунну / Д. Цэвээндорж // Древняя культура Монголии. Новосибирск, 1985. С. 51–87.
249. Цэвээндорж, 1987а. Хуннугийн археологи / Д. Цэвээндорж // SA. Т. XII, fasc. 1 УБ, 1987. С. 58–81.
250. Цэвээндорж, 1987б. Монгол археологийн судалгааны тойм / Д. Цэвээндорж // SA. Т. II, fasc. 1. УБ, 1987. С. 5–30.
251. Цэвээндорж, 1988. Монголын мал аж ахуйн гарал ууслийн асуудалд / Д. Цэвээндорж // ШУАМ. № 2. УБ, 1988.
252. Цэвээндорж, 1989. Хиргист хоолой, Онътолтын хунну булш / Д. Цэвээндорж // SH. Т. XIII, fasc. 8. УБ, 1989. С. 59–81
253. Цэвээндорж, 1990а. Худгийн толгой, Солби уул, Наймаа толгойн хүннү булш / Д. Цэвээндорж, И. Эрдели // SH. Т. XIV, fasc. 11. УБ, 1990. С. 105–129.
254. Цэвээндорж, 1990б. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае / Д. Цэвээндорж, Ю.С. Худяков // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990. С. 126–132.
255. Цэвээндорж, 1990в. Морин толгойн булшнаас олдсон хунну хэл хуур / Д. Цэвээндорж // ШУАМ. № 3. УБ, 1990. С. 72–80.
256. Цэвээндорж, 1991. Хүннү нарын шавар ваар үйлдвэрлэж байсан баримт / Д. Цэвээндорж // Үнэн сонин. 1991-1-09.
257. Цэвээндорж, 1993. Хунну нарын оршуулгын дурсгал ба угсаа хамаадлын зарим асуудал / Д. Цэвээндорж // Монгол-Солонгос улсын хамтарсан эрдэм шинжилгээ-2. Сеул, 1993. С. 208–218.
258. Цэвээндорж, 1994а. Сүннугийн хот суурины асуудал / Д. Цэвээндорж, З. Батсайхан, Ц. Турбат // ШУАМ. № 3. УБ, 1994. С. 77–85.

259. Цэвээндорж, 1994б. Монголын хүннүгийн зарим булшнаас олдсон амьтны гаралтай эдлэл ба ургамлын үрийн тухай / Д. Цэвээндорж, Ш. Лайош // The review of Korea Anthropology Institute. Vol. 2. Seoul, 1994.

260. Цэвээндорж, 1994в. Монголын археологийн судалгаа / Д. Цэвээндорж // Studia Archaeologica. Т. XIV, fasc. 2. УБ., 1994. С.10–22.

261. Цэвээндорж, 1994г. Монголчуудын хоол бэлтгэх эртний зарим арга ба тогооны үүсэл / Д. Цэвээндорж // Монгол-Солонгосын хамтарсан эрдэм шинжилгээ-3. Сэул, 1994. С. 251–258.

262. Цэвээндорж, 2000. Бага газрын чулуу, Тарвагатай, Хүүшийн хөтөл, Баруун хайрханы хунну булш / Д. Цэвээндорж // SAT. XX, fasc, 5. УБ, 2000. С. 35–60.

263. Цэвээндорж, 2002. Монголын археологи / Д. Цэвээндорж, Я. Цэрэндагва, Ц. Очирхуяг. УБ, 2002.

264. Цэвээндорж, 2005. Баянхонгор аймгийн нутаг дэвсгэрээс олдсон хадны зургийн зарим дурсгалаас / Д. Цэвээндорж, Я. Цэрэндагва // SA. Т. (III)XXIII, fasc. 2. УБ., 2005.

265. Цэвээндорж, 2007а. Хүннү булшны судалгааны тойм / Д. Цэвээндорж, Ч. Амартувшин // Монголын археологийн шинжлэх ухаан. УБ, 2007. С. 46–56.

266. Цэвээндорж, 2007б. Монголын эртний хот суурины судалгаа / Д. Цэвээндорж, Д.Баяр, У.Эрдэнэбат // Монголын археологийн шинжлэх ухаан. УБ, 2007. С. 96–130.

267. Цэвээндорж, 2008. Монголын археологийн судалгааны сүүлийн үеийн ололт амжилт / Д. Цэвээндорж // The IAMS News Information on Mongol Studies. Bulletin. No. 2. 1(40), (41). УБ., 2008. С. 84–89.

268. Цэвээндорж, 2009. Монголын археологийн судалгааны өнөөгийн байдал, цаашдын зорилт / Д. Цэвээндорж // Монгол-Японы археологийн хамтарсан судалгаа. Эрдэм шинжилгээний бага хурал. Цубакусский Университет, 2009.

269. Цэвээндорж, 2010а. Ноён уулын хүннүгийн язгууртны булшны 2006, 2009 оны археологийн малтлага судалгааны үр дүнгээс / Д. Цэвээндорж, Н.

Эрдэнэ-Очир, Н.В. Полосьмак, Е.С. Богданов // SA. Т. (IX) XXIX, fasc. 14. УБ, 2010. С. 225–241.

270. Цэвээндорж, 2010. Результаты археологического изучения курганов хуннской знати Ноин-Ула (2006, 2009 гг.) / Д. Цэвээндорж, Д. Эрдэнэ-Очир // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Сборник научных трудов. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 220–223.

271. Цэвээндорж, 2011а. Хүннүгийн археологийн судалгаа / Д. Цэвээндорж, Г. Эрэгзэн // Монголын тулгар төр-Хүннү гүрэн байгуулагдсаны 2220 жилийн ойн нээлтэд зориулсан эрдэм шинжилгээний хурал. УБ., 2011. С. 30–43.

272. Цэвээндорж, 2011б. Хүннүгийн булш оршуулгын дурсгал / Д. Цэвээндорж, Г. Эрэгзэн // Хүннүгийн өв. УБ., 2011. С. 34–35.

273. Цэвээндорж, 2011в. Хүннүгийн хот суурин / Д. Цэвээндорж, Ц. Турбат // Хүннүгийн өв. УБ., 2011. С. 74–75.

274. Цэвээндорж, 2014. Ноён уулын хүннүгийн язгууртны булшнаас илэрсэн хивс нэхмэл эдлэл / Д. Цэвээндорж, Н. Эрэдэн-Очир // *Studia Archaeologica*. Т. XXXIV, fasc. 19. УБ., 2014. С. 245–252.

275. Цэвээндорж, 2014. Хүннүгийн дурсгалын судалгааны тойм / Д. Цэвээндорж // Д. Цэвээндорж. Археологические исследования Монголии. Сборник научных статей и докладов (2003–2007). УБ., 2014. С. 588–599.

276. Цэвээндорж, 2015. Монгол-Солонгосын хамтарсан «Соёлын өвийг судалж хамгаалах» төслийн 2014 оны хээрийн шинжилгээний ажлын урьдчилсан ур дун / Д. Цэвээндорж, Н. Батболд, Б. Дашдорж, Бён Ён Хуан, Вуэ Мен Хуан // Монголын археологи, 2014. УБ, 2015. С. 83–92.

277. Цэвээндорж, 2016а. 1972 оны 8-р сард МЗТСХЭ-ийн бүрэлдэхуунд оролцож Увурхангай аймгийн Богд сумын Тэвш ууланд малтлага хийсэн тухай тайлан. Улаанбаатар, 1972 / Д. Цэвээндорж // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1928–1974). Т. I. УБ, 2016. С. 318–325

278. Цэвээндорж, 2016б. 1976 онд Архангай аймагт ажилласан МЗТСХЭ-ийн нүүдэлчдийн дурсгал судлах ангийн тайлан / Д. Цэвээндорж // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1975–1978). Т. II. УБ., 2016. 389 с.

279. Цэвээндорж, 2016в. 1986 оны хуннугийн археологийн дурсгал судлах ангийн тайлан / Д. Цэвээндорж // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1986–1987). Т. VI. УБ., 2016. 427 с.

280. Цэвээндорж, 2016г. Монгол-Унгарын хамтарсан археологийн хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан / Д. Цэвээндорж // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1986–1987). Т. VI. УБ, 2016. С. 292–305.

281. Цэвээндорж, 2016д. 1989 оны Хуннугийн дурсгал судлах ангийн тайлан / Д. Цэвээндорж // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1987–1989). Т. 8. УБ., 2016. С. 375–372.

282. Цэвээндорж, 2016е. 1982 оны МЗТСХЭ-ийн палеолитын дурсгал судлах ангийн тайлан / Д. Цэвээндорж, Р.С. Василевский // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1981–1983). Т. IV. УБ., 2016. 455 с.

283. Цэвээндорж, 2016ё. 1983 онд Увс, Хөвсгөл, Завхан, Булган аймагт ажилласан хүрэл, төмөр зэвсгийн дурсгал судлах ангийн тайлан / Д. Цэвээндорж // Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1981–1983). Т. IV. УБ., 2016. 455 с.

284. Чу Эн Мин, 2013. Шаахар толгойн хүннү булшнаас илэрсэн эртний хүний ясанд хийсэн молекул генетикийн судалгаа / Чу Эн Мин, Ким Сү Хүн, Ким Юүн Жи // Монгол-Солонгосын хамтарсан судалгааны тайлан. Монголын палеоантропологийн судалгаа-I. С. 62–70.

285. Эгиймаа, 2003. Хуннугийн зураасан зургийн дурсгал / Ц. Эгиймаа // SA. Т. I (XXI), fasc. 7. УБ, 2003.

286. Эгиймаа, 2019. Сравнительный анализ строительных материалов хуннских городищ Тэрэлжийн дурвулжин и Гуа дов / Ц.Эгиймаа // Россия и АТР. № 1. 2019. С. 62–81.

287. Эрдели, 1962. Раскопки в Ноин-Уле / И. Эрдели // АА. Т. 14. Будапешт, 1962. С. 232–247.

288. Эрдели, 1967. Результаты Монголо-Венгерской археологической экспедиции 1961–1964 гг. / И. Эрдели, Д. Наваан // АА. Т. 19. 1967. С. 335–370.
289. Эрдэнэбаатар, 1998. Бурхан толгойн хүннү булшны судалгаа / Д. Эрдэнэбаатар, Ц. Төрбат, У. Эрдэнбат, Э. Крюбезы, П.Х. Жискар, П. Мурай, Л. Хай // *Studia Archaeologica*. Т. XVIII, fasc. 8. УБ., 1998. С. 92–108.
290. Эрдэнэбаатар, 1999. Хуннугийн уеийн шинэ олдворууд / Д. Эрдэнэбаатар, У. Эрдэнэбат, Ц. Турбат // SA. Т. XX, fasc. 7. УБ, 1999. С. 64–73.
291. Эрдэнэбаатар, 2000. Хуннугийн археологи / Д. Эрдэнэбаатар // SA. Т. XX, fasc. 6. УБ, 2000.
292. Эрдэнэбаатар, 2002. Умард хуннугийн язгууртны булшны судалгаа / Д. Эрдэнэбаатар, Ч. Еруул-Эрдэнэ, Н. Батболд, А. Франсис, Б. Миллер // *Ephemeris Historiae Academiae Doctrinae Mongoli*. Т. III, fasc. 3. 2002. С. 20–28.
293. Эрдэнэбаатар, 2002. Хуннугийн булшнаас олдсон тамгатай шагай / Д. Эрдэнэбаатар, Ф. Аллард, Н. Батболд, В. Миллер // *Studia Historica*. Т. XXXIII, fasc. 17. 2002. С. 176–189.
294. Эрдэнэбаатар, 2008. Хүннүгийн язгууртны булшны онцлог / Д. Эрдэнэбаатар // Талын Их Эзэнт Гүрэн. Хүннү. Монгол-Солонгосын хамтарсан судалгааны 10 жилийн ойн сипозиум. УБ., 2008. С. 173–176.
295. Эрдэнэбаатар, 2015. Балгасан тал дахь Гол мод-2-ын хуннугийн язгууртны булшны судалгаа / Д. Эрдэнэбаатар, Т. Идэрхангай, Э. Мижиддорж, С. Оргилбаяр, Б. Галбадрах, А. Маратхаан. УБ, 2015. 322 с.
296. Эрдэнэбаатар, 2019. Улаанбаатар Их Сургуулийн археологийн тэнхимийн суурь судалгааны төслийн 2018 оны үр дүнгээс / Д. Эрдэнэбаатар, Э. Мижиддорж, Б. Галбадрах, Ж. Эрдэнэ // *Монголын археологи*, 2018. УБ., 2019. С. 161–165.
297. Эрдэнэбат, 2008а. Хахуулийн голын хадны зураг / У. Эрдэнэбат // SA. Т. (VI) XXVI, fasc. 3. УБ, 2008. С. 32–56.
298. Эрдэнэбат, 2008б. Монгол улсад археологийн үндэсний эрдэм шинжилгээний байгууллага үүсэж хөгжсөн тухай асуудалд / У. Эрдэнэбат, Д. Эрдэнэбат. // *Acta Historica*. Т. IX. fasc. 1. УБ, 2008. С. 5–11.

299. Эрдэнэболд, 2008. Хуннугийн хот суурины судалгааны асуудалд / Л. Эрдэнэболд // Xiongnu, the First Empire of the Steppes. International symposium in celebration of the 10th anniversary of MON-SOL Project. УБ, 2008. С. 362–375.

300. Эрдэнэболд, 2016а. Нийслэлийн Баянхошууны «Одонтын 23»-р гудамжинд хийгдсэн археологийн малтлага судалны ажлын тайлан / Л. Эрдэнэболд, Д. Хатанбаатар, Ч. Ванчигдаш, Ц. Бямба-Очир // Туулын хөндийн соёлын өвийн судалгаа I. УБ, 2016. 158 с.

301. Эрдэнэболд, 2016б. Тув аймгийн Заамар сумын, Баян голын хөндийд хийгдсэн малтлага судалгаа / Л. Эрдэнэболд, Д. Хатанбаатар, Ч. Ванчигдаш // Монголын археологи, 2015. УБ, 2016. С. 143–145.

302. Эрдэнэболд, 2017. Бишрэлтийн-амны археологийн малтлага судалгааны ур дүнгээс / Л. Эрдэнэболд, Ч. Ванчигдаш, Ц. Бямба-Очир, З. Одбаяр, Г. Ариунболд // Монголын археологи, 2016. УБ, 2017. С. 150–155.

303. Эрдэнэболд, 2017. Зүрхийн үзүүрийн хуннугийн дурсгалт газарт хийсэн археологийн малтлага судалгааны урьдчилсан ур дүнгээс / Л. Эрдэнэболд, Ч. Ванчигдаш, Д. Хатанбаатар, С. Бат-Эрдэнэ, С. Болормаа // Монголын археологи, 2016. УБ, 2017. С. 185–189.

304. Эрдэнэболд, 2019а. Бишрэлтийн амны хүннүгийн жирийн иргэдийн оршуулгын дурсгалд 2018 онд хийсэн археологийн малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс / Л. Эрдэнэболд, Ч. Ванчигдаш, З. Одбаяр // Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 184–188.

305. Эрдэнэболд, 2019. 2018 онд ШУТИС-ийн Бизнес удирдлага, Хүмүүнлэгийн сургуулиас зохион байгуулсан археологийн авран хамгаалах хайгуул, малтлага судалгааны товч үр дүн / Л. Эрдэнэболд, Ц. Бямба-Очир, С. Болормаа // Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 373–375.

306. Эрдэнэ-Очир, 2015. Ноён уулын хүннүгийн дурсгалын дагуул булшны малтлага судалгаа / Н. Эрдэнэ-Очир, Г. Одмагнай // Монголын археологи, 2015. УБ, 2016. С. 158–161.

307. Эрт, 2006. Эрт дундад үеийн Монголчуудын аж ахуй соёл. Ред: Д. Эрдэнэбаатар, Г. Цэрэнханд. УБ, 2006.

308. Эртний, 2002. Эртний нуудэлчдийн хот суурины соёл. Тэрэлжийн дурвулжин хотын судалгаа // Узэсгэлэнгийн танилцуулга. УБ, 2017.
309. Эрэгзэн, 2002. Худгийн толгойд малстан Хүннү булш / Г. Эрэгзэн // Монгол-Солонгосын эрдэм шинжилгээний анхдугаар симпозиумын илтгэлийн эмхтгэл. УБ, 2002. С. 155–160.
310. Эрэгзэн, 2003. Дуурлиг нарсны хүннү булшны судалгаа / Г. Эрэгзэн // Талын их эзэнт гүрэн. Хүннү симпозиумын эмхтгэл. УБ, 2008.
311. Эрэгзэн, 2008. Хүннү ба Наннаны булш / Г.Эрэгзэн //Талын Их Эзэнт Гүрэн – Хүннү. Монгол-Солонгосын хамтарсан судалгааны 10 жилийн ойн сипозиум. УБ., 2008. С. 66–87.
312. Эрэгзэн, 2009. Монгол дахь хүннү булшны судалгаа (Ph.D-ын зэрэг горилсон бүтээл). Сеул, 2009. 170 с. (на корейском языке)
313. Эрэгзэн, 2010а. Хүннүгийн язгууртны булш ба хөрш бүс нутгийн булшны харьцуулсан судалгаа / Г.Эрэгзэн // Монгол-Солонгосын харилцааны өнгөрсөн ба одоо. June 2–3, 2010. Ulaan Baatar. С. 99–124.
314. Эрэгзэн, 2010б. Хүннүгийн язгууртны булшны бүтэц дэх гадны соёлын нөлөөг тодруулах нь / Г.Эрэгзэн //Studia Archaeologica. Т. (IX) XXIX, fasc. 15. УБ., 2010. С. 242–259.
315. Эрэгзэн, 2010в. Некоторые результаты исследования хуннской княжской могилы № 2 Дуурлиг нарс (Восточной Монголия) / Г. Эрэгзэн, Н. Батболд // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Сборник научных трудов. Вып. 4. Удан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 223–228.
316. Эрэгзэн, 2012. Хэрлэн голын сав дахь Хүннүгийн хот суурины тухай / Г.Эрэгзэн, П.Алдармөнх // Монголын археологи, 2012. УБ., 2013. С. 65–71.
317. Эрэгзэн, 2014. Өвөг хүннү нарыг түүх, археологийн хэрэглэгдэхүүнээр тодруулах асуудалд / Г.Эрэгзэн // Хүрэл, төмрийн түрүү үе ба хүннүгийн өмнөх соёлын судалгааны асуудал. Эрдэм шинжилгээний бага хурлын эмхтгэл. Эмх: Ч.Ерөөл-Эрдэнэ. УБ., 2014. С. 107–116.

318. Эрэгзэн, 2015а. Дуурлиг нарсны хүннүгийн язгууртны 5-р булшны судалгааны зарим үр дүн / Г. Эрэгзэн // *Studia Archaeologica*. Т. XXXV, fasc. 21. УБ., 2015. С. 324–342.
319. Эрэгзэн, 2015б. «Мон-Сол» туслийн 2014 оны хээрийн судлагааны ур дунгээс / Г. Эрэгзэн, М. Баярсайхан, Ц. Эгиймаа, П. Алдармунх, Юн Хён-Вон, Ким Сан-мин // *Монголын археологи*, 2014. УБ, 2015. С. 103–105.
320. Эрэгзэн, 2016а. «Гуа дов»-ын дурсгалт газарт хийсэн Монгол-Солонгосын хамтарсан археологийн судалгааны ур дунгээс / Г. Эрэгзэн, П. Алдармөнх, С. Энхболд, Д. Мандах, Сон Ый-жон, У Сэй-ён, Ким Сан-мин, Хуанбо Чансо // *Монголын археологи*, 2015. УБ, 2016. С. 127–131.
321. Эрэгзэн, 2016б. Хэрлэн голын баруун эрэг дагуух хүннүгийн «хот»-уудыг шинээр тайлбарлах нь / Г. Эрэгзэн // *SM*. Т. XVII, fasc.8, УБ, 2016. С. 71–88.
322. Эрэгзэн, 2017а. Чихэртийн зоо хэмээх хуннугийн оршуулгын дурсгалт газарт хийгдсэн судалгааны ур дун / Г. Эрэгзэн, П. Алдармунх, С. Энхболд // *Монголын археологи*, 2016. УБ, 2017. С. 163–170.
323. Эрэгзэн, 2017б. Хэнтий аймгийн нутагт шинээр бүртгэсэн хуннугийн булш оршуулгын дурсгалт газрууд / Г. Эрэгзэн, С. Эрдэнэсүвд, Б. Батдалай, Д. Мандах, С. Энхболд // *Монголын археологи*, 2016. УБ, 2017. С. 137–149.
324. Эрэгзэн, 2017в. Шувуутайн хэрэм хэмээх дурсгалд шинээр хийсэн малтлага судалгааны ур дунгээс / Г. Эрэгзэн // *Монголын археологи*, 2016. УБ, 2017. С. 156–162.
325. Эрэгзэн, 2017г. Гуа довын дурсгалт газарт хийсэн байгалийн ухааны тандалт судалгаа ба шинээр илрүүлсэн археологийн дурсгалын тухай / Г. Эрэгзэн, П. Алдармунх, С. Энхболд // *Монголын археологи*, 2016. УБ, 2017. С. 190–196.
326. Эрэгзэн, 2018а. Гуа дов дурсгалын бүтэц, зохион байгуулалт ба үүрэг зориулалт / Г. Эрэгзэн // *Гуа довын хүннүгийн дурсгал*. УБ., 2018. С. 183–192.
327. Эрэгзэн, 2018б. Булшны малтлага судалгаа / Г. Эрэгзэн, Д. Накамүра, С. Күрибаяши, Ч. Амартүвшин // *Зүүн байдлагийн голын сав дахь археологийн дурсгалууд*. УБ., 2018. С. 157–204.

328. Эрэгзэн, 2018в. Төв аймгийн Баянцагаан сумын нутагт ажилласан Монгол-Солонгосын хамтарсан ангийн археологийн хайгуул, малтлага судалгааны ажлын үр дүнгээс / Г. Эрэгзэн, С. Энхболд, П. Алдармөнх, У Жэн Жин, Ан Жэ Пил // Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 111–116.

329. Эрэгзэн, 2019. «Мон-Сол» төслийн хүрээнд Дуурлиг нарсны дурсгалт газарт 2018 онд хийсэн судалгааны үр дүнгээс / Г. Эрэгзэн, П. Алдармөнх, С. Энхболд, А. Амарболд, Ц. Эгиймаа, Жан Өн Жон, И На Гён / /Монголын археологи, 2018. УБ., 2019. С. 166–170.

330. Юнь Хёнвонь, 2002. Морин толгойн хүннү булшны судалгаа / Юнь Хёнвонь // Монгол-Солонгосын эрдэм шинжилгээний анхдугаар симпозиумын илтгэлийн эмхтгэл. УБ, 2002. С. 121–137.

331. Юн Хюн Вон, 2004. Шилла болон Хүннүгийн булшны бүтцийн харьцуулсан судалгаа / Юн Хюн Вон // Монгол-Солонгосын эрдэм шинжилгээний II симпозиумын илтгэлийн эмхтгэл. Монголын Үндэсний Түүхийн Музей, Шинжлэх Ухааны Академийн Археологийн хүрээлэн, Солонгосын Үндэсний Музей. УБ., 2004. С. 263–274.

332. Юсупова, 2010. Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноён-Улы / Т.И. Юсупова // SH. T. XL, fasc. 1. УБ, 2010. С. 1–40.

333. Юсупова, 2016. Путешествие как образ жизни: Исследователь Центральной Азии П.К. Козлов / Т.И. Юсупова. СПб, 2016. 164 с.

334. Arvisbaatar, 2005. Geophysical survey results at the ancient burials of the Uguumur site Dornod aimag, Khulunbuir sum / N. Arvisbaatar, G. Batsukh, S. Lantuu, Ts. Baatarchuluun // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. Vol. 1. No.1 (242). УБ., 2005. С. 28–31.

335. Bryan K. Miller, 2006. A Xiongnu tomb complex: Excavations at Gol Mod 2 cemetery, Mongolia (2002–05) / Bryan K. Miller, Francis Allard, Diimaajav Erdenbaatar, Christine Lee // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. Vol. 2. № 2 (217). УБ., 2006. Pp. 1–21.

336. Camilla, 1932. Excavation in Northern Mongolia / Camilla Trever. L, 1932. 107 c.

337. Christine, 2003. Nuclear and Mitochondrial DNA Analysis of a 2000-Year old Necropolis in the Egin Valley of Mongolia / Christine Keyser-Tracqui, Eric Crubérzy, Bertrand Ludes // *Am. J. Hum. Genet.* 2003. p. 247–260.

338. Christine, 2006. Population Origins in Mongolia: Genetic Structure Analysis of Ancient and Modern DNA / Christine Keyser-Tracqui Eric Crubérzy, Horolma Pamzsav, Tibor Varga and Bertrand Ludes // *American Journal of Physical Anthropology.* 2006. Pp. 272–281.

339. Crubérzy, 2002. Les surprises de l'ADN ancien / E. Crubérzy, K. Keyser, B. Ludes // *LR.* No 353. 2002. p. 44–47.

340. David, 2006. Archaeological Investigations of Xiongnu Sites in the Tamir River Valley: Results of 2005 Joint American-Mongolian Expedition to Tamiryn Ulaan Khoshuu, Ogiinuur, Arkhangai aimag, Mongolia / David E. Pursell, Kemberly C. Spurr // *The Silk Road.* Vol. 4. No. 1. 2006. P. 20–32.

341. Erdelyi, 1962. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 / I. Erdelyi, C. Dorjsuren, D. Navan // *Acta Archaeologica. Academiae Scientiarum Hungaricae.* T. 19. Budapest, 1962. Pp. 352.

342. Erdelyi, 1975. Mongolisch–Ungarische archaologische forschungen in der Mongolie (Vorbericht) / I. Erdelyi // *Mitteilungen des archaologischen instituts der Ungarischen Akademie der wissenschaften.* №4. 1973. Budapest, 1975. P. 113–121.

343. Erdelyi, 2000. Archaeological expeditions in Mongolia / Istvan Erdelyi. Budapest, 2000. 261 p.

344. Kato, 1994. A report on the joint investigation under the Mongolian and Japanese «Gurvan Gol» historic relic project / Kato Sh, Tsevendorj D, Bayar D. Tokyo, 1994.

345. Kijeong Kim, 2010. A Western Eurasian Male Is Found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia / Kijeong Kim. Charles H. Brenner, Victor H. Mair, Kwang-Ho Lee, Jae-Hyun Kim, Eregzen Gelegdorj, Natsag Batbold, Yi-Chung Song, Hyeung-Won Yun, Eun-Jeong Chang, Gavaachimed Lkhagvasuren,

Munkhtsetseg Bazarragchaa, Ae-Ja Park, Inja Lim // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010.

346. Kovalev, 2010. Excavation of Bayan bulag site (Shouxiangcheng fortress of Western Han), Nomgon sum of South Gobi aimag, Mongolia / A.A. Kovalev, D. Erdenebaatar, S.S. Matrenin, I.Yu. Grebennikov // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. Vol. 6, № 1 (365). Pp. 27–63.

347. Miller Bryan K, 2008. Elite Xiongnu burials at the preitpery: Tomb complex at Takhiltyn khotgor, Mongolian Altai / Bryan K. Miller, Zhamsranzhav Baiarsaikhan, Tseveendorzh Egiimaa, Prokopii B. Konovalov, Judith Logan // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Prespective of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn Contribution to Asian Archaeology*. Vol. 5. Pp. 301–314.

348. Perseval, 1926. Discoveries of the Kozlov expedition / W. Perseval Yetts // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. Vol. XLVIII, № CCLXXIV–CCLXXIX. 1926. Pp. 173–183.

349. Pohl, 2011. Production Sites in Karakorum and Its Environment: A new Archaeological Project in the Orkhon Valley, Mongolia / E. Pohl, L. Monkhubayar, B. Ahrens, K. Frank, S. Linzen, A. Osinska, T. Schuler, M. Schneider // *Silk Road*. Vol. 10. Pp. 49–65.

350. Research, 2004. Research Report on Korean-Mongolian Joint Expedition in Mongolia IV / Research. The National Museum of Korea, The National Museum of Mongolian History, The Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences. 2004.

351. Sergei A. Yatsenko, 2012. Yuezhi on Bactrian embroidery from textiles found at Noyon uul, Mongolia / Sergei A. Yatsenko // *The Silk Road*. Vol. 10. 2012. Pp. 39–48.

352. Sueji Umehara. Studies of Noin-Ula finds in Northern Mongolia. The Toyobunko. Tokyo, 1960. Pp. 63–83.

353. Toth T, 1962. Paleoantropological finds from the valley of Hujirte (Noin-Ula, Mongolia) / T. Toth // *AA. T. 14*. Budapest, 1962. Pp. 249–253.

354. Tseveendorj, 2009. Бэлэгт гөрөөсийн дүрст хөөмөл мөнгөн чимэг / D. Tseveendorj, Ch. Eruul-Erdene Ch // Revisiting Korea-Mongolia relations-2009. Korea-Mongolia International Conference, Ulaanbaatar, 2009. Pp. 21–39.

355. Vlcek, 1965. Skul of a prince from a Hunn-Gruvemaund in Northern Mongolia (material of P.K. Kozlov's expedition, 1924) / E. Vlcek //Acta facultatis rerun naturalium universitatis comenianaе. T. X, fasc. 1. Bratislava, 1965. Pp. 189–199.

356. William Honeychurch, 2006. The Archaeology of Early Nomadic Political Organization / William Honeychurch, Chunag Amartuvshin. УБ., 2006. 262 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭАМ – Археология, этнография и антропология Монголии
БГУ – Бурятский Государственный Университет
ВСОРГО – Восточно Сибирское отделение Русского Географического Общества
КАА – Кафедра Антропологии и Археологии
КНВО – Кометит Наук и Высшего Обрзования
Л. – Ленинград
М. – Москва
МАН – Монгольская Академия Наук
МАС – Монгольский Археологический сборник
МАСЭ – Монголо-Американская совместная экспедиция
МВСЭ – Монголо-Венгерская совместная экспедиция
МГИМ – Монгольский Государственный Исторический Музей
МоГУ – Монгольский Государственный Университет
МКСЭ – Монголо-Корейская совместная экспедиция
МКитСЭ – Монголо-Венгерская совместная экспедиция
ММСЭ – Монголо-Монакская совместная экспедиция
МНР – Монгольская Народная Республика
МРСЭ – Монголо-Российская совместная экспедиция
МСИКЭ – Монголо-Советская историко-культурная экспедиция
МФСЭ – Монголо-Французская совместная экспедиция
МЯСЭ – Монголо-Японская совместная экспедиция
РАН – Российская Академия Наук
РФИАИ – Рукописный фонд исторического и археологического института
СА – Советская археология
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
УБ – Улаанбаатар
УБГУ – Уланбаторский Государственный Университет
УУ – Улан-Удэ

SA – Studia Archaeologica

SH – Studia Historica

AH – Acta Historica

Сводная таблица хуннских рядовых курганов, исследованных в Монголии

Таблица 1

н/п	Аймак	Местность	выявленные количество	раскопанные количесвто	Кем? Когда раскопаны	Источники
1	Архангай	Гол-мод	490	40	Доржсурэн 1955–1957, ММСЭ 2015	Доржсурэн, 1957; Еруул-Эрдэнэ и др., 2016
2		Наймаа-толгой	35	17	Доржсурэн и Эрдели 1963; Эрдели и Цэвэндорж 1974, 1987	Цэвээндорж, 1985; Цэвээндорж и др., 1990
3		Худгин толгой	306	16	Наваан и Волков 1980-1981; Эрдели и Цэвэндорж 1987; МКЭ 2001	Наваан, 1984; Цэвээндорж, 1987а; Эрэгзэн, 2002
4		Гора Солби	198	5	Наваан и Волков 1980; Эрдели и Цэвэндорж 1987	Наваан, 1984; Цэвээндорж и др., 1990
5		Гора Хутуг	10	2	МСИКЭ 1971	Наваан, 1984; Турбат, 2004
6		Эзгийтийн хужир	72	6	МСИКЭ 1980–1981	Наваан, 1984; Турбат, 2004
7		Тамир улаан хошуу	370	45	Батсайхан 2000–2001, Турбат 2001, МАСЭ 2005,	Турбат, 2004; Турбат, 2015а

					МФСЭ 2013–2015	
8		Балгасан тал	345 (108)	29	МФСЭ 2002–2005, Эрдэнэбаатар 2006– 2010	Эрдэнэбаатар и др., 2015
9		Падь Хулхи	1	1	МКитСЭ 2007	Одбаатар, 2008
10		Гора Баян хайрхан	36		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
11		Хад мухар	1		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
12		Озеро Холбоо	1		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
13		Хар чулуут	2		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
14		Омбын суул	54		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
15		Суул толгой	24		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
16		Бурхан толгой	4		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
17		Цацын рашаан	2		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
18		Падь Хуйса	4		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
19		Узуур увулжуу	1		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
20		Хужирт	1		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
21	Архангай	Бятга	1		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
22		Хух хошууны зоо	29		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
23		Улгийн хөндий	41		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
24		Норовлинд	1		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
25		Дунд оорцог	144		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012

26		Барчингийн завсар	45		Идэрхангай 2010	Идэрхангай, 2012
27	Булган	Эгийн гол	106	106	Батсайхан, МФЭ, МАЭ 1992–2000	Турбат и др., 2003
28		Пать Мухдаг	257	5	Батсайхан 2006	Бат-Эрдэнэ, 2013
29		Убгунт	4+	4	МБСЭ 2001	Турбат, 2004
30		Зурхийн узуур	299	4	Эрдэнэболд 2016	Эрдэнэболд и др., 2017а
31	Гоби-Алтай	Хиргист хоолой	97	5	Цэвэндорж 1986	Цэвээндорж, 1989
32		Гора Зурх	58	4	МКСЭ 2015	Цэвээндорж и др., 2015
33	Дархан-Уул	Гора Дархан	5	5	Пэрлээ 1969	Цэвээндорж, 1985; Цэвээндорж, 1987
34		Салхит	5	5	Наваан 1977	Наваан, 1984; Цэвээндорж, 1987а
35	Дорнод	Хадан хув	1	1	Улзийбаяр 2016	Улзийбаяр и др., 2017
36		Цагаанчулуут	1	1	Наваан 1969	Цэвээндорж, 1987а; Турбат, 2004
37	Дорноговь	Гора Чандмань хар	15	15	Амартувшин 2003– 2013	Амартувшин и др., 2015
38		Сэруун цагаан	5	1	МАСЭ 2014	Амартувшин и др., 2015б

39		Хух хад	1+	1	МАСЭ 2014	Амартувшин и др., 2015б
40	Средно-гоби	Бага газрын чулуу	32+	32	Эрдели и Цэвээндорж 1989; МАСЭ 2003–2010	Цэвээндорж, 2000; Амартувшин и др., 2010
41	Сухбатор	Дэлгэрхаан	130	15	Батсайхан 1991– 2000; МАСЭ 2015	Батсайхан, 2002; Амартувшин, 2016а
42		Бага-Улзийт	1+	1+	Наваан, 1980	Цэвээндорж, 1987а; Турбат, 2004
43	Сэлэнгэ	Угуумур	110	4	Улзийбаяр 2006	Улзийбаяр, 2006
44	Убурхангай	Тарбагатай	67	2	Эрдели и Цэвэндорж 1989	Цэвээндорж, 2000
45		Хуушийн хутул	23	1	Эрдели и Цэвэндорж 1989	Цэвээндорж, 2000
46		Цоохорын булаг	19		Цэвээндорж и Эрдели 1989	Цэвээндорж, 2016б
47		Шар булаг	1		Цэвээндорж и Эрдели 1989	Цэвээндорж, 2016б
48		Гора Тэбш	21	13	МСИКЭ 1971, 1972, 1977	Цэвээндорж, 1985
49		Онътолт	17	1	Цэвэндорж 1986	Цэвээндорж, 1989
50		Ар булан	9	1	МГСЭ 2012	Еруул-Эрдэнэ и др., 2013
51	Увс	Гора Чандмань	5+	5	МСИКЭ 1972–1974	Цэвээндорж, 1985

52	Улан-батор	Падь Белха	10	3	Сэр-Оджав, Хорват и др. 1960	Сэр-Оджав, 1963а
53		Падь Нарийна	36	1	Одбаатар 2007	Одбаатар, 2007
54		Баян хошуу	30	27	Эрдэнэболд и др. 2013–2015	Эрдэнэболд и др., 2016
55		Падь Бишрэлта	26	6	Ванчигдаш и др 2014; Эрдэнэболд 2016	Ванчигдаш и др., 2014; Эрдэнэболд и др., 2017
56	Центральный аймак	Ноин-Ул		19	Доржсурэн 1954, Доржсурэн и Эрдели 1961, Полосьмак 2007, 2015	Доржсурэн, 1955; Доржсурэн, 1961; Доржсурэн, 1963; Эрдэнэ-Очир и др., 2016
57		Гора Зараа	6+	6	МВСЭ 1988	Цэвээндорж, 2016б
58		Морин толгой	24	5	Эрдели и Цэвээндорж 1989; МКСЭ 2000; МГИМ 2004	Цэвээндорж, 1990; Юнь Хёнвонь, 2002; Турбат, 2004
59		Гора Майхан	10	1	Наваан 1984	Наваан, 1984
60		Гора Алтанцэцэг	3		Цэвээндорж и Эрдели 1989	Цэвээндорж, 2016б
61		Баруун хайрхан	2+	2	Цэвээндорж и Эрдели 1990	Цэвээндорж, 2000
62		Центральный аймак	Шийтэр	414		Идэрхангай 2013
63	Баянгол		16	16	Эрдэнэболд 2015	Эрдэнболд и др., 2016а

64		Чихэртийн зоо	287	2	МКСЭ 2016	Эрэгзэн и др., 2017б
65		Намсрайн ухаа	4+	4	МЯСЭ 2014, 2015	Амартувшин и др., 2015а, Амартувшин и др., 2016
66	Ховд	Хаалгатын завсар	133	21	Доржсүрэн и Волков 1961; Наваан 1987; МАСЭ 2007	Волков и др., 1963
67		Халзан хошуу	4+	4	Наваан 1984–1987	Наваан, 1984
68		Тарбагатай	2+	2+	Наваан 1984–1987	Наваан, 1984
69		Шомбуузын бэлчир	33	15	МАСЭ 2008, 2010	Баярсайхан и др., 2011;
70		Байшин узуур	39		МАСЭ 2007–2010	Турбат, 2015; Miller, 2011
71		Долоот	19		МАСЭ 2007–2010	Турбат, 2015; Miller, 2011
72		Тахилт	47		МАСЭ 2007–2010	Турбат, 2015; Williams, 2008
73		Хух узуурийн дугуй	25	2	МРСЭ Ковалев 2010	Ковалев и др., 2011
74		Падь Адууча	27		Турбат 2008–2010	Турбат и др., 2015
75		Балбархай	23		Турбат 2008–2010	Турбат и др., 2015

76		Байшин узуур-II	8		Турбат 2008–2010	Турбат и др., 2015
77		Бумбат хайрхан	14		Турбат 2008–2010	Турбат и др., 2015
78		Шавагт нуур	50		Турбат 2008–2010	Турбат и др., 2015
79		Гора Авын хух	30	2	Турбат 2012	Турбат и др., 2015
80		Река Бодонч	20		Энхтур 2012	Турбат и др., 2015
81	Хубсгул	Падь Нухта	100	3	МСИКЭ 1975	Цэвээндорж, 1985
82		Сул толгой	1+	1	МСИКЭ 1982	Асеев и др., 1987
83		Падь Салхита	30	27	С.Улзийбаяр и Б.Очир 2009–2012	Улзийбаяр, 2011; Очир Б. и др., 2016
84	Хэнтий	Гора Дулга	20+	7+	Наваан 1969, 1971; МСИКЭ 1975; Эрдели и Цэвэндорж 1988	Баяр, 1977; Цэвээндорж, 1987а; Турбат, 2004
85		Нарийны ам Долоода	27	1	Амартувшин 2003	Амартувшин, 2013
86		Дуурилаг нарс	200	2	МКСЭ 2006	Эрэгзэн, 2008; Эрэгзэн и др., 2010

87		Падь Урта	98		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
88		Улийн даваа	8		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
89		Баян ундур овоо	20		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
90		Гора Шанага	8		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
91		Улаан ханан	32		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
92		Баян бор	14		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
93		Цацын цагаан ундур	8		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
94		Гора Ноин	19		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
95		Авдар хад	19		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
96		Гора Баянцагаан	29		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
97		Гора Ханан	12		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а

98		Тоонот	21		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
99		Шаширт энгэр	49		Эрэгзэн 2016	Эрэгзэн и др., 2017а
Всего			6001+	572		

ИЛЛЮСТРАЦИИ

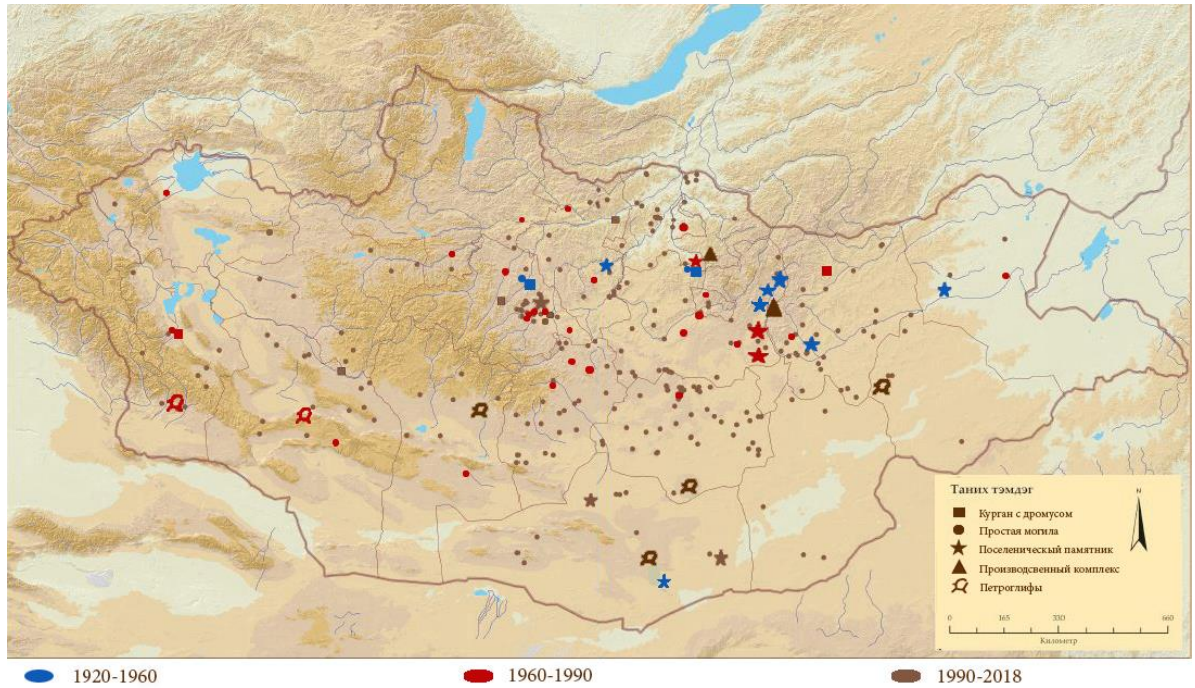

Рис. 1. Карта расположения выявленных памятников Хунну в Монголии

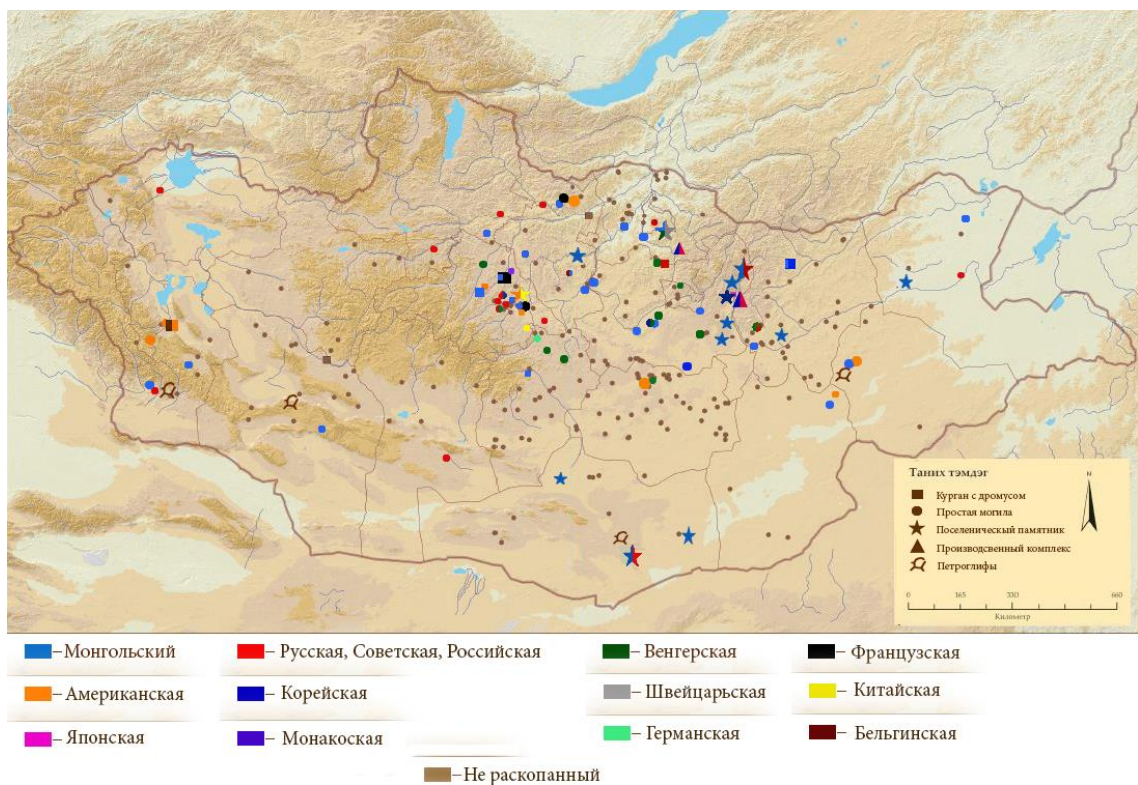

Рис. 2. Карта расположения исследованных памятников Хунну в Монголии. Цветом выделены памятники раскопанные монгольскими и зарубежными экспедициями

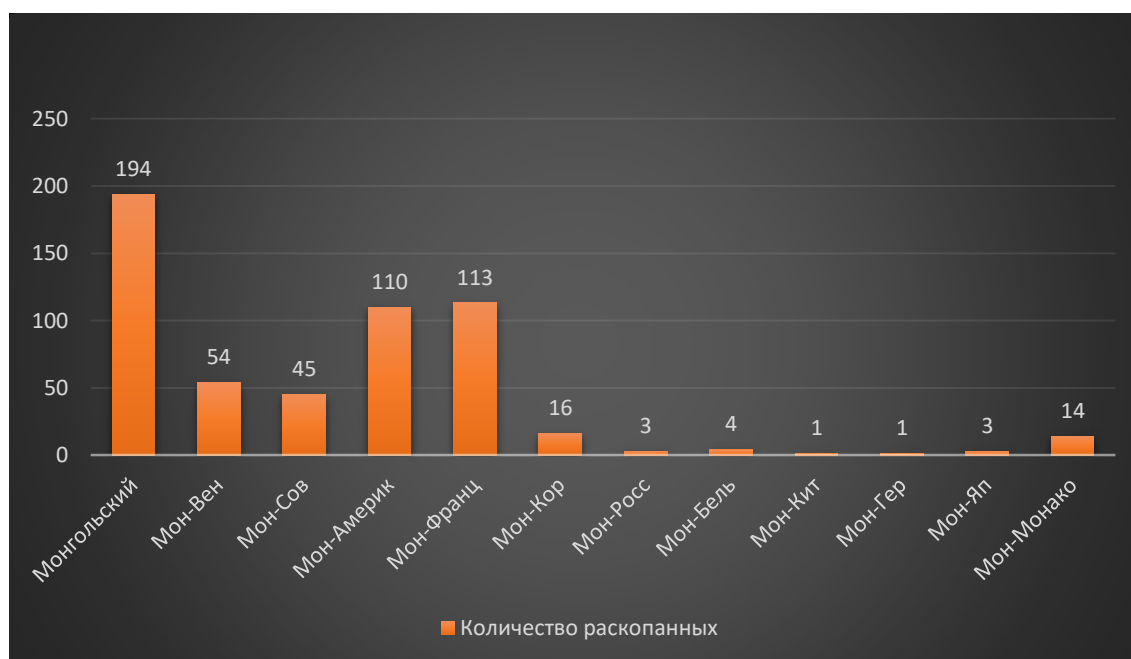

Рис. 3. Количество раскопанных малых погребений монгольскими и зарубежными экспедициями

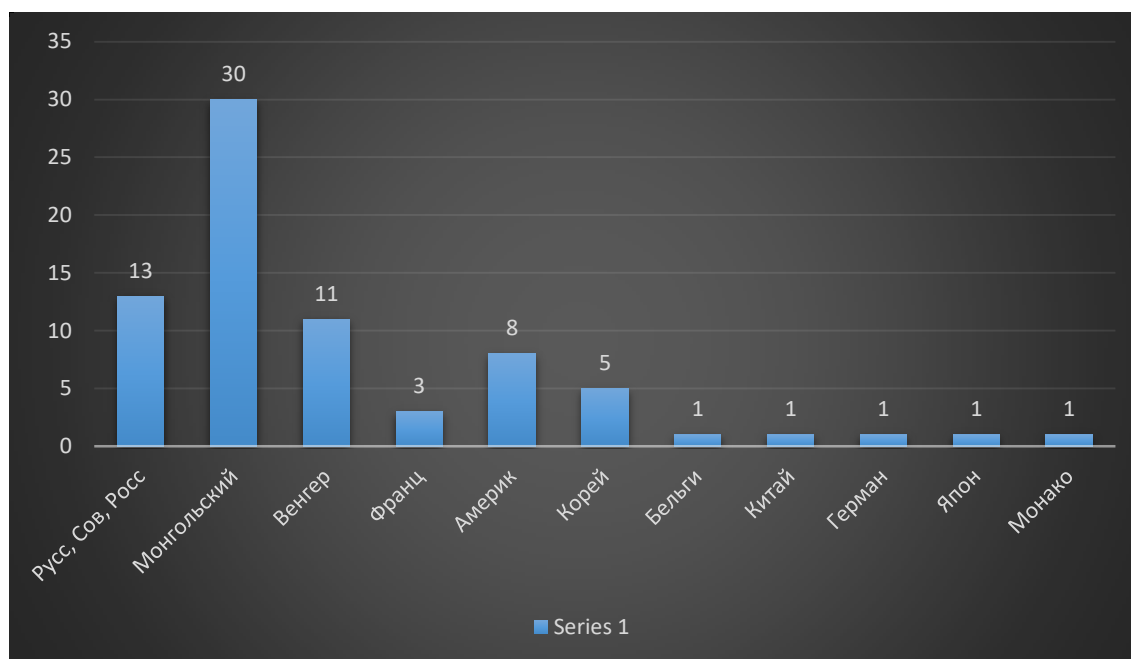

Рис. 4. Количество раскопанных монгольскими и зарубежными экспедициями могильников с погребениями

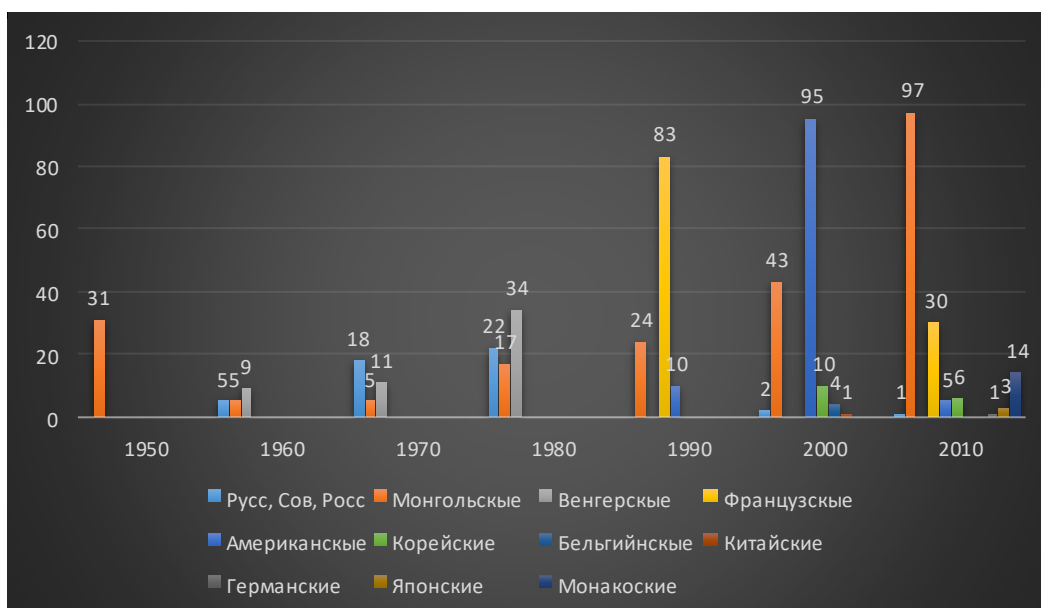

Рис. 5. Количество раскопанных малых погребений в 1950–2010 годах монгольскими и зарубежными экспедициями

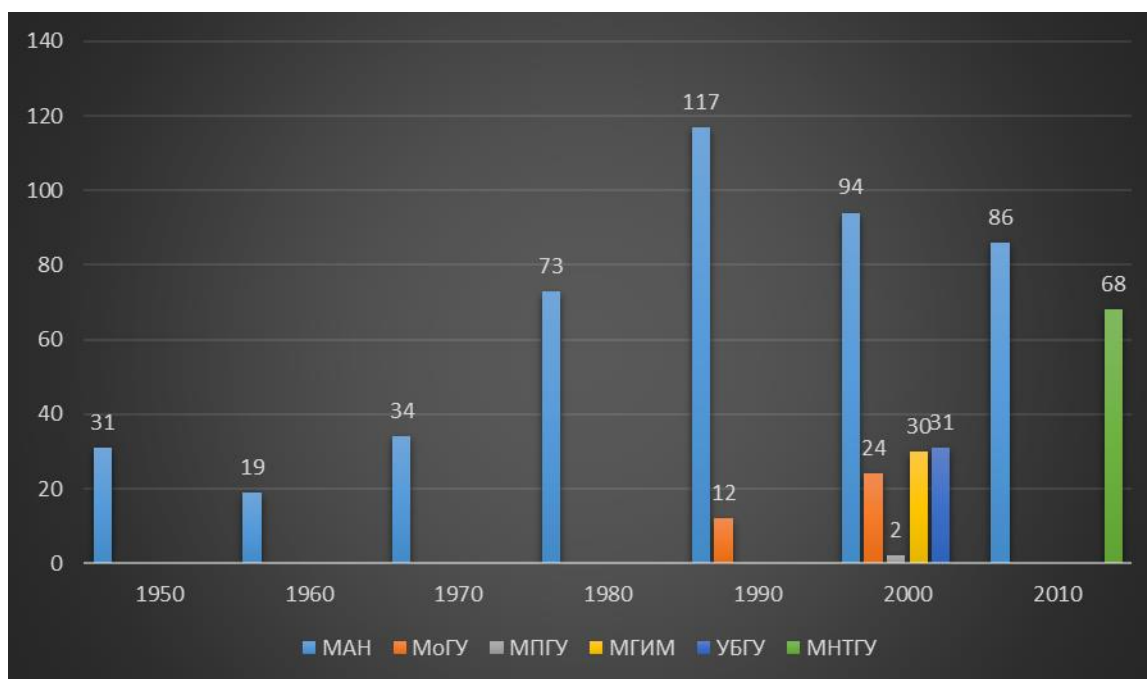

Рис. 6. Количество раскопанных малых погребений научными центрами Монголии в 1950–2010 годах

МАН – Монгольская Академия Наук; МоГУ – Монгольский государственный университет; МПУ – Монгольский педагогический государственный университет; МГИС – Монгольский государственный исторический музей; УБГУ – Уланбаторский государственный университет; МНТГУ – Монгольский научно-технологический государственный университет

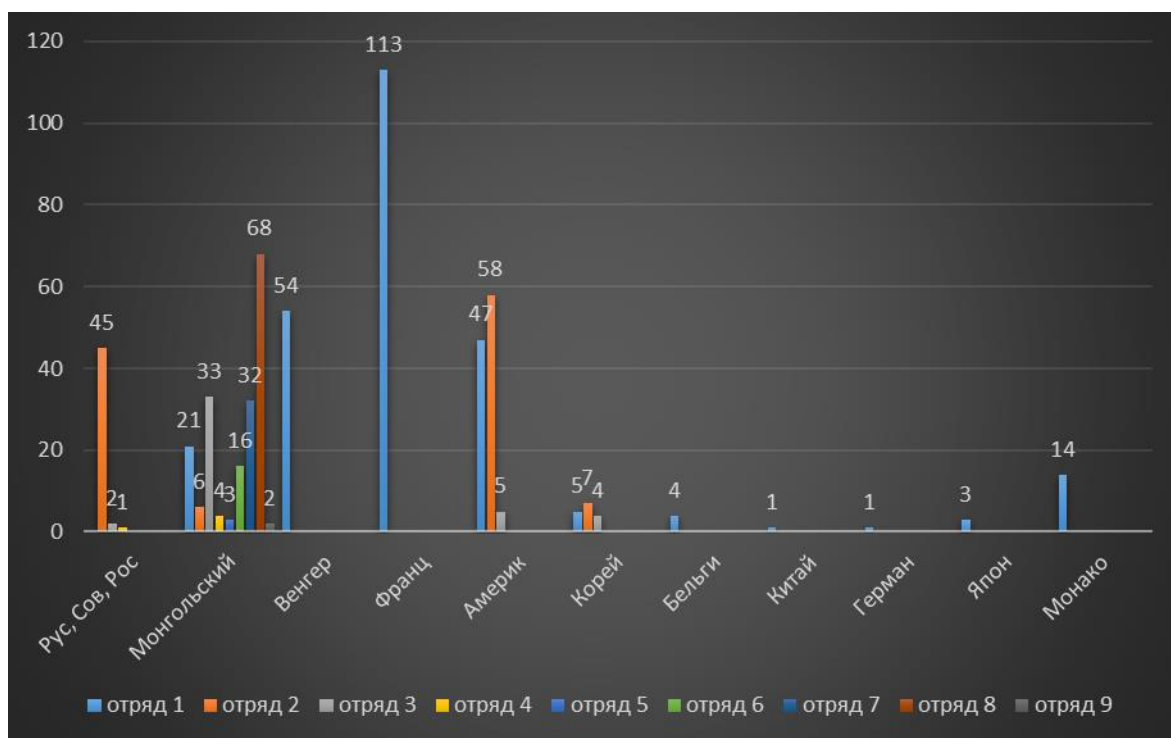

Рис. 7. Количество раскопанных малых погребений археологическими отрядами Монголии и зарубежных стран.

Русские, Советские, Российские – Отряд 1 (П. Козлов); Отряд 2 (Советские); Отряд 3 (Н. Полосьмак); Отряд 4 (А. Ковалев). Монгольские – Отряд 1 (Д. Наваан); Отряд 2 (Д. Цэвээндорж); Отряд 3 (З. Батсайхан); Отряд 4 (Ц. Турбат); Отряд 5 (Музейные); Отряд 6 (Ч. Амартүвшин); Отряд 7 (С. Улзийбаяр); Отряд 8 (Л. Эрдэнэболд и Ю.Болдбаатар); Отряд 9 (Д. Эрдэнбаатар). Французские – Отряд 1 (Жискард и Турбат); Отряд 2 (Ч. Еруул-Эрдэнэ); Американские – Отряд 1 (Ханичёрч); Отряд 2 (Миллер); Отряд 3 (Давид). Корейские – Отряд 1 (Музейные); Отряд 2 (Эрэгзэн); Отряд 3 (Д. Цэвээндорж и Н. Батболд, проект «наследия культуры»)

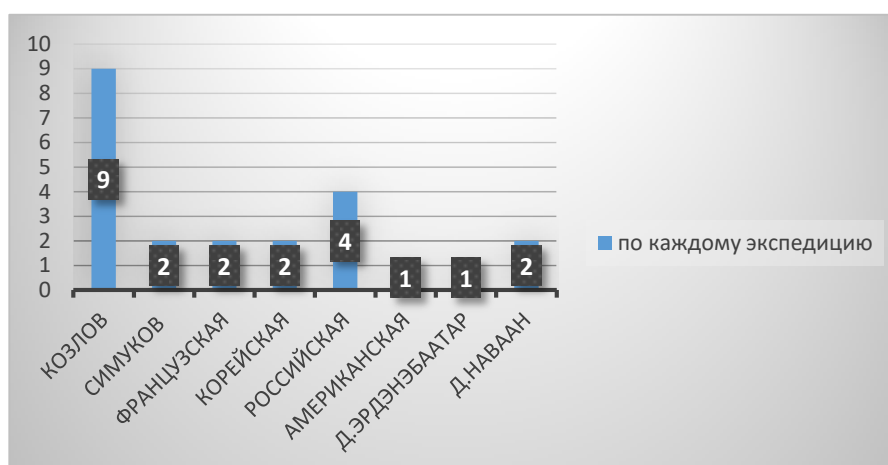

Рис. 8. Курганы с дромосом, раскопанные монгольскими и зарубежными исследователями

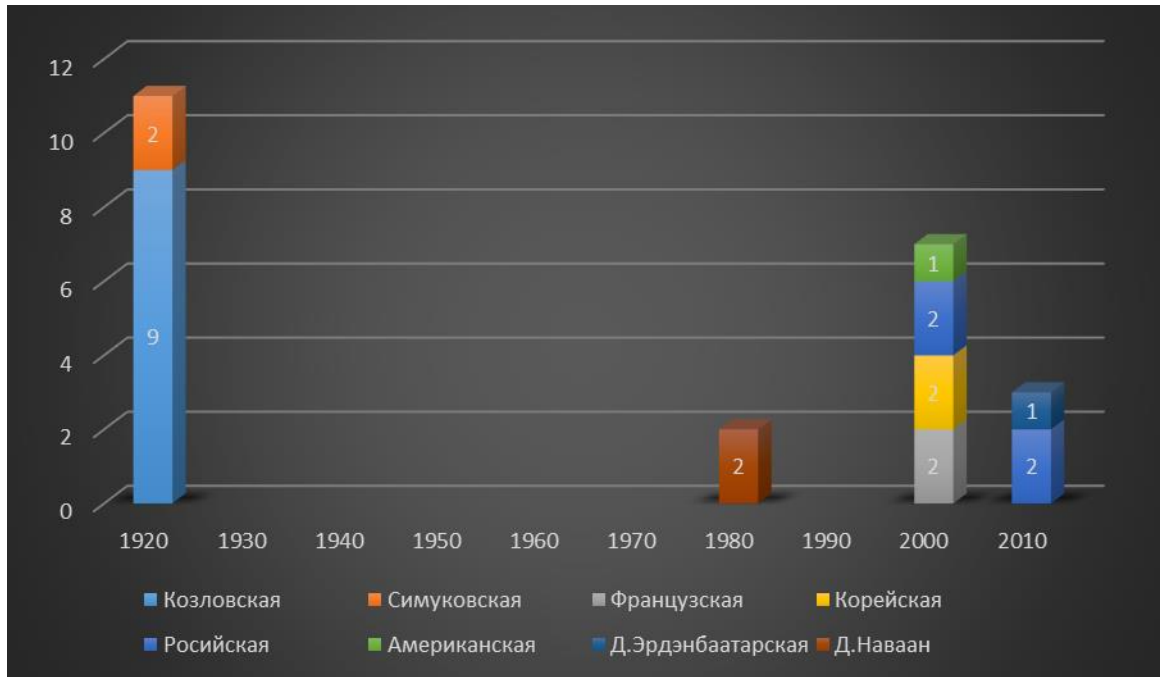

Рис. 9. Курганы с дромосом, раскопанные монгольскими и зарубежными исследователями (1920–2010 гг.)

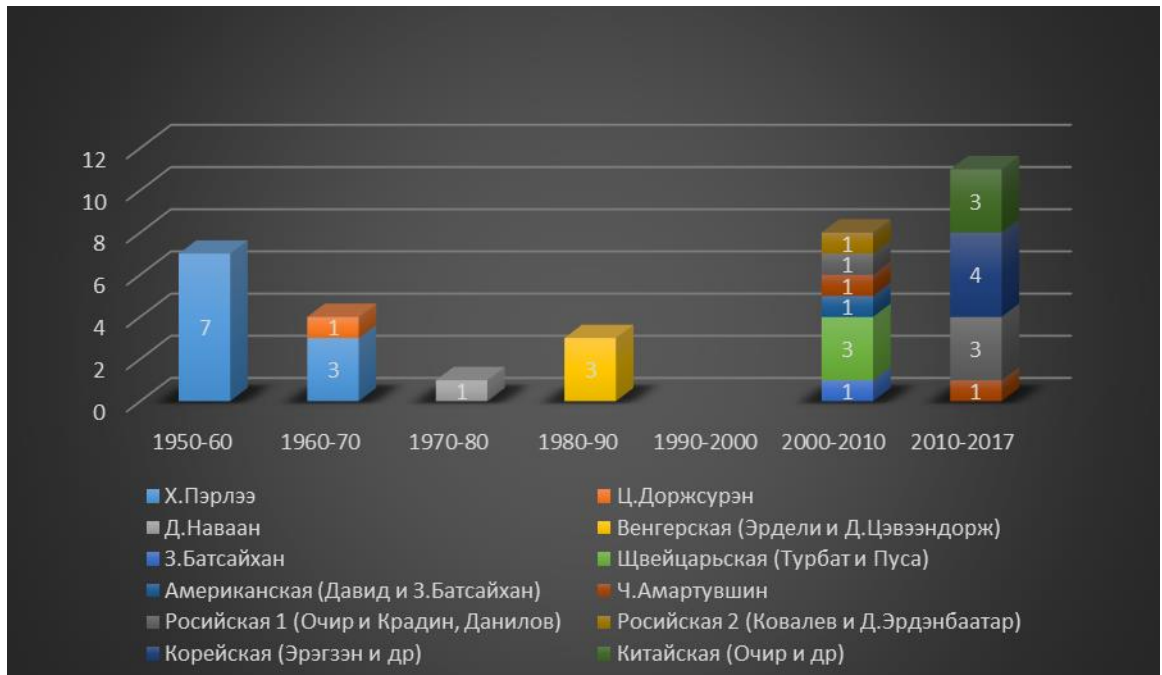

Рис. 10. Поселенческие памятники, исследованные монгольскими и зарубежными экспедициями (1950–2017 гг.)

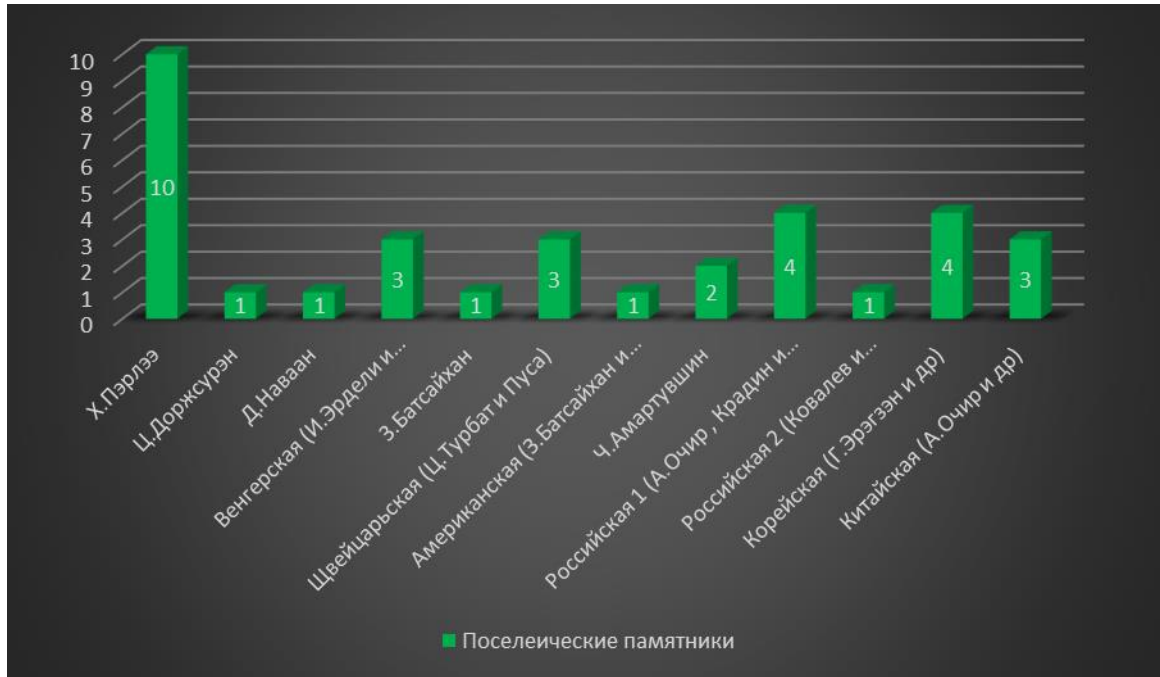

Рис. 11. Количество поселенческих памятников, исследованных монгольскими и зарубежными экспедициями

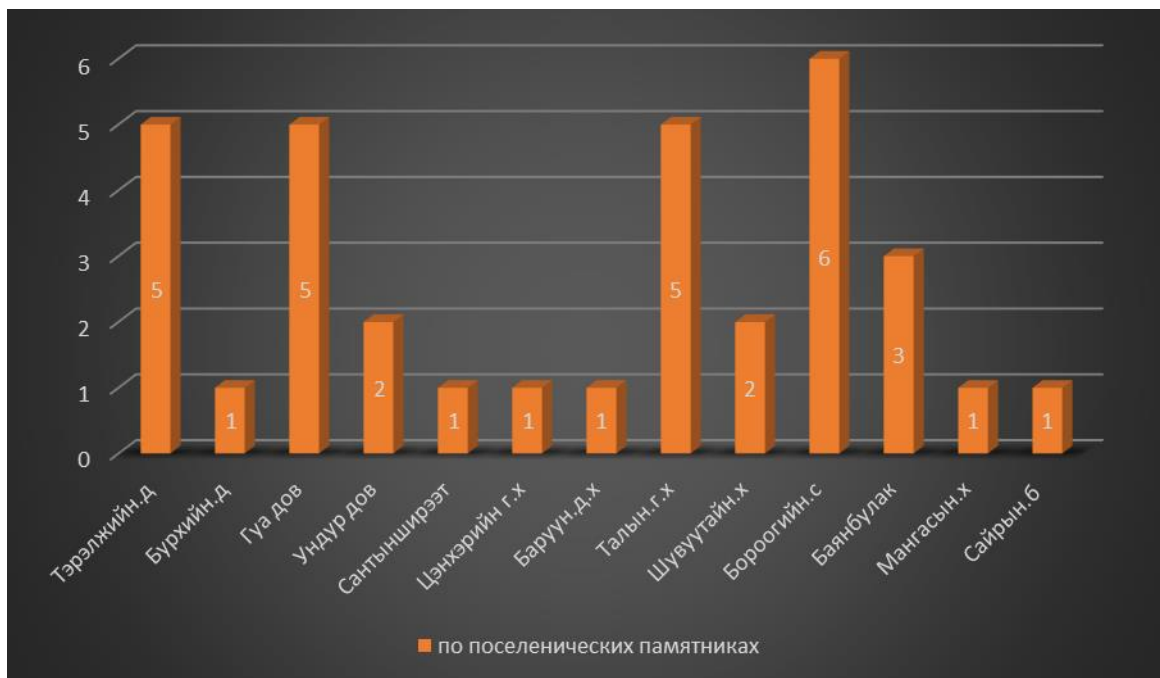

Рис. 12. Поселенческие памятники, исследованные в различных районах Монголии

П.К.Козлов, 1863-1935 г

Ц.Доржсурэн, 1923-1997 г

Х.Пэрлээ, 1911-1982 г

Н.Сэр-Оджав, 1923-1990

И.Эрдели, 1929

Д.Наанаа, 1925-2009

П.Б.Коновалов, 1937

Д.Цэвээндорж, 1945

Рис 13. Исследователи памятников Хунну в Монголии

З.Батсайхан, 1954 г

Д.Эрдэнабаатар, 1962 г

Жискард, 1929

Ц.Турбат, 1973 г

Ч.Амартушийн, 1974 г

В.Ханшгэри, 1968 г

С.Удзйибалр, 1970 г

Ч.Бруул Эрдэна, 1977 г

Г.Эрэрсэн, 1977 г

Рис. 14. Исследователи памятников Хунну в Монголии

Н.В.Полосыяк, 1956 г

Т.Сасада, 1978 г

Д.Эрдэнэболд, 1977 г

Рис. 15. Исследователи памятников Хунну в Монголии

*Сидят (слева направо) Ж.Цэвээн, П.К.Козлов, А.С.Теплоухов
 Стоят (слева направо) С.А.Кондратьев, Г.И.Боровко*

Рис 16. Монгольские и советские археологи на выставке обнаруженных предметов из Ноин-Ула. Уланбатор, ноябрь 1924 год (Юсупова, 2010)

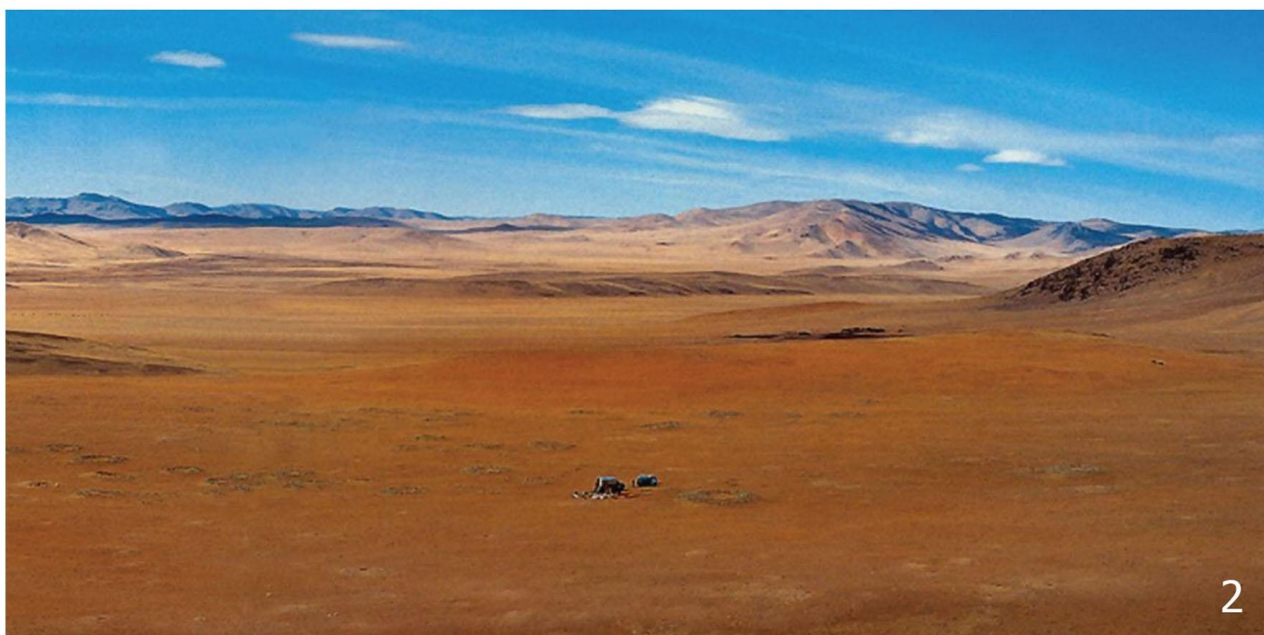

Рис 17. 1 – хуннский могильник в долине Салхитын-ам. Общий вид с юга, фото автора; 2 – хуннский могильник. Общий вид (Монголын..., 2016, с. 167)

Рис. 18. Курганы с дромосом. Начало археологических раскопок. 1 – Балгасан тал, курган № 1; 2 – Тахилтын хотгор, курган № 64 (Хуннугийн ув, 2011)

Рис. 19. Погребальные конструкции хуннских курганов с дромосом. 1, 2 – могильник Ноин-Ула, курган № 20 (Хуннугийн ув, 2011); 3 – могильник Ноин-Ула, курган № 31 (Хуннугийн ув, 2011); 4 – могильник Ноин-Ула, курган № 20 (Монголын..., 2016)

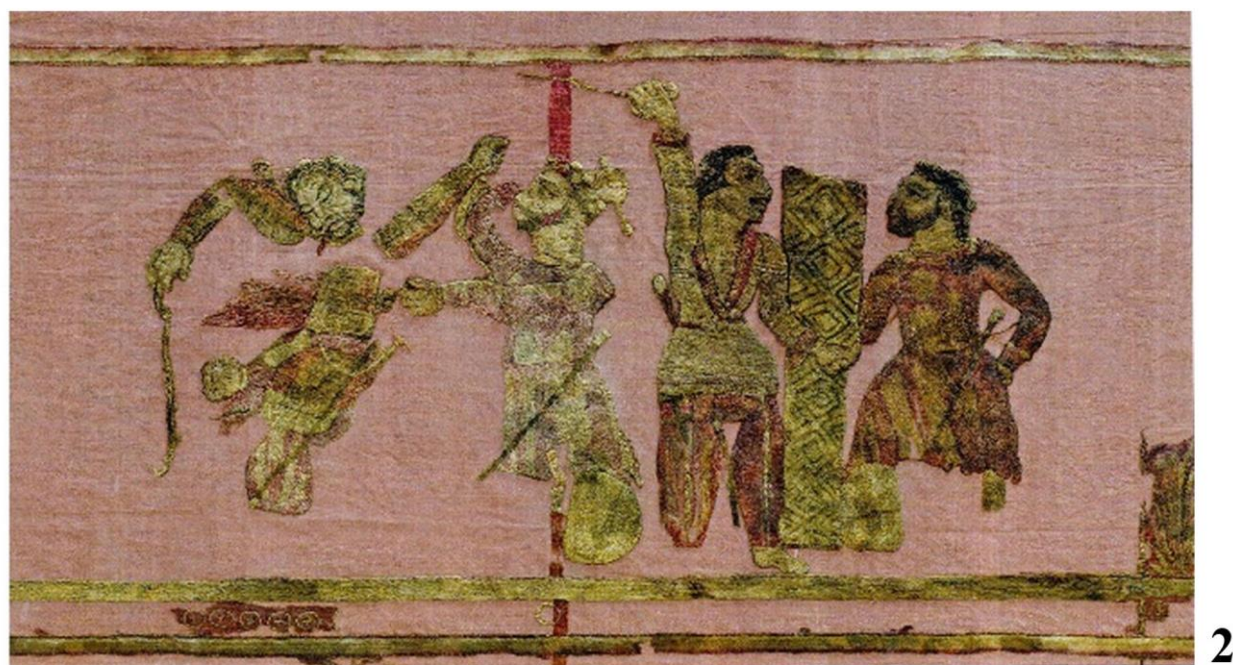

Рис. 20. Могильник Ноин-Ула, курган 31. Погребальный инвентарь. Эрмитаж.
1–2 – ковер (Монголын..., 2016)

Рис. 21. Могильник Ноин-Ула. Погребальный инвентарь. Эрмитаж. Ковер (Хуннугийн ув, 2011; Руденко, 1962)

1

2

Рис. 22. Могильник Гол-мод, курган № 20. Погребальный инвентарь. 1 – украшения конской упряжи, 2 – украшения одежды погребенного (Хуннугийн ув, 2011; Руденко, 1962)

Рис 23. Могильник Ноин-Ула. Раскопки П.К. Козлова. Одежда погребенных (Руденко, 1962)

Рис. 24. Инвентарь из хуннских памятников, подтверждающий активные внешние связи. 1 – Худгийн толгой, курган № 2; 2 – Тамирын улаан, курган № 100; 3 – Ноин-Ула, курган № 5; 4 – Балгасан тал, курган № 1; 5 – Ихэрийн ам. Бага газрын чулуу, курган № 1 (Хуннугийн ув, 2011); 6 – Ноин-Ула, курган № 20 (Монголын..., 2016)

1

2

Рис. 25. Общий вид малых хуннских курганов. Салхитын ам. Фото автора. 1 – погребение № 19; 2 – погребение № 14

1

2

Рис. 26. Общий вид малых хуннских курганов. 1 – Бишрэлтийн ам, погребение № 3 (Ванчигдаш, 2016); 2 – Салхитын ам, погребение № 18.
Фото автора

Рис. 27. Могильник Салхитын ам, погребение № 18. Этапы расчистки. Фото автора

Рис. 28. Могильник Бурхан-толгой в долине реки Эгин-гол. Детали погребального обряда малых хуннских захоронений. 1 – погребение № 21; 2 – погребение № 66; 3 – погребение № 13; 4 – погребение № 63 (Хуннугийн ув, 2011)

Рис. 29. Погребальный обряд хуннских захоронений. 1, 3 – Баруун-бэлсэг, погребение № 20; 2 – Бурхан толгой, погребение № 60; 4 – Тамирын-улаан-хошуу, погребение № 97 (Монголын, 2016)

Рис. 30. Посуда из хуннских погребений. 1 – Дуурлинг нарс, курганы № 2, 3, 4, глина; 2 – Дуулга уул, курган № 7, глина; 3 – Дуурлинг нарс, курган № 2, бронза (Хуннугийн ув, 2011)

а

Рис. 31. Глиняный сосуд. Наймаа толгой, курган без номера (Хуннугийн ув, 2011). а – деталь орнамента

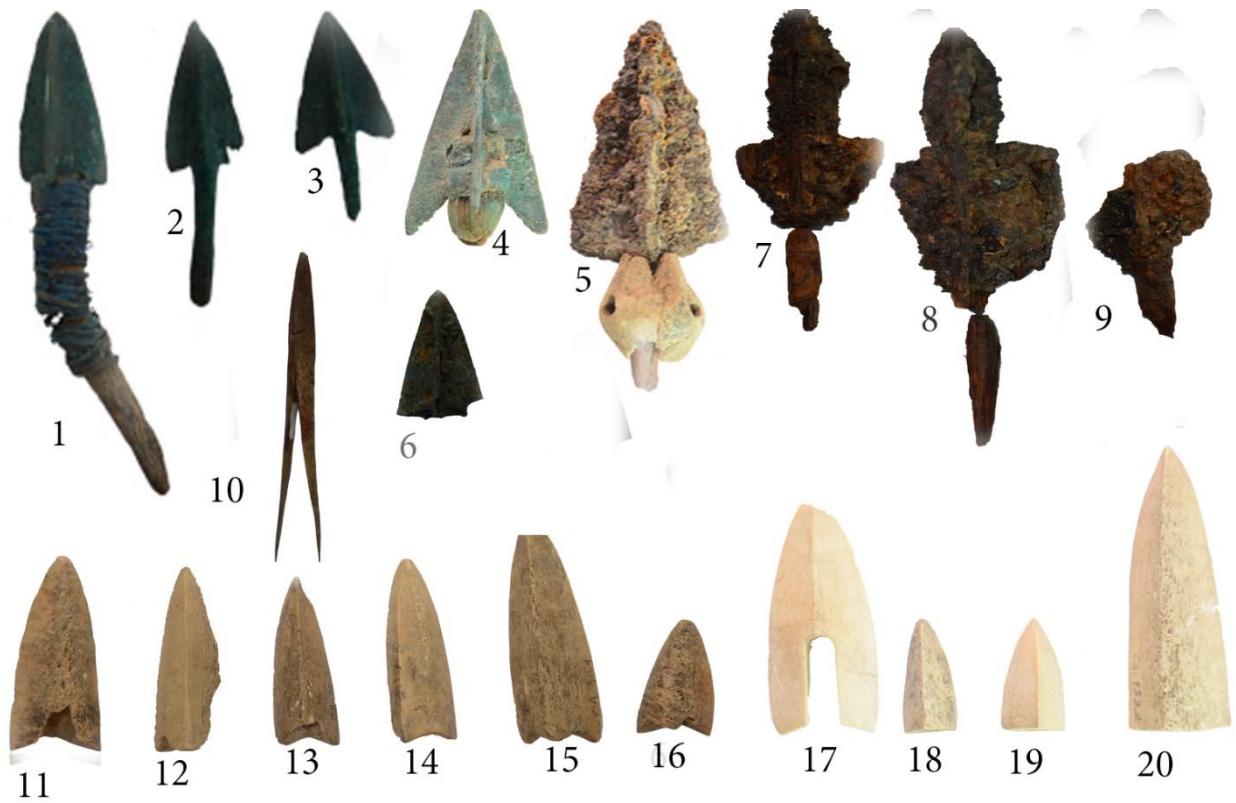

Рис. 32. Наконечники стрел из хуннских погребений. 1–4, 6 – бронзовые, 5, 7–9 – железные, 10–20 – костяные. Могильник в пади Салхитын-ама. Фото автора

Рис. 33. Костяные накладки на лук. Хуннский могильник в пади Салхитын-ама. Фото автора

Рис. 34. Могильник в пади Салхитын-ама Предметы конской упряжи из хуннских погребений. 1–4 – удила (железо); 5 – костяные удила; 6 – украшения подхвостника; 7 – украшения повода, бронза. Фото автора

1

2

3

4

5

6

Рис. 35. Хуннские поселенческие памятники. 1 – поселение Гуа-дов. Общий вид (монголо-корейская экспедиция); 2 – раскопки комплекса Тэрэлжийн дурбулжин (монголо-российская экспедиция) 3 – раскопки дома-полуземлянки. Поселение Бороо (монголо-швейцарская экспедиция). Инвентарь поселенческих комплексов.

4 – верхний полуцилиндрический кирпич (черепица), 5 – концевой диск черепицы, 6 – кирпич из поселения Тэрэлжийн дурбулжин (монголо-российская экспедиция)

Рис 36. Хуннские производственные комплексы. 1, 2 – печь для плавки железной руды (монголо-японская экспедиция); 3 – печь для обжига глиняных сосудов (монголо-японская экспедиция); 4 – глиняное сопло меха для воздушного дутья (Хуннугийн ув, 2011); 5 – верхняя часть глиняного сосуда (Хуннугийн ув, 2011); 6 – инструмент из кости для заглаживания венчика глиняного сосуда (Хуннугийн ув, 2011)

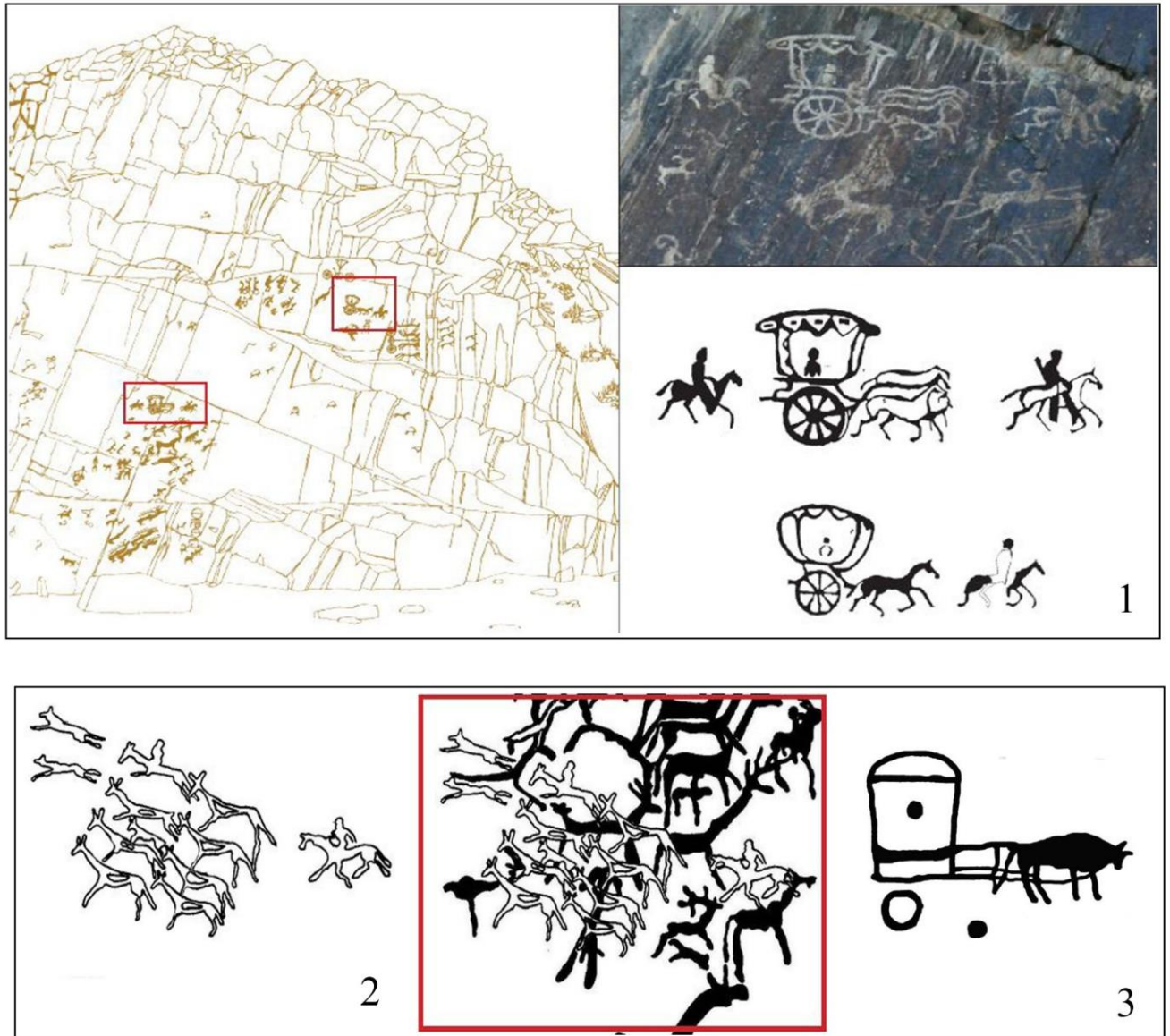

Рис 37. Наскальные изображения Хунну. 1 – местность Ямаан-ус. Общий вид, деталь, прорисовка; 6 – местность Сонгинот, 7 – местность Дэл-уул (Хуннугийн ув, 2011)

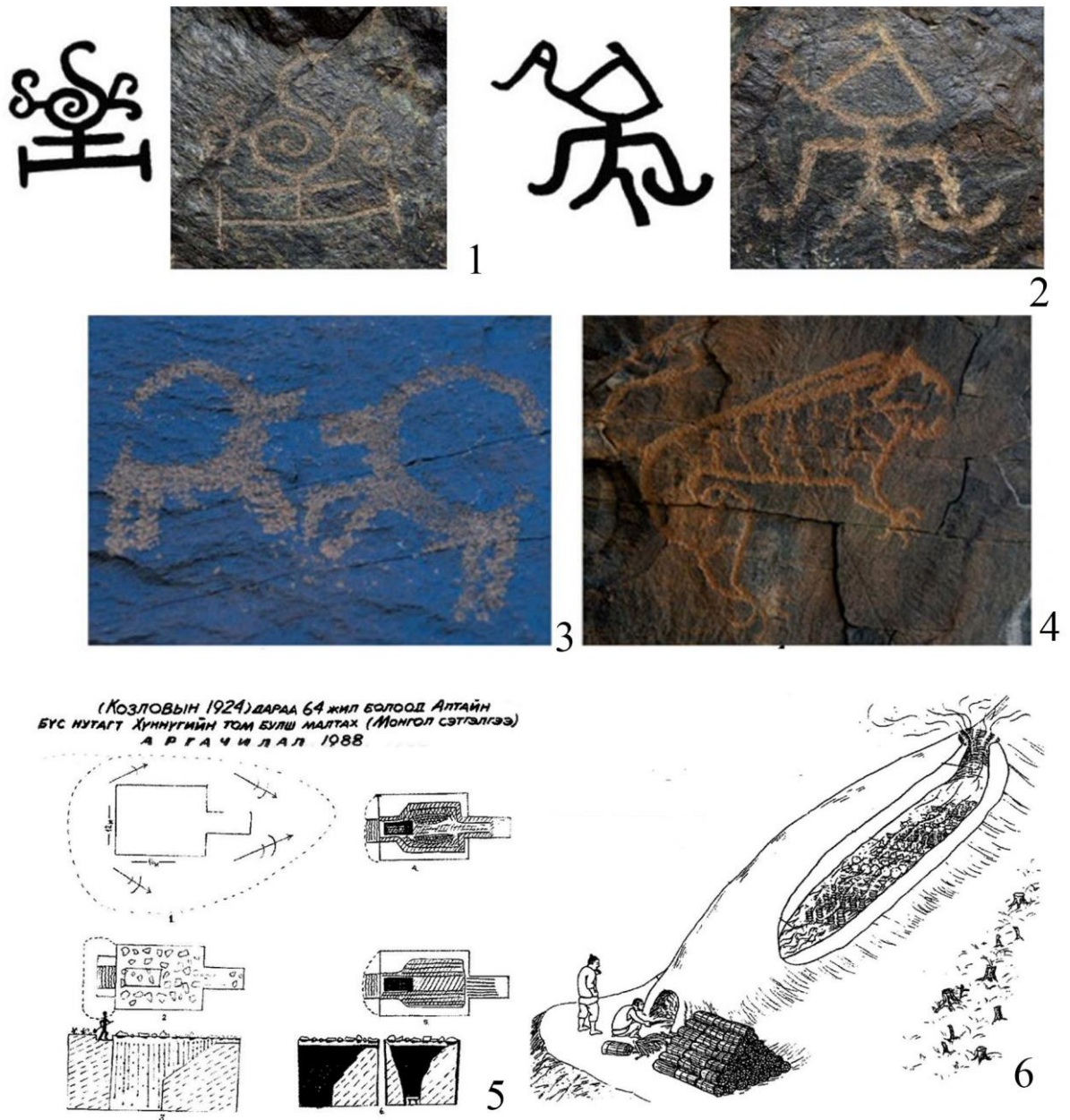

Рис 38. Хуннские наскальные изображения. 1, 2 – местность Цагаан-гол. Общий вид, прорисовка; 3, 4 – местность Хахуулийн-гол (Хуннугийн ув, 2011); 5 – хуннские погребения «способом монгольского менталитета». Схемы планов (Наваан, 2018); 6 – реконструкция печи для обжига глиняных сосудов (Амартувшин и др., 2018)